

807-36
11857
Л. Мироносицкій.

ДНЕВНИКЪ УЧИТЕЛЯ

ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ШКОЛЫ.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., д. № 6.
1901.

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

8 ноября. Получено уведомленіе, что наша одноклассная церковно-приходская школа преобразовывается въ двухклассную, и что на постройку зданія новой школы уже отпущено 500 руб. Законоучителемъ школы будетъ попрежнему нашъ отецъ, учителемъ во второмъ классѣ назначенъ я, а въ первомъ мой братъ, состоявшій доселѣ здѣсь учителемъ одноклассной школы. Одноклассная школа наша, существующая съ 1888 года, будетъ теперь называться первымъ классомъ, второй же классъ мы будемъ набирать вновь. Кромѣ того, при второмъ классѣ мы рѣшили открыть школу грамоты для того, чтобы учащіеся во второмъ классѣ имѣли возможность упражняться въ преподаваніи начальныхъ уроковъ грамоты. Учениковъ въ эту школу тоже нужно набирать вновь.

Набрать учениковъ—не хитрость, но бѣда въ томъ, что у насъ нѣтъ для нихъ ни помѣщенія, ни мебели. До 15 ноября мы должны устроить и то, и другое, а 15 непременно начать ученье.

9 ноября. Вопросъ о помѣщеніи, кажется, можно считать рѣшеннымъ. В. П. П.—въ, здѣшній торговецъ,

по первому нашему предложению, съ удовольствіемъ уступилъ намъ свою старую избу, находящуюся посреди села и саженьхъ въ 200 отъ церкви и нашего дома. Здѣсь мы помѣстимъ *первый классъ*. Изба большая, только, жаль, занята разными перегородками. Одну перегородку мы попросили позволенія разобрать. Братъ самъ сегодня разобралъ ее съ учениками, а потомъ всю комнату оклеилъ газетами и всякой бумагой. Завтра ее выбѣлять мѣломъ, и будетъ прилично. Только окна не всѣ исправны. Пригласили стекольщика и вставили выбитыя и заклеенныя бумагой звенья.

Второй классъ помѣстимъ въ старомъ школьномъ помѣщеніи, а школу грамоты—въ сторожкѣ, черезъ сѣни отъ второго класса.

10-го ноября. Съ утра выбѣлили первый классъ. протопили хорошо печку, а къ вечеру первоклассники уже торжественно переселились въ новую квартиру. Все имущество, какое мы нашли возможнымъ отдать имъ изъ прежней школы, было перевезено на дровняхъ и перенесено на рукахъ учениками. Они посягали было захватить себѣ даже картинки со стѣнъ своей старой школы и икону святыхъ Кирилла и Меѳодія, но я отказалъ имъ въ этомъ. Икону я нашель имъ въ сторожкѣ,—большая, писанная на полотнѣ икона Богоматери. Жаль только, что у нихъ нѣтъ еще лампадки. Лампадка—символъ христіанскаго просвѣщенія...

14-го ноября. Всю недѣлю съ 9—14, не взирая на праздникъ (Михайловъ день), мы съ отцемъ и братомъ работаемъ школьную мебель собственноручно. На помощь мы пригласили плотника. Помогалъ еще учитель сосѣдней школы. Сдѣлали 5 столовъ и 8 ска-

меекъ. Кромѣ того, по заказу сдѣлалъ намъ столяръ 3 стола. Но все-таки мало мебели. Посылали сегодня подводу въ Вороновскую школу: оттуда прислали еще три лишнихъ стола.

Идетъ приемъ учениковъ въ школу грамоты и во второй классъ. Въ школу грамоты привели 30 человекъ, въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ. Во второй классъ явилось 19 человекъ, въ томъ числѣ 8—нашихъ, а остальные изъ окрестныхъ селъ.

Завтра молебень предъ началомъ ученія.

21-го ноября. 15-го былъ молебень, а 16-го началось ученье. Начали, слава Богу, хорошо,—радостно и съ свѣтлыми надеждами на будущее. Ученики—„чужестранцы“, т. е. иноприходніе, взялись за дѣло весело. Только одинъ струсилъ и на другой день ученья убѣжалъ въ свою Вороновку, сказавши сестрѣ, у которой онъ поселился, что ужасно соскучился. Вчера его привезли назадъ и водворили на квартиру.

Къ концу недѣли начали обнаруживаться и грѣхи. Нѣкоторые изъ поступившихъ забыли все, что знали,—особенно по ариѳметикѣ, даже—таблицу умноженія. Въ пятницу одинъ со слезами объявилъ мнѣ, что не можетъ поспѣвать за товарищами. Онъ сдалъ школьныя книги и удалился къ своимъ крестьянскимъ работамъ.

Съ перваго же дня при школѣ устроилось общежитіе для второклассниковъ. Это сдѣлалось какъ-то само-собою, по необходимости. Отцамъ некуда было поселить сыновей, привезенныхъ во второй классъ: квартиру въ селѣ трудно найти и дорого,—всѣ жалуются на бѣдность.—„Вотъ кабы вы сами ихъ тутъ при школѣ пристроили“—говорятъ намъ. Мы сознаемъ, что это было

бы весьма удобно и въ учебномъ, и въ воспитательномъ отношеніи. Хотимъ сдѣлать опытъ. На первый разъ ребята привезли съ собою только по караваю хлѣба,—больше ничего. Отцы говорятъ: „они у насъ и дома-то ничего, кромѣ хлѣба, не ѣдятъ. Да и то слава Богу: а то—лебеду—по нынѣшнимъ годамъ“. Только одинъ привезъ пудъ муки, 10 фунтовъ пшеница и $\frac{1}{4}$ фунта масла постнаго.—Въ истекшую недѣлю мы кормили 6 человекъ своими припасами,—дѣлали опытъ: сколько чего выйдетъ въ мѣсяцъ на человека. Теперь мы рѣшили, что до Рождества (постный мѣсяцъ) на каждаго ученика нужно: 1 пудъ муки, 1 фунтъ масла, 1 пудъ картофеля, $\frac{1}{2}$ пуда пшеница и 5 фунтовъ гороху (для щей). Всей провизіи выйдетъ на два рубля. Къ этому прибавляемъ на жалованье кухаркѣ, на керосинъ и на разные мелочные расходы по кухнѣ (горшки, ложки, ухваты, лукъ, соль и т. п.)—на все 20 копѣекъ въ мѣсяцъ. Итого—2 рубля 20 копѣекъ въ мѣсяцъ съ человека. Эту цифру мы объявляемъ и отцамъ. Одинъ изъ нихъ—мордвинъ, староста, нашель ее очень подходящей: „и не обидно, и для ребятъ хорошо: по нынѣшнему году эта ѣда—дворянская“.

Съ будущей недѣли будемъ принимать по этой тактѣ провизію и деньги.

По естественному ходу дѣла общежитіе главной своею тяжестью—хозяйственною стороною—ляжетъ на плечи нашей матушки: мы не опыты и не имѣемъ досуга, чтобы вникать въ эту сторону дѣла. Хотя матушка очень сдержанна въ выраженіи своихъ чувствъ, но въ данномъ случаѣ по всему видно, что она хочетъ принять дѣло близко къ сердцу. На дняхъ она была

очень занята отысканіемъ подходящей бабы на должность „школьной кухарки“. Наконецъ, вчера окончательно наняли одну вдову, очень нуждающуюся въ кускѣ хлѣба и женщину работающую. Мы ее въ шутку называемъ „классной дамой“. Она будетъ жить въ нашей кухнѣ, а готовить пищу въ сторожкѣ,—гдѣ и школа грамоты. Чтобъ она не мѣшала намъ учиться, мы строго наказали ей, чтобы до 9 часовъ она оканчивала свою стряпню.

Тотчасъ послѣ окончанія уроковъ, въ 3 часа, учебные столы въ школѣ грамоты сдвигаются нѣсколько къ сторонѣ; на первый планъ выдвигаютъ обѣденный столъ,—устраивается столовая. Второклассники-общежитники, пропѣвши „Отче нашъ“, садятся обѣдать. Дежурный рѣжетъ хлѣбъ. Зиновья (кухарка) съ молитвой вынимаетъ изъ печки горшокъ и наливаетъ горячее: большею частію щи съ горохомъ, въ которыхъ ученики-мордовчата любятъ прибавлять еще хрѣну; загѣмъ слѣдуютъ картофель и каша.

Въ пять часовъ уже начинаются вечернія занятія, на которыхъ приходятъ и здѣшніе второклассники, живущіе въ домахъ отцовъ. Въ 8 часовъ—ужинъ въ той же „столовой“. Послѣ ужина переходятъ опять во второй классъ, гдѣ слушаемъ вечернюю молитву. Послѣ молитвы о чемъ-нибудь побесѣдуемъ и ложимся спать. Спали сначала по лавкамъ и скамейкамъ, но теперь устроили хорошее спанье въ сторожкѣ на полатяхъ. Тамъ тепло.

Утромъ, вмѣстѣ съ солнцемъ, въ школѣ начинается жизнь... Рѣзвятся ребята. Рады учиться. Каждый день приводятъ новыхъ учениковъ въ школу грамоты, и мы уже стали отказывать—тѣснота страшная: на простран-

ствѣ 35 квадратныхъ аршинъ сидитъ 30 учениковъ.— Везуть и во второй классъ. Сегодня привезли двоихъ изъ села Ш.

У перваго класса со вторымъ съ перваго же дня ученя началась война изъ-за прекрасной... песочницы... Первокласники при перевозкѣ имущества позабыли въ старомъ классѣ свою песочницу, которая сдѣлана была ученику-кузнеченку отцомъ изъ большой жестяной коробки изъ-подъ карамели и которою пользовался весь классъ. Второкласникамъ песочница понравилась и они ею завладѣли. Каждое утро первокласники въ полномъ составѣ отправляются изъ своей школы-избы къ старой школѣ и здѣсь, остановившись предъ крыльцомъ, посылаютъ повѣреннаго, который предлагаетъ, чтобы второкласники „честью“ возвратили похищенную песочницу. Конечно, тѣ ихъ прогоняютъ. И это каждое утро. Вчера только узналъ я, въ чемъ дѣло, и возвратилъ песочницу владѣльцамъ.

Сегодня — большой праздникъ. Въ церкви на лѣвомъ клиросѣ пѣлъ вновь набранный хоръ изъ первокласниковъ и „школьниковъ“. Управлялъ имъ нашъ „вольнослушатель“ Захаръ, присланный изъ с. А. священникомъ поучиться пѣнію и приемамъ обученія грамотѣ. Для перваго раза ребята пѣли даже стройно, только очень тянутъ,—неповоротливы. Слава Богу, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые обнаружили хорошіе голоса и современемъ будутъ хорошими пѣвчими на правомъ клиросѣ.

А „правый“ хоръ я начинаю перерабатывать. Хочется изгнать „музыку“ разныхъ господъ композиторовъ и ограничиться одними переложеніями древнихъ, церковныхъ напѣвовъ. Для перваго раза сегодня пѣли

тропарь и величаніе Введенію изъ переложеній А. А. Архангельскаго. Намъ нравятся эти переложенія: очень яркая основная церковная мелодія и легкіе, прозрачные аккорды.

22 ноября, въ воскресенье, во время обѣдни привезли еще ученика изъ Ш., а послѣ обѣда еще двоихъ—изъ селъ Г. и Ш. Вечеромъ мы въ двое рукъ стригли новобранцевъ подъ гребенку, гладко: для общежитія это необходимо.

Въ обѣдню опять пѣлъ новый хоръ — и уже лучше вчерашняго. Скоро будутъ пѣть по-настоящему, и тогда будемъ изучать утреню.

23 ноября. На обученіе церковному пѣнію обращено у насъ особенное вниманіе: уроки пѣнія — мои любимые уроки, — ими я начинаю и оканчиваю учебный день. Утромъ, отъ 9—10, я преподаю пѣніе въ первомъ классѣ, а отъ 2—3 — во второмъ. Методику преподаванія приходится изобрѣтать свою. Съ первыхъ же уроковъ я началъ учить писать ноты, чтобы пропѣтый звукъ не былъ для ученика чѣмъ-то отвлеченнымъ. Сегодня просматривалъ я бѣловыя нотныя тетради 2-го класса и остался ими доволенъ. Буду собирать ихъ для просмотра каждую субботу.

Первое время обученія я рѣшилъ посвятить на приученіе ребятъ къ счету моментовъ времени, т. е. изученіе длительности нотъ, не касаясь ихъ высоты. На это обыкновенно обращается мало вниманія: обыкновенно начинаютъ учить пѣть съ „нотной азбуки“ и такимъ образомъ даютъ ученику сразу двѣ трудности—запомнить интерваллы и исполнять продолжительность нотъ. Я думаю, что интерваллы—дѣло второстепенной важности, лишь бы ученики привыкли раздѣлять музы-

кальное время на равные моменты и выдерживать ихъ.

Одновременно съ элементарной теоріей пѣнія, я обучаю учениковъ съ голоса церковнымъ напѣвамъ, т. е. осмогласію, начавъ съ простѣйшаго мотива— „Богъ Господь и явился намъ“ гл. 8.

24-го ноября братъ заболѣлъ—лежитъ въ постели. Въ селѣ это—бѣда: тридцать человѣкъ должны учиться кое-какъ. Я отрядилъ въ первый классъ псаломщика, а самъ занимался сразу и во 2 классѣ и въ школѣ грамоты,—черезъ сѣни. Въ послѣдней мнѣ помогаютъ трое очередныхъ второклассниковъ.

26 ноября. Въ теченіе этой недѣли ученіе идетъ при крайне неблагоприятныхъ условіяхъ. Съ воскресенья братъ лежитъ въ постели, — не можетъ даже поворотиться. Я преподаю во второмъ классѣ и въ школѣ грамоты одновременно. Спасибо, Захаръ-вольнослушатель помогаетъ мнѣ: онъ все-таки большой человѣкъ и при немъ — полная дисциплина, при маленькихъ же второклассникахъ школьники поднимаютъ шумъ, не то, чтобы шалить, а слишкомъ свободно разговариваютъ и между собою, и съ „учителемъ“.

Вечеромъ прихожу на вечернія занятія въ школу. Лампа горитъ однимъ узенькимъ языкомъ. Не умѣютъ исправить и сидятъ въ полумракѣ. Послалъ за ножницами и обрѣзалъ фитиль. Стало хорошо, свѣтло. Рѣшительно за всѣмъ нужно слѣдить самому.

Страшно насмѣшилъ всѣхъ мордвинъ Алексѣй К. Онъ взялъ со стола ножницы, которыми я обрѣзывалъ фитиль, и сталъ примѣривать, какъ хорошо бы было этими ножницами стричься. Мы еще не успѣли обратить на него вниманія, какъ онъ выстригъ себѣ двѣ полосы отъ лба до затылка и обезобразилъ свою

голову, и до этого гладко остриженную. Насилу я успокоилъ ребятъ: покатались со смѣха. Да и нельзя было не смѣяться, глядя на фигуру К. Ему и самому смѣшно, но и смѣется онъ странно: разинетъ только ротъ, и ни одного звука.

Съ мордовчатами бѣда. Вчера цѣлый день воевалъ съ ними изъ-за подсолнечныхъ зеренъ: накупили полные карманы и соряютъ, гдѣ попало,—даже въ классѣ.

28 ноября. Кончилась незадача недѣля. Слѣдующую начнемъ съ обновленными силами. Братъ всталъ съ постели и нынѣ занимался уже на одномъ урокѣ въ школѣ грамоты.

Понемножку начинаютъ опредѣляться разныя фizioноміи и въ школѣ грамоты. Съ первыхъ дней ребята какъ-то всѣ одинаковы, безцвѣтны, какъ куски необработанной руды. Но съ каждымъ днемъ замѣчаешь, какъ начинаетъ отражаться на лицѣ напряженная умственная работа: глазки глядятъ сознательнѣе, и по всему лицу видно, что безжизненное тѣло начинаетъ вдохновляться „дыханіемъ жизни“. Учители городскихъ школъ не наблюдаютъ этой картины: тамъ ученики являются уже развернувшимися цвѣтками. Въ сельскихъ школахъ такіе — рѣдкость. Такой рѣдкій экземпляръ есть у насъ въ школѣ грамоты: это — Кирѣкъ, самый маленькій изъ своихъ товарищей, мальчонка съ большой головой. Когда его записывали въ школу, пришедшіе съ нимъ первоклассники сказали, что онъ знаетъ заповѣди. Мы его испытали. Читаетъ безъ ошибки всѣ заповѣди — „Кто тебя научилъ?“ — спросилъ я. — „Тятя!“ — отвѣтилъ онъ. Спросили еще нѣкоторыя молитвы, — и молитвы знаетъ. Братъ далъ ему въ награду образокъ Богородицы. Какъ-то онъ будетъ учиться?

Сегодня—суббота. Мы дѣлаемъ неполные уроки, чтобъ раньше отпустить ребятъ домой—убираться передъ праздникомъ. Четвертый урокъ употребляется на спѣвки. Пѣли литургію въ переложеніи Георгіевскаго и начали разучивать *молебное пѣніе Пресвятой Богородицы* въ переложеніи Д. Н. Соловьева. Прелестная, умилительная музыка. Когда-то придетъ время—и придетъ-ли, что всѣ мои ребята будутъ пѣть эти переложенія?

На второмъ урокѣ я преподавалъ отечественную исторію. Ужасно она интересуется дѣтей. Слушаютъ, затаивъ дыханіе. Но жаль, что у насъ нѣтъ ни одного учебника.

Вечеромъ, передъ баней, братъ въ сотый разъ подклеивалъ и подбѣливалъ стѣны убогой нашей школы. Я хоть и подсмѣиваюсь надъ нимъ, называя его „декораторомъ“, но сознаюсь, что пріятнѣе сидѣть въ побѣленной школѣ: чувствуется, что въ ней есть хозяинъ, что она кому-то мила и дорога; и самому становится она вдвое дороже.

Съ однимъ второклассникомъ-мордвиненкомъ вечеромъ ѣздилъ въ сосѣднюю школу. Дорогой онъ училъ меня говорить по-мордовски. Рассказывалъ, какъ у нихъ въ III. поютъ: „все по нотама“.—Какую же вы пѣли херувимскую?—спросилъ я; и онъ отвѣтилъ: „шестого и седьмого номера“. Я такъ и зналъ! Бѣдный Бортианскій! Отъ кого только ему не достается!

29 ноября, воскресеніе. Алексѣй К. — какой - то особенный. Во время вечернихъ занятій я не могу усадить его около лампы, гдѣ занимаются всѣ ученики. Онъ все забивается въ самый уголокъ класса,

гдѣ полный полумракъ.—„Мнѣ здѣсь лучше!“ — скажетъ, и продолжаетъ свою работу. Недавно я повѣсилъ на стѣнѣ въ классѣ листокъ, на которомъ написаны молитвы полууставомъ отъ руки, весьма изящно.—„Вотъ и вы,—говорю,—такъ бы выучились писать!“ Вчера вечеромъ прихожу въ школу... Одни бѣлятъ стѣны, другіе рѣжутъ бумагу для подклейки и въ то же время рѣшаютъ ариѳметическія „загадки“, К. сидитъ въ своемъ углу, склонившись надъ чѣмъ-то. Подхожу—и что же? Онъ, пыхтя и потѣя, снимаетъ копию съ того полуустава, который я повѣсилъ на стѣнѣ. Я послѣдилъ за его работой. Онъ поминутно отрывается отъ своего листка бумаги; посмотритъ и сбоку, и сверху, и все повторяетъ: „нѣтъ не гоже“.

Послѣ обѣдни получилъ письмо отъ того священника, который прислалъ Захара-вольнослушателя. Пишетъ: „въ д. С., вѣроятно, откроется школа грамоты. Съ нѣкоторыми прихожанами я уже говорилъ объ этомъ, и они приняли мое предложеніе съ радостью. Завтра будетъ сходъ въ С., рѣчь будетъ о школѣ, и можетъ быть, Богъ дастъ, дѣло устроится. Учителемъ хочу сдѣлать Захара, а мы съ учителемъ земской школы разъ въ недѣлю будемъ навѣщать его. Пока Захаръ у васъ, познакомьте его съ приемами обученія грамотѣ; пусть онъ каждый день бываетъ въ вашей приготовительной школѣ и пріучается. На него я возлагаю большія надежды. Онъ долженъ возродить у меня церковное пѣніе, и досадно будетъ, если я въ немъ разочаруюсь. Чтобъ держать его постоянно при себѣ и въ рукахъ, я и хочу дать ему школу. Приготовьте изъ него учителя, а потомъ пріѣзжайте взглянуть на дѣло рукъ вашихъ“.

Приятно получать такія письма. Они возбуждаютъ энергію, ибо видишь, что дѣлаешь не бесплодное дѣло.

Сейчасъ происходила любопытная сцена у насъ въ кухнѣ. Мордвинъ привезъ сына во второй классъ. Мы отказывались принять, потому что учились уже двѣ недѣли, а съ отставшими—мученье.

— Никакъ нельзя? спросилъ мордвинъ послѣ всѣхъ моихъ разъясненій.

— Никакъ! отвѣтилъ я твердо.

— Ну, теперъ опять плакать будетъ парнишка! — сказалъ онъ безнадежно и упавшимъ голосомъ.

— Да ты привезъ, что-ль, его? — спросилъ я. Мнѣ просто стало жаль этого лохматого подслѣповатаго мужика, столь огорченнаго неудачей. Мальчика въ кухнѣ не было.

— Здѣсь, здѣсь. Онъ у воротъ. Я сейчасъ! — заговорилъ мордвинъ, оживившись, и быстро вышелъ изъ избы.

Черезъ минуточку онъ воротился съ мальчикомъ. Приличный мордвиненокъ. Я поиспыталъ его въ знаніи предметовъ. Не изъ бойкихъ. Но въ глазахъ у него стояли слезы; онъ очень напуганъ. Казалось жестокимъ отпустить его съ миромъ домой. Я спросилъ отца о содержаніи. Онъ сказалъ: „какъ люди, такъ и я!“ Я опять заговорилъ о томъ, что поздно, и что едва-ли мальчикъ поспѣетъ за товарищами.

— Ей-Богу, — побожился мордвинъ, — мы вчера только узнали. — Ей-Богу! — повторилъ онъ и вдругъ совершенно неожиданно для меня, опустился предо мной на колѣни, а за нимъ и мальчикъ. Я не зналъ, что и дѣлать...

Желалъ бы я, чтобы видѣли эту сцену тѣ недо-вѣрчивые люди, которые говорили мнѣ, что никакой мужикъ изъ чужого села не повезетъ къ намъ учиться своего сына, и что двухклассныя школы — напрасная затѣя и кабинетная выдумка.

Послѣ обѣда, только-что уѣхалъ тотъ мордвинъ, пріѣхалъ другой, изъ другой деревни, тоже съ сыномъ. Отказать было уже нельзя, потому только что сегодня одного приняли. Но мнѣ было досадно за отца, почему онъ такъ поздно привезъ. Я зналъ этого мордвина раньше, и зналъ, что ему давно было извѣстно объ открытіи школы. Онъ самъ хорошо грамотный.

— Было препятствіе, — объяснилъ онъ: баба у меня возмутилась, не пускаетъ да и только. Со свѣта, говорить, сгоню и тебя, и его. Все уговариваль... Нельзя ли принять? Пожалуйста!

Произвели экзамень. Ловкій паренекъ. И фамилія любопытная для мордвина — Школьниковъ. Приняли новаго Ломоносова.

Послѣ обѣда всѣхъ учениковъ мы водили въ церковь, устанавливали въ ряды, и я производилъ опыты общаго пѣнія. Пропѣли „Достойно есть“, „Правило вѣры“ и „Святителю отче Николае, моли Бога о насъ“. Потомъ братъ рассказалъ дѣтямъ житіе святаго апостола Андрея Первозваннаго, память (преставленіе) котораго — завтра.

Вечеромъ была спѣвка. Я напоилъ чаемъ пѣвчихъ, а съ ними для компаніи велѣлъ дать чаю и общежитникамъ. Ужасно нравится ребятамъ это угощеніе. И стоитъ дешево. Сегодня пили 17 человекъ, а израсходовалъ я 55 копѣекъ. Изъ этой же суммы израсходовано 17 копѣекъ на крендели, да отъ 2-хъ фун-

товъ сахару около фунта осталось къ слѣдующему чаю.

30 ноября. День прошелъ хорошо. Въ первомъ классѣ удовлетворительно пѣли. Тамъ мы разучили тропарь святымъ Кириллу и Меѳодію: „Яко апостоловъ единоправніи“, греческимъ распѣвомъ. Напѣвъ очень понравился дѣтямъ, и они его скоро усвоили. Этотъ тропарь поемъ мы въ заключеніе утренней молитвы, иначе сказать—предъ началомъ перваго урока.— Сегодня въ первый разъ пропѣли послѣ урока пѣнія „Достойно есть величати Тя, Богородице“ знаменнаго распѣва. Чрезвычайно нравится мнѣ это торжественное, вдохновенное пѣснопѣніе... Мелодія взята мною изъ „Молебнаго пѣнія“ Д. Н. Соловьева.

За ужиномъ новопринятый Игошкинъ (кланявшійся въ ноги) ничего не ѣлъ и вышелъ изъ-за стола раньше другихъ. Ребята сказали, что онъ днемъ все плакалъ. Я думаю, что онъ тоскуетъ о домѣ. Но оказалось, что онъ просто боленъ. Послѣ молитвы я велѣлъ ему идти къ намъ въ кухню. Дали лѣкарства. Теперь спитъ.

1 декабря. Много мученья было сегодня съ арифметикой. Съ своими второклассниками я положительно надсадилъ грудь. Все позабыли, и мало развитія. Приходится теперь пожинать плоды беспорядочнаго преподаванія этого предмета въ одноклассныхъ школахъ. Главная бѣда въ томъ, что ученики не приучены отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что они дѣлаютъ. Требуется, напимѣръ, узнать, сколько золотниковъ, было въ дюжинѣ ложекъ, если въ каждой ложкѣ было 7 золотниковъ. Ученикъ не скажетъ, что нужно 7 золотниковъ повторить 12 разъ, а говоритъ, что нужно 12

помножить на 7, отъ чего у него въ головѣ происходитъ путаница. Когда онъ окончитъ умноженіе и получитъ 84, спросишь его: чего это 84? И онъ къ великой досадѣ отвѣчаетъ: *ложекъ!* Обидно.— Теперь я требую, чтобы ученики записывали ходъ рѣшенія строчками въ тетради, чтобы они приучились отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ дѣйствіи.

Во второмъ классѣ сегодня закончилъ упражненія въ выдерживаніи продолжительности нотъ. Завтра хочу начинать изученіе различія звуковъ по высотѣ. Боюсь не провалиться бы на началѣ. Хорошее начало—половина успѣха.

2 декабря. Сегодня—среда; по средамъ у насъ въ селѣ бываетъ базаръ. У учениковъ-чужеприходныхъ въ базарные дни происходитъ свиданіе съ родителями и односельчанами. Многіе отцы привезли сегодня недоимку за прокормленіе дѣтей въ общежитіи. Нѣкоторые спрявлялись объ успѣхахъ дѣтей въ учении. Одному грамотному отцу я показалъ въ журналѣ мѣсячные баллы его сына. Увидавъ всѣ четверки, онъ перекрестился: „слава Богу!“

Больной мордвиненокъ, включенный въ школу въ прошлѣе воскресенье, уѣхалъ сегодня во-свояси: все жалуются на болѣзнь,—говоритъ, что ему не подьсилу заниматься. Старикъ-дѣдушка привезъ было ему всякихъ припасовъ на мѣсяцъ, но ему пришлось все это увезти обратно вмѣстѣ съ внукомъ. Старикъ огорченъ до слезъ. На прощанье онъ далъ мнѣ 6 копѣекъ, которыя мальчикъ задолжалъ за бумагу. Я отказался.— „Пусть,—говорю,—эту бумагу онъ возьметъ даромъ, на память о нашей школѣ“.—Ну, такъ возьми это себѣ въ гостинецъ! — сказалъ мордвинъ. — Нѣтъ, ужъ ты

лучше больному купи гостинецъ!" Въ заключеніе, я посовѣтовалъ мальчику больше учиться дома—читать и писать, и если ему будутъ нужны книги, то чтобъ пріѣзжалъ къ намъ—мы дадимъ. Старикъ благодарилъ и немного просвѣтлѣлъ. Пріѣдутъ ли они за книгами?

3 декабря. Во второмъ классѣ диктовка — невозможная. Нѣкоторые искажаютъ слова до неузнаваемости, дѣлая по 4 ошибки въ словѣ. Въ глазахъ рябитъ, когда читаешь тетрадки. Замѣчательно, что первоклассники-старшіе пишутъ правильнѣе. Объясняю это тѣмъ, что мои ученики, окончивши курсъ, и не помышляли, что имъ придется еще учиться, и сложили оружіе: позабыли самыя элементарныя правила правописанія. Страшно подумать, что такихъ молодыхъ мнѣ нужно довести до умѣнья дѣлать самостоятельныя изложенія мыслей.

По пѣнію дошли до 3 ступени гаммы. Ничего—понимаютъ. Хоть это меня утѣшаетъ. Вечеромъ пѣли: „Достойно есть“—кіевскаго распѣва переложенія Георгіевскаго и антифоны въ литургію на Рождество Христово переложенія Архангельскаго. Послѣднее очень понравилось моимъ пѣвчимъ.

5 декабря. Уроки окончились раньше обыкновеннаго—въ часъ дня. Это по тому случаю, что завтра Николинъ день—большой праздникъ. Нѣкоторые ученики отпросились домой, побывать у родныхъ. За ними прислали лошадей. Двое просились идти домой пѣшкомъ, но я не отпустилъ; холодно, можетъ случиться вьюга, а вечеръ наступаетъ рано,—въ пять уже темно. Одинъ поплакалъ съ горя.—Чтобъ оставшимся не было скучно, вечеромъ братъ знакомилъ ихъ со своей аптекой; составилъ при нихъ порошокъ отъ кашля и вы-

училъ ихъ развѣшивать его и завертывать въ бумажку. Развеселились ребята.

6 декабря. Въ заутреню пѣли „Хвалите имя Господне“ стариннаго распѣва въ переложеніи Георгіевскаго. Тропарь „Правило вѣры“ пѣли всѣ ученики совмѣстно съ хоромъ. Очень торжественно.

Въ обѣдню пѣли изъ переложеній Георгіевскаго—„Достойно есть“. Прекрасные мотивы принадлежатъ нашимъ стариннымъ, невѣдомымъ пѣснопѣвцамъ. И какъ они близки народному сердцу и пониманію: не то, что новѣйшія композиціи, сдѣланныя по всѣмъ правиламъ гармоніи!

Послѣ обѣдни Захаръ уѣхалъ. — О. Іоаннъ прислалъ за нимъ лошадь. Онъ открылъ въ своей деревнѣ школу грамоты и вызываетъ Захара начинать ученіе. Любопытный опытъ. Будемъ слѣдить за новой школкой зорко. И слабый, мигающій огонекъ, затеплившійся во мракѣ, вселяетъ въ душу отрадное чувство.

8 декабря. Сегодня школьный сторожъ угостилъ насъ угаромъ. Особенно досталось школьникамъ, учащимся въ сторожкѣ; ихъ отпустили послѣ перваго урока. Во второмъ классѣ сдѣлали большую перемѣну на цѣлыхъ два часа, вмѣсто полчаса. Кончили уроки совсѣмъ вечеромъ.—На урокѣ пѣли по нотамъ малую ектенію кіевскаго распѣва.

10 декабря. Огорчили меня второклассники: въ смѣну между Закономъ Божіимъ и вторымъ урокомъ они подняли ужасную пыль,—такую, что отъ входной двери мнѣ не видно было иконы. Дышать можно было только черезъ платокъ, прикладывая его ко рту.

На урокахъ пѣнія, когда я замѣчаю, что ребята утомлены и хотятъ скучать, я пишу имъ на доскѣ

мотивъ какой-нибудь свѣтской пьесы, и мы разбираемъ его. Это дѣйствуетъ очень хорошо. Сегодня мы изучили уже 4-ю ноту, т. е. окончили первый тетраходъ. Теперь намъ больше раздолья въ звукахъ. Я написалъ отрывокъ изъ марша: „Многи лѣта“. Живо разобрали и пропѣли нѣскольکو разъ, но безъ словъ. Это-то и важно. Церковные напѣвы, когда ихъ поютъ „по солямъ“, т. е. безъ словъ, представляютъ мало увлекательнаго: церковная музыка совершенно нераздѣльна со словами: Я же текста опасуюсь, потому что—думаю—оттого мы и не знаемъ нотъ, что насъ не заставляли читать *ноты*, а прямо пѣть слова. А это—двойная трудность, если поютъ совсѣмъ неизвѣстное и—напротивъ—самообманъ, если поютъ давно извѣстный по слуху напѣвъ.

12 декабря. Есть у насъ мальчикъ „озорникъ“,—непремѣнная принадлежность всякой школы, Андрей В.—умный и красивый мальчишка, но чрезвычайно рѣзвый и живой, и, если его не сдерживать, его рѣзвость переливается черезъ край. Когда онъ въ ударѣ, онъ овладѣваетъ вниманіемъ всего общества и всѣхъ отбиваетъ отъ работы. Что бы ни случилось въ школѣ неладное,—онъ непремѣнно тутъ. Когда пригрозишь ему исключеніемъ, онъ испугается и день-два „не озоруетъ“, но потомъ опять то же. Сегодня онъ смиренъ, потому что вчера былъ наказанъ за пляску въ классѣ во время смѣны. Цѣлый день все вздыхаетъ. Я говорю:

— Что ты такъ глубоко вздыхаешь? Или бремя тяжкое отяготѣ на тебѣ?

— Все думаю,—отвѣчалъ онъ,—какъ бы отстать отъ озорства. Да нѣтъ, не можно. Вотъ нынче цѣлый день не озорую, такъ меня даже тоска забрала!

Вотъ и суди ихъ!

13 декабря. Воскресеніе. У заутрени были всѣ ученики, хотя наканунѣ было сказано, что если будетъ очень холодно, то дальніе и маленькіе могутъ не приходить.

Въ заутреню пѣли въ первый разъ „Отъ юности моя“ по напѣву Кіево-Печерской лавры. — Литургія продолжалась отъ 8^{1/2} до 11^{1/2} час. Послѣ окончанія ея пѣли водосвятный молебенъ по случаю освященія иконы св. Александра Невскаго, приобрѣтенной крестьянами въ память прошлогодняго кормленія народа.

14 декабря. Вечеромъ пріѣхалъ о. Іоаннъ изъ с. А. Рассказывалъ, какъ они вчера открыли школу грамоты въ деревнѣ С. Послѣ обѣдни за нимъ и за пѣвчими присланы были изъ С. подводы. Изъ церкви съ крестнымъ ходомъ была перенесена та икона, которая предназначена въ новую школу. Къ молебну всѣ деревенскіе обитатели сошлись къ скромной избушкѣ, удостоившейся быть первымъ пріютомъ для бѣдной школы.

Съ о. Іоанномъ долго мы бесѣдовали о хорѣ. Онъ старается завести у себя хоръ, или вѣрнѣе—упрочить существованіе хора, возникшаго раньше его поступленія въ приходъ. Хоръ никуда негодный, но тѣмъ не менѣе избалованный. Существующее при церкви попечительство почти всѣ свои средства тратитъ на хоръ: даютъ и деньгами, угощаютъ круглый годъ чаемъ и т. д. Теперь они придумали другую мѣру: не выдавать ли вознагражденіе одеждой?

Я посовѣтовалъ о. Іоанну немедленно уничтожить всякое вознагражденіе пѣвчимъ. Пусть они не думаютъ, что оказываютъ одолженіе церкви или кому-либо и что имѣютъ право на плату. Они должны видѣть

высшую награду уже въ томъ, что стоятъ такъ близко къ Святому-Святыхъ богослуженія и глаголютъ устами народа. Можно, конечно, ихъ и угощать, но пусть они не смотрятъ на это, какъ на что-то обязательное со стороны церкви.

— Они сейчасъ откажутся пѣть,—возразилъ мнѣ о. Іоаннъ.

— Пускай ихъ уйдутъ всѣ. Пусть поетъ одинъ псаломщикъ. Они окажутся въ ужасномъ положеніи, и сами предложатъ свои услуги бесплатно.

Я указываю на свой хоръ. У меня не пѣвчіе грозятъ тѣмъ, что уйдутъ съ клироса, но, напротивъ, я угрожаю неисправнымъ пѣвчимъ удаленіемъ ихъ изъ хора. О вознагражденіи же мои пѣвчіе не умѣютъ и думать.

Вечеромъ въ общежитіи произошелъ маленькій беспорядокъ. Зайдя послѣ обѣда въ школу, я почувствовалъ, что холодно, и велѣлъ ребятамъ въ другой разъ затопить печь. Они при мнѣ нарубили дровъ и затопили. Сторожа не было. Когда я ушелъ, явился сторожъ—Кирюха, вѣчный врагъ нашъ изъ-за отпленія школы, — и началъ шумѣть — зачѣмъ затопили печку, и кто это сдѣлалъ. Въмѣсто того, чтобы сослаться на меня, ребята стали крыться другъ за друга, и, наконецъ, Иванъ М. сказалъ, что затопилъ печь Пироговъ. И вотъ на Ивана М. накидываются Пироговъ и присмирѣвшій было за эти дни В.; называютъ его ябедникомъ, грозятъ про самого про него все „доносить“—и вообще отомстить ему. Главнымъ мстителемъ, неизвѣстно съ какой стати, явился В. Когда я опять пришелъ въ школу, М. плакалъ и рассказывалъ мнѣ все. Ясно я понялъ, что это въ нашей школѣ

хочетъ народиться тотъ бурсаизмъ, отъ котораго я самъ столько терпѣлъ въ городскихъ общежитіяхъ, гдѣ онъ никогда не выводится. Я успокоилъ М. при всѣхъ товарищахъ, говоря строгимъ голосомъ, что я рѣдко дѣлаю. Когда, окончивши рѣчь, я быстро перевелъ взглядъ на В., онъ моментально упалъ на колѣни и сталъ плакать. Не обративши на него никакого вниманія, потому что это колѣнопреклоненіе и слезы—привычный у него пріемъ, усвоенный въ семьѣ, я сказалъ ученикамъ, что не хочу и говорить съ В., что такой человекъ не можетъ жить съ нами, что я даже ночевать его не оставляю въ общежитіи, и велѣлъ дежурному послѣ ужина привести его къ намъ въ домъ. Онъ ночевалъ у насъ на полатяхъ. Поутру я сказалъ ему, что такъ какъ онъ всѣмъ мѣшаетъ, то я сведу его на квартиру, а въ общежитіи не оставлю. На большую смѣну я пошелъ домой и ему велѣлъ идти съ собою. Послѣ окончанія уроковъ я сказалъ ему: „послѣ обѣда собери свои книжки и немедля приходи къ намъ въ кухню“. Онъ принялся плакать и не хотѣлъ даже обѣдать. До огня и при огнѣ онъ занимался въ кухнѣ усердно. Никто съ нимъ не говорилъ ни слова. Предъ ужиномъ онъ сказалъ кухаркѣ: „здѣсь много лучше учить уроки. А я, вѣдь, думалъ, что мнѣ тутъ будетъ какое-нибудь наказаніе, или что меня отвезутъ домой. Тутъ—царствіе“...

Я угадалъ: среда его возбуждаетъ; потому—самое вѣрное средство усмирить его и заставить дѣлать дѣло—удалить его отъ среды. Теперь мы называемъ это наказаніе „переводомъ изъ общежитія въ скитъ“.

16 декабря. Андрей В. продолжаетъ заниматься въ скиту и хвалить свою долю. Въ общежитіи водворился миръ.

Вечеромъ была спѣвка, но не обычная: я пробоваль пѣть съ одними дѣтскими голосами. Выходить превосходно. Мы пѣли „Днесь благодать Святаго Духа насъ собра,“ изъ „Азбуки Хорового Пѣнія“ Д. Н. Соловьева. Теперь у меня будетъ много работы по переложенію разныхъ пѣснопѣній на дѣтскіе голоса.

17 декабря. Мы практикуемъ способъ обученія младшихъ учениковъ старшими. Въ школѣ грамоты оказались человекъ 10 неуспѣвающихъ. Мы дали каждому изъ нихъ старшаго изъ первоклассниковъ; выборъ сдѣланъ по взаимному соглашенію: у иныхъ нашлись родственники, у другихъ—сосѣди. По вечерамъ каждый отправляется къ старшему, и у него учить урокъ; въ трудныхъ мѣстахъ старшій „проводитъ“ младшаго. Дѣлается это съ большой охотой. Иногда младшіе и ночуютъ у старшаго. Дѣло послѣ этого пошло у насъ значительно успѣшнѣе.

Первоклассниковъ познакомили съ цифирнымъ нотописаніемъ. Оно имъ очень понравилось. Теперь и самые младшіе будутъ писать ноты и пѣть по нотамъ. Сегодня пѣли на одной нотѣ *до*. Они записали *г. г... и г г г г г. г...* (Аминь и Господи, помилуй). А старшіе пропѣли уже по цифрамъ „Славься, славься“ первую фразу.—Во второмъ классѣ добрались до *соль*—и по цифирной партитурѣ пѣли: „Во Иорданѣ рѣкъ“—первую фразу.

18 декабря. Послѣ вечерней молитвы, предъ отходомъ ко сну, у насъ часто бываетъ съ общежитниками бесѣда о чемъ-нибудь, не имѣющимъ прямого отношенія къ урокамъ и ученью. Ученики иногда рассказываютъ о различныхъ обычаяхъ, обрядахъ, повѣрьяхъ, въ каждомъ селѣ имѣющихъ свои особенности. Такъ,

на дняхъ трое второклассниковъ—изъ мордвовъ—сравнивали, какъ у кого справляются поминовеніе усопшихъ и свадебные обряды.

Бесѣды эти мы допускаемъ въ тѣхъ видахъ, чтобъ между нами и учениками не образовалось то средостѣніе, которое столь обычно въ городскихъ школахъ и общежитіяхъ, и которое есть первый признакъ отсутствія въ школѣ воспитанія.

Сегодня на вечерней бесѣдѣ нѣкоторые второклассники рассказывали о педагогическихъ грѣхахъ своихъ бывшихъ учителей. Почти во всѣхъ школахъ ставятъ на колѣна. Иные учителя дерутся, другіе—поручаютъ ученику „оттаскать“ провинившагося товарища. Извѣстный Андрей В. рассказываетъ:—Насъ съ Ванюшкой учитель поставилъ на колѣна, и говоритъ Ванюшкѣ: „ну-ка, оттаскай его!“ Онъ хотѣлъ, да не могъ.—„Ну, такъ ты его,—говоритъ,—оттаскай“. Я оттаскалъ... Ужъ мнѣ послѣ Ванюшка и далъ за это!...

Этотъ приемъ примѣняется не только къ озорникамъ, но и къ неуспѣвающимъ, „не понимающимъ“. Въ одной школѣ учитель велитъ драть такихъ за волосы и колотить лбомъ объ столъ „чтобъ дурь вышибить“.

Я задалъ рассказчикамъ вопросъ: „отчего же вы такими дикарями къ намъ пріѣхали? И били васъ, и на колѣнахъ морили по два часа,—и все-таки вы не пріучились къ порядку: все вы озорники и безобразники! Отчего наши „небитые“ не нарушаютъ порядка, не мѣшаютъ другимъ учиться? Слыхали ли вы хоть одну жалобу?“

У васъ образованные! сказалъ одинъ на это.

— Мы тамошнихъ наказаній не боимся,—замѣтилъ другой; побьютъ, да и только.

— Меня дома,—сказалъ Андрей В., каждую недѣлю раза два отдуютъ. Да что толку? Послѣ этого денекъ помирнѣе ходишь, а потомъ опять. Еще хуже!

У насъ „битые“ научились *краснѣть*, чего вообще среди битыхъ не полагается. Наказывать покраснѣвшаго отъ стыда виноватаго я считаю излишнимъ и опаснымъ. Да и вообще наказаній, въ смыслѣ кары, мы не употребляемъ. Наказаніе, на языкѣ Священнаго Писанія, есть то же, что воспитаніе и наученіе. Таковъ же смыслъ этого понятія и у народа: наказывать, на народномъ языкѣ, значитъ предупреждать, руководить, учить и т. п.

Недавно я примѣнялъ новый пріемъ наказанія учениковъ небрежныхъ въ письмѣ: я не принималъ на просмотръ ихъ тетрадокъ. Это дѣйствуетъ удивительно хорошо. Въ другой разъ тѣ же ученики подаютъ чистыя тетради, да еще съ какимъ-нибудь отличіемъ отъ другихъ—съ виньеткой, напримѣръ, или въ какихъ-нибудь особенныхъ крышечкахъ.

Арестъ, или по просту „безъ обѣда“, тоже очень дѣйствительная мѣра. Она совсѣмъ не имѣетъ значенія наказанія голодомъ, потому что ученики приносятъ изъ дома изрядныя горбушки хлѣба и „обѣдаютъ“ въ классѣ во время смѣны; дома послѣ уроковъ ихъ вовсе не ждетъ что-нибудь такое, что мы называемъ обѣдомъ,—тотъ-же черный хлѣбъ, развѣ съ кашницей—и то не у многихъ; наконецъ, инымъ „безобѣдникамъ“ мы сами даемъ хлѣба изъ общежитія. Весь смыслъ этого наказанія въ томъ, что ученикъ *остаётся* въ классѣ въ то время, какъ всѣ уходятъ изъ него по

домамъ. Онъ долженъ испытать *стыдъ*, во-первыхъ, передъ *улицей*, по которой пройдетъ съ сумкой не во время, и, во-вторыхъ, — предъ родителями, которымъ онъ долженъ объяснить, въ чемъ дѣло.

Прибавлю, что оставленіе безъ обѣда примѣняется исключительно къ лѣнливымъ и небрежнымъ, и притомъ только къ приходящимъ ученикамъ, но отнюдь не къ общежитникамъ, которые во время смѣны не имѣютъ завтрака.

20 декабря. Воскресенье. Обѣдни не было, потому что нашъ настоятель уѣхалъ въ городъ, на епархіальный съѣздъ. Безъ службы—праздникъ вдвое длиннѣе и скучнѣе, потому что не имѣетъ никакого смысла. Праздники вообще мы все еще не научились проводить по-праздничному: ребята иноприходніе, т. е. общежитники, только по праздникамъ и скучаютъ. Наша обязанность доставить имъ какое-нибудь развлеченіе. Работа, занятіе въ праздникъ—не развлеченіе, потому что всѣ ждутъ праздника, именно какъ дня, рѣзко отличающагося отъ рабочихъ, занятыхъ дней. Въ предыдущіе праздники мы угощали общежитниковъ чаемъ, и это угощеніе составляло уже для нихъ пунктъ отличія праздника отъ будней. Но все-таки чай—плохая мѣра. Поживемъ, придумаемъ что-нибудь новое.

Къ Алексѣю К. пріѣзжалъ вчера отецъ-мордвинъ. Они не видались съ начала ученія. Они долго бесѣдовали во время смѣны. Потомъ отецъ передалъ намъ содержаніе разговора.

— «Я, вѣдь, раньше хотѣлъ его въ городъ везти учиться. А онъ теперь говоритъ: „развѣ, тятя, въ городѣ такъ станутъ учить? Тамъ — отучился, и бѣги домой, учитель тебя до утра и не увидитъ. А здѣсь

за тобой постоянно смотрять, учишь ли, понимаешь ли". — Разказалъ, какъ молитвы читають утромъ и вечеромъ. Это—больно хорошо! Теперь, какъ прїѣдетъ домой, заставлю его читать по вечерамъ молитвы, какъ у васъ. Спасибо вамъ".

21 декабря. День прошелъ очень оживленно и необычно. Утромъ прїѣхалъ секретарь епархіального училищнаго совѣта, преподаватель семинаріи С. А. П., давно обѣщавшій посѣтить нашу школу. Онъ привезъ съ собой волшебный фонарь и штукъ 30 картинъ изъ Священной Исторіи, изъ біографіи св. Кирилла и Меѳодія, портретъ Императора и Императрицы и нѣсколько видовъ.

До обѣда нашъ гость посѣтилъ всѣ наши школы, т. е. 2-й классъ, 1-й классъ и школу грамоты; спрашивалъ учениковъ по всѣмъ предметамъ и остался очень доволенъ какъ отвѣтами, такъ и общимъ видомъ учениковъ. Особенно ему понравилось церковное пѣніе.

Послѣ обѣда мы на двухъ подводахъ отправились въ сосѣднее село—осмотрѣть тамъ церковно-приходскую школу и показать ученикамъ картины. Были показаны портреты Императора и Императрицы, причѣмъ ученики пропѣли „Боже, Царя храни“; потомъ—картины изъ Священной Исторіи, при чемъ, С. А.—чѣмъ задавалъ ученикамъ вопросы касательно содержанія картинъ. Картины очень понравились ученикамъ и взрослымъ крестьянамъ, которые здѣсь присутствовали.

Въ 7 часовъ вечера мы воротились домой и до половины девятого показывали картины своимъ школьникамъ. Предъ портретомъ Императора пѣли „Боже, Царя Храни“, а предъ портретомъ Императрицы: „Сла-

ва на небѣ высокому Солнцу"—одними дѣтскими голосами. Предъ картиной Рождества пѣли тропарь „Рождество Твое"—греческаго распѣва; предъ картиной Благовѣщенія—„Богородице Дѣво“; предъ картиной Успенія, которая вышла особенно хорошо, мы пропѣли обычную нашу молитву послѣ ученія—величаніе Богородицъ: „Достойно есть величати Тя, Богородице"—знаменнаго распѣва. Кромѣ того, дѣтскій хоръ пропѣлъ: „Днесъ благодать Святаго Духа насъ собра“, „Царю Небесный“ и величаніе Рождеству Христову. Наконецъ, послѣ показыванья картинъ изъ житія св. Кирилла и Меѳодія былъ пропѣтъ гимнъ святымъ братьямъ—„Братья, двоицу святую...“ Д. Н. Соловьева.

С. А.—чѣмъ спрашивалъ учениковъ о содержаніи картинъ: они отвѣчали бойко. Когда явилась на полотнѣ „огнедышащая гора“, онъ не задалъ вопроса, но сидѣвшій недалеко отъ него на корточкахъ ученикъ воскликнулъ: „вотъ Везувій-то какой!“

Всѣ картины по общему желанію показаны были два раза, а нѣкоторыя и три. Смотрѣли, затаивъ дыханіе.

Послѣ всего С. А.—чѣмъ роздалъ нѣсколько очень хорошихъ книжекъ въ награду лучшимъ ученикамъ. Ученики всѣ въ восторгѣ отъ ласковаго „инспектора“, какъ они называли его съ голоса земскихъ учениковъ.

22 декабря. Утромъ С. А.—чѣмъ всѣ уроки просидѣлъ съ нами въ школѣ. Въ первомъ классѣ ученики отпущены были послѣ 3-го урока, а въ школѣ грамоты послѣ перваго—церковнаго пѣнія. Я спросилъ школьничковъ, рады ли они отпуску? Всѣ отвѣтили, что—„не больно рады“,—что имъ еще хочется учиться.

Мы долго съ ними поговорили кое-о-чемъ. С. А—чь поинтересовался узнать, какъ относятся родители къ ихъ ученью. Многіе говорили: „они насъ и послѣ объѣда не пускаютъ играть на улицѣ, — все велятъ учиться“. Я спросилъ: „а нравится ли вашимъ родителямъ, что вы всѣ поете въ церкви?“ Одинъ ученикъ смѣло отвѣтилъ: „мой отецъ еще ни разу и въ церкви-то не былъ“. Другой замѣтилъ: „у меня бабка, какъ ни придетъ изъ церкви, все хвалитъ, что ужъ очень умильно бываетъ, когда всѣ запоютъ „Достойно“ и „Отче нашъ“.

Въ 4 часа мы проводили гостя. Его пріѣздъ навсегда останется въ воспоминаніяхъ нашихъ школьниковъ. Всѣ восклицаютъ: гдѣ бы это услышали? гдѣ бы увидали?

23 декабря. Сегодня отпустили и второклассниковъ. Уроковъ не было. Только кое-что почитали на прощанье изъ Русской Истории. Раздавали книги для чтенія; я рассчитывался за прошлый мѣсяцъ съ отцами, задолжавшими намъ за содержаніе; въ заключеніе уѣзжавшимъ роздали по 5 кренделей—это гостинецъ, привезенный С. А—чемъ.

24 декабря. Послѣ литургіи, предъ поставленнымъ среди церкви свѣтильникомъ, мы воспѣли Христу всей школой: „Рождество Твое, Христе Боже нашъ, возсія мірови свѣтъ разума“. Вышло поистинѣ „возгласно“, какъ и повелѣваетъ церковный уставъ.

Послѣ объѣда и первоклассникамъ со школьниками розданы крендели. Это пошло имъ въ замѣну тѣхъ лепешекъ, о которыхъ они, бывало, въ этотъ день воспѣвали, ходя по окнамъ съ „колядой“.

7 января. Начался сборъ учениковъ. Во второмъ классѣ мы не досчитались троихъ: Феодуловъ вчера уѣхалъ съ братомъ „на новое поле“—въ Оренбургскую губернію, гдѣ они купили себѣ землю; Пировъ не захотѣлъ ѣхать самъ, несмотря на побои отца,—вѣроятно, потому, что онъ великовозрастный, и на умѣ у него не ученье; наконецъ, Арискинъ не явился потому, что „не послали“, какъ выразился его землякъ: у него—мачиха, и живетъ онъ въ одной семьѣ съ дядей, который заупрямился содержать его у насъ на общесемейный счетъ.

Изъ всѣхъ троихъ намъ жалко только перваго: славный онъ былъ мальчикъ, преданный школѣ и ученью всѣмъ существомъ,—недаромъ и прозвали его „занозой“. На Крещенье онъ приходилъ къ намъ прощаться. Мы дали ему денегъ, почтовой бумаги, конвертовъ и марокъ, наказывая ему писать намъ письма съ новаго мѣста. Велѣли ему по пріѣздѣ явиться къ священнику и попросить у него позволенія и благословенія учить грамотѣ дѣтей, если въ селѣ нѣтъ школы. Онъ обѣщаль все это слѣлать, а самъ заливался слезами...

8 января. Начали съ Богомъ ученье. Настроеніе у учениковъ прекрасное; всѣ рады свиданію другъ съ другомъ, съ школой и съ учителями.—Двое пріѣхали только сегодня утромъ. Отецъ одного изъ нихъ пилъ у насъ чай и говорилъ, что ученики очень нами довольны — „такъ довольны, что и сказать не могутъ. Все равно, говорятъ, что отцы родные,—да еще лучше“.

Я сказалъ ему: „вотъ твой сынъ у насъ по праздникамъ скучаетъ: что намъ съ нимъ дѣлать?“

— Онъ и самъ мнѣ сказывалъ,—отвѣтилъ отецъ.

Я ему на это говорю: „а ты возьми да и молись Пресвятой Богородицѣ, — вотъ и легче будетъ“. А онъ и говоритъ: „у насъ и такъ моленье каждый день бываетъ, а по праздникамъ особенно; а кабы не молиться, тогда бы и вовсе бѣда въ праздники“.

Андрей В. присмирѣлъ. „Эхъ, и дрожало мое сердце,—разсказываетъ онъ товарищамъ: такъ и думалъ: не пустятъ учиться. Отецъ совсѣмъ было не хотѣлъ везти, да ужъ мать настояла“.

Отецъ Алексѣя К. съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ, какъ сынъ вчера первый разъ читалъ въ церкви *Апостола*.

10 января. Воскресенье. Послѣ обѣда угощали чаемъ пѣвчихъ и общежитниковъ,—сегодня день моего рожденья. Послѣ чаю пѣли подъ фисгармонію прелестный хоръ Чайковского: „На морѣ утушка“—изъ христоматіи Д. Н. Соловьева. Всѣ наши женщины плакали подъ звуки этой пѣсни, мотивъ которой напоминаетъ причитанья просватанной невѣсты.

Ужинали рано по случаю праздника.

11 января. Понедѣльникъ—тяжелый день. Въ первомъ классѣ былъ угаръ, котораго я не замѣтилъ во время перваго урока. Послѣ втораго урока отпустили учениковъ погулять на два часа. Въ 12 часовъ отпустили „школьниковъ“ по домамъ, а на ихъ мѣсто въ сторожку собрали первоклассниковъ и тамъ съ освѣженными головами докончили уроки.

Въ невозможныхъ для здоровья условіяхъ намъ приходится заниматься въ эту зиму, ждемъ—не дождемся новаго зданія. Особенно надоѣдаетъ и беспокоитъ пыль, которую ученики невольно поднимаютъ своей одеждой, ибо у насъ нѣтъ раздѣльной ком-

наты ни въ одномъ классѣ. Иногда во время большой перемѣны поднимается такая пыль, что отворивши дверь, видишь всѣхъ какъ бы въ туманѣ. Вотъ тутъ и изволь читать, а еще хуже того—*пить*.

Кромѣ этого, нерѣдко случается у насъ угаръ, особенно въ школѣ грамоты, гдѣ русская печь, и готовится обѣдъ для общежитія. Вентиляціи—никакой; единственный способъ освѣжить воздухъ—открыть трубы; но отъ этого выстываютъ комнаты, потому что стѣны ихъ старыя.

Вечеромъ подходилъ ко мнѣ Андрей В. и просился „въ скитъ“. Я посоветывалъ ему бороться съ искушеніями и, желая испытать его самообладаніе, отказалъ ему въ просьбѣ. Такъ, наказаніе обратилось въ предметъ желаній!

На урокахъ пѣнія въ первомъ и во второмъ классахъ разучили тропарь святымъ Кириллу и Меѳодію греческаго распѣва. Будемъ пѣть его предъ уроками славянскаго языка.

12 января. Вчера мы послали нашему участковому земскому врачу И. И. Ф.—ву предложеніе, не угодно ли ему „именоваться и быть попечителемъ нашей школы“. Сегодня въ Татъянинъ день, онъ намъ прислалъ полное свое согласіе и благодарность за оказанную ему честь. Новый попечитель обѣщавъ оказывать намъ матеріальную поддержку. Но для насъ дорого уже и сочувствіе просвѣщеннаго человѣка.

Вечеромъ получили и еще пріятный сюрпризъ. А. А. Архангельскій, извѣстный композиторъ, прислалъ въ подарокъ школѣ пасхальную службу своего переложенія въ партитурѣ и голосахъ, а также два экзем-

пляра всенощнаго бдѣнія и литургіи на высланныя нами деньги, но съ большой уступкой.

Второклассники занимаются, буквально не вставая съ мѣста. Только успѣютъ пообѣдать, тотчасъ—за книги. Сегодня чуть не насильно выпроводилъ ихъ поиграть. Просто страшно подумать, что они круглый день безвыходно работаютъ въ одной и той же комнатѣ, дыша спертымъ школьнымъ воздухомъ...

У одного ученика школы грамоты сегодня мы взяли кусокъ хлѣба земляного цвѣта—изъ лебеды. Оказалось, послѣ справокъ, что такой хлѣбъ ѣдятъ уже многіе. Четверо школьниковъ заявили, что они, вѣроятно, перестанутъ учиться, потому что отцы хотятъ посылать ихъ собирать милостыню. Мы рѣшили выдавать имъ по фунту въ день печенаго хлѣба.

13 января. Сегодня нашъ прихожанинъ Матвѣй Липатовъ приходилъ поговорить о постройкѣ новой школы. За зданіе въ 30 аршинъ длиною и 10 шириною съ мезониномъ онъ запросилъ 700 рублей, съ условіемъ построить его изъ своего лѣса. А у насъ денегъ только 500 рублей.

16 января. Суббота. Суббота проходитъ у насъ нѣсколько иначе, чѣмъ другіе дни. На урокъ пѣнія мы соединяемъ всѣ „части“ въ одну комнату и поемъ то, что должны пѣть въ воскресенье въ церкви. Завтра будемъ въ первый разъ пѣть всей школой „Милость мира“ стариннаго распѣва, который записанъ въ церковномъ обиходѣ (2. 2. 1. 2... | 3. 3 4 3. 2. 1...).

Вечеромъ общежитники осадили меня, прося нотной бумаги. До сихъ поръ они писали на тетрадкахъ, разграфленныхъ собственноручно. Далъ по листу на брата.—Пѣніемъ вообще они заинтересовались. Выда-

вая имъ вечеромъ бумагу, я вынесъ показать полный „Обиходъ церковнаго пѣнія“ послѣдняго изданія. Мы пропѣли по нему „Благословенъ еси, Господи“ и тропари воскресны: „Ангельскій соборъ удивися“.. Они сразу узнали мелодію, которую сегодня на спѣвкѣ пѣли въ гармонизаціи Архангельскаго. Когда пѣли, на лицахъ ихъ была написана радость по случаю того, что у нихъ выходитъ что-то хорошее, понятное, трогательное.

17 января. Воскресенье. На литургіи пѣли всей школой: „Во царствіи твоемъ“, „Милость мира“, „Достойно есть“ и „Отче нашъ“. Послѣднюю молитву ученики поютъ, стоя на колѣняхъ, тихо, ровно. Выходитъ въ высшей степени торжественно и умирительно.

Почти каждое воскресенье къ нашему богослуженію пріѣзжаетъ кто-нибудь изъ отцовъ общежитниковъ—навѣстить дѣтей, а кстати и помолиться. Послѣ обѣдни нѣкоторые, по нашему приглашенію, остаются и обѣдать и, такимъ образомъ, видятъ, какъ кормятся ихъ дѣти. Сегодня были двое отцовъ; оба грамотные и любители церковной службы и пѣнія. Имъ очень понравилось наше богослуженіе,—„не хуже монастырскаго“.—Одинъ изъ этихъ крестьянъ оказался даже писателемъ: онъ принесъ съ собою огромную тетрадь „Поученій къ простому народу“, и еще на отдѣльномъ листѣ „Поученіе къ ученикамъ“. И то, и другое онъ просилъ посмотреть и исправить. Любопытно послѣднее поученіе. Въ немъ рѣчь идетъ о нашей двухклассной школѣ. Приведу часть его. „Вотъ, друзья мои,—говоритъ авторъ послѣ вступленія,—нынѣ возсіяла весна и намъ. Вмѣсто благодѣющаго солнца, Господь

послалъ намъ благодѣтелей и учителей, которые хотятъ просвѣтить и оживить народъ. Это есть трогательный вопросъ. Отъ начала вѣка не было въ нашей сторонѣ, даже и во всей губерніи, такой двухклассной церковно-приходской школы, какъ вновь открытая у васъ. Отъ такой радости, кто хорошо понимаетъ объ образованіи мрачнаго ума, у того останется въ памяти навсегда. Какъ Господь открылъ невидимое Божество во плоти на горѣ, такъ и для народа Бѣлый Царь открылъ церковно-приходскія школы "... Далѣе идутъ подобныя же параллели между фактами изъ Свѣщенной Исторіи и благодѣтельностью просвѣщенія.

18 января. На урокъ Исторіи читалъ о нашествіи татаръ по Водовозову съ нѣкоторыми измѣненіями. Жаль, что нѣтъ у насъ учебниковъ: не по чему ребятамъ дома повторять слышанное въ классѣ.

20 января. Сегодня мы сдѣлали важное дѣло: сдали плотнику постройку школы изъ его лѣса за 500 рублей, причемъ онъ долженъ поставить и оконныя рамы. Наша забота—устроить *печи* и обезпечить *перевозку* лѣса.

21 января. Вечеромъ по какому-то поводу въ кухню къ намъ явились общежитники въ полномъ составѣ. Мнѣ показалось это подозрительнымъ. Оказалось, что у нихъ сегодня было мало уроковъ; всѣ дѣла они прикончили засвѣтло, и вотъ, какъ я понялъ, при мысли о длинномъ вечерѣ, на нихъ напало минутное предчувствіе скуки, отъ котораго они и побѣжали къ намъ въ надеждѣ на развлеченіе. Мы тотчасъ всѣмъ имъ нашли дѣло. Велѣли раздѣться и пройти въ комнаты. Одного посадили въ столовой писать клировую вѣдомость нашего прихода; другой вызвался красиво пере-

писать переведенное имъ на мордовскій языкъ стихотвореніе: „Нива моя, нива“; съ остальными я занялся черченіемъ плана будущей школы, причемъ они познакомились съ готовальней. Отъ необычайной работы и отъ перемѣны обстановки сразу они оживились. Просидѣли у насъ часовъ до 10—и ушли довольные вечеромъ.

22 января. Двое изъ „приходящихъ“ и одинъ общежитникъ вечеромъ занимались по ариѳметикѣ у насъ въ кухнѣ, подъ моимъ наблюденіемъ: двое приглашены мною потому, что совсѣмъ отбились отъ рукъ по ариѳметикѣ, а третій—потому, что дня три тому назадъ его мать—вдова уѣхала куда-то на свадьбу, и онъ съ сестрой остался совсѣмъ безъ призора, чѣмъ, повидимому, уже и началъ пользоваться.

23 января. Суббота прошла по обыкновенію. На послѣднихъ урокахъ готовились пѣть и читать на завтра. Легко теперь готовить пѣніе съ первоклассниками и второклассниками. Напишешь имъ на доскѣ мелодію цифрами, пропоютъ—сперва нотами, потомъ съ текстомъ—и готово. Такъ сегодня мы, какъ говорится, въ одну минуту разучили „Святый Боже“—кѣвскаго роспѣва. А „школьники“ тянутся за ними... Нѣкоторыя простѣйшія мелодіи у меня поютъ даже *по пальцамъ*, какъ это, повидимому, ни странно. Стоя предъ классомъ, я показываю ноту вмѣсто цифръ пальцами, т. е. *до*—одинъ палецъ, *ре*—два и т. д. Продолжительность нотъ измѣняется движеніемъ этой же самой руки.

24 января. Воскресенье. У заутрени пѣли „На рѣкахъ вавилонскихъ“ съ головщикомъ,—обиходная

мелодія (знаменнаго распѣва) въ гармонизаціи Архангельскаго. Запѣвали альты.

Послѣ обѣда отецъ ходилъ на сходку и просилъ крестьянъ помочь намъ перевезти лѣсъ на школу. Дали обѣщаніе.

Лѣсъ уже рубятъ. Работа закипѣла.

25 января. Опасно захворалъ второклассникъ Самойловъ—изъ здѣшнихъ—приходящій. Температура 42°. А вчера былъ здоровъ: на заутренѣ читалъ канонъ, весь день занимался, вечеромъ даже рубилъ дрова, но когда пришелъ со двора,—вдругъ повалился. Его приобщали. Братъ два раза уже ѣздилъ къ нему съ своими медикаментами. Вечеромъ сдѣлалъ ему ванну. У больного бредъ, и въ бреду онъ прекрасно читаетъ и поетъ наизусть чинъ богоявленскаго водоосвященія.

26 января. Другой день я страдаю зубами. Раньше я не испытывалъ этой ужасной болѣзни. Въ классѣ, разумѣется, дѣло плохо клеится.

27 января. Въ первый классъ на пѣніе не ходилъ: далекѣ, холодно, вьюга,—боюсь простудить зубы.

Вчера былъ у первоклассниковъ первый опытъ самостоятельнаго изложенія евангельскихъ разсказовъ. Пересказывали притчу о богатомъ и Лазарѣ. Сегодня, просматривая тетрадки, я встрѣтилъ, кое-что любопытное. Напримѣръ, одинъ такъ пишетъ: „Отче Аврааме, принеси мнѣ на перстѣ капельку холодной воды и остуди языкъ мой“. Самостоятельныя упражненія особенно необходимы для учениковъ-мордвовъ. Если имъ все диктовать и диктовать, они никогда не научатся владѣть русскимъ словомъ: въ диктовкѣ рѣчь дается готовая. Ученикъ не работаетъ надъ словомъ,

не справляется, не думаетъ, какого рода слово, въ какомъ падежѣ оно поставлено и т. д. Теперь самостоятельныя работы показываютъ, что, пища довольно сносно подъ диктовку, ученики въ сущности не знаютъ русскаго языка.

28 января. Въ селѣ начинаетъ сказываться голодъ. Только и слышишь жалобы: „нынче одинъ только разъ ѣли“, „нынче—вотъ не выйдти изъ вашей избы—ничего не ѣли“. Вчера одинъ крестьянинъ выпросилъ двугривенный на муку: „куплю хоть батманчикъ (10 фунтовъ) мучки. А то—и домой не ходи: ребятишки цѣлый день зѣваютъ, — ни крошки не было во рту“.

— Что же ты будешь дѣлать съ мукой теперь, ночью? спросилъ я.

— Пойду—велю затопить [желѣзную печку: хоть на ней какихъ-нибудь прѣснушекъ испечемъ, да поглотаемъ.

Другой жалуется: „ноги не ходятъ—просто бѣда“. У него дѣвочка учится въ школѣ грамоты. Велѣли ей завтра придти за хлѣбомъ вмѣстѣ съ другими. Теперь такихъ голодающихъ учениковъ шестеро.

30 января. Поминовеніе усопшихъ. Предъ обѣдней я купилъ 11 просфоръ и раздалъ ихъ общежитникамъ, чтобы они записали на нихъ о упокоеніи имена своихъ умершихъ родственниковъ. Записали—кто дѣдушку, кто брата, одинъ—мать, а трое записали имя Иоанна отрока: это былъ у насъ пѣвчій, скончавшійся три года тому назадъ, лѣтъ 15 отъ роду. Прелестный былъ дискантъ, цѣлство ему небесное! Пѣлъ онъ Господу до послѣдняго вздоха.

Обѣдную пѣли минорную. Величественно пропѣли

всей школой: „Святый Боже“, „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“.

2 февраля. *Срѣтеніе Господне*. У заутрени и обѣдни было возмутительно мало народа, почти одни ученики, да и среди нихъ былъ недочетъ. Все, у кого только есть лошади, повезли бревна на пристань: зарабатываютъ деньги къ завтрашнему масленскому базару. Ахъ этотъ голодъ! Всѣмъ онъ сталъ поперекъ дороги—и намъ съ нашей школой! Подрядчикъ ежедневно донимаетъ насъ: „возите лѣсъ!“ А народъ занятъ возкой бревенъ за деньги; по селу постоянно тянутся обозы. Мы боимся и приступиться теперь къ крестьянамъ съ настоятельной просьбой о бесплатной перевозкѣ нашего лѣса. Хотимъ отложить это важное дѣло до „коренной“ масленицы. Что-то скажутъ?

3 февраля. Отпускъ. Базаръ.—За всѣми пріѣхали отцы. У меня работы по горло. Нужно со всѣми расчитаться за харчи, за книги, за письменныя принадлежности. Истекшій мѣсяцъ былъ скоромный. За мясо мы положили 50 копѣекъ, но зато скинули 20 копѣекъ за постное масло и 12 копѣекъ за горохъ, и такимъ образомъ скоромный мѣсяцъ обошелся на 18 копѣекъ дороже постнаго.

У Андрея В. отецъ страшно скупъ, хотя живутъ они вполнѣ зажиточно. Онъ единственный изъ всѣхъ отцовъ торгуется со мною при расчетахъ: это дорого положили, того много назначили и т. д. Въ прошлый мѣсяцъ онъ ничего не привозилъ натурой, кромѣ куска баранины, и мнѣ пришлось насчитать на него цѣлыхъ 1 рубль 95 копѣекъ!... Онъ отдалъ эти деньги со скрежетомъ зубовымъ. Тутъ на грѣхъ

явилась еще жена, съ которой онъ изъ-за чего-то повздорилъ, а когда онъ съ ней повздоритъ, то у него первая угроза—взять сына изъ школы. Еще послѣ святокъ онъ угрожалъ женѣ выключить Андрея. Тоже и сегодня. Вдругъ онъ потребовалъ у меня свидѣтельство сына. Я выдалъ безпрекословно, сказалъ только: „жалъ мнѣ парнишку, а еще больше твоихъ денегъ. Зачѣмъ расходовался? О чемъ ты раньше думалъ?“ Онъ вздохнулъ, какъ будто отъ огорченія, и сказалъ: „что-же... не могу, — не хватаетъ состоянія“. — Между тѣмъ, Андрей В., узнавъ, что отецъ замышляетъ что-то недоброе, убѣжалъ въ школу и тамъ, сидя у окна, плакалъ. Я пошелъ туда и засталъ его убивающимся отъ горя. Говорю: „ну, сдавай мнѣ твои книжки: отецъ взялъ твое свидѣтельство“.

— Развѣ взялъ? вскричалъ онъ, ударился головой объ столъ и зарыдалъ. Потомъ началъ умолять меня: „погодите, П. П.—чѣ, это онъ такъ, разгорячился; они поругались. Они когда поругаются, завсегда я виновать“.

Я не отобралъ пока книжекъ.

Послѣ обѣда пришла мать, очень серьезная женщина. Она сказала мнѣ: „вы, пожалуйста, не смотрите на моего-то мужа. Онъ у меня взбалмошный. Я вамъ свои деньги заплачу: пусть ничего не даетъ онъ. За мной не пропадетъ!“

Я согласился.

4 февраля. День знаменательный. Начали возить лѣсъ на постройку школы. Привезли пока только четыре бревна. И это хорошо для начала. Мы указали, гдѣ сваливать лѣсъ, но весь вечеръ продумали, какъ бы получше выбрать мѣсто. Главное неудобство того мѣ-

ста, на которомъ мы было уже остановились, и гдѣ сваливали уже первыя четыре бревна, состоитъ въ томъ, что школа будетъ у насъ стоять задней своей стороной къ церкви. Кромѣ того, мѣсто слишкомъ бойкое для школы: тутъ и пригонъ скота лѣтомъ. и базаръ неподалеку, и перекрестокъ дорогъ... Мучительное колебаніе!

5 февраля. Наконецъ рѣшили—и, кажется, безповоротно—поставить школу на старомъ кладбищѣ. Это мѣсто мы облюбовали съ перваго раза; насъ удерживало одно: на кладбищѣ почва не твердая—не сѣло бы зданіе въ какомъ-нибудь углу? Но теперь мы составили совѣтъ изъ многихъ знающихъ дѣло и порѣшили, что почва выдержитъ наше зданіе. — На этомъ мѣстѣ у школы будетъ свой завидный уголокъ, своя земля—все старое кладбище предъ ея окнами, гдѣ современемъ можно будетъ разбить садъ. Главнымъ фасадомъ школа будетъ обращена на востокъ, къ церкви.

На новое мѣсто сегодня привезли 25 бревенъ. Спасибо мужикамъ: везутъ на голодныхъ лошадяхъ и отрываясь отъ заработка. Въ числѣ первыхъ привезшихъ большинство имѣютъ дѣтей въ школѣ. Мы ходили на мѣсто, гдѣ сваливаютъ бревна. Имена привезшихъ тутъ же записали въ особую тетрадь — на память; это имъ понравилось. Мы благодарили всѣхъ ихъ и указали имъ, что это они сдѣлали доброе дѣло для дѣтей своихъ, для внуковъ и правнуковъ, и что сами они будутъ любоваться на школу. Да и они, повидимому, довольны тѣмъ, что сдѣлали, привѣтливо улыбаются намъ на прощанье; мы напутствуемъ ихъ новымъ „спасибо“. — „Зовите еще!“ кричатъ нѣкоторые,

уѣзжая... Какъ хорошо глядѣть на человѣка, который только-что сдѣлалъ доброе дѣло!

6 февраля. Кипитъ народная работа, и любо смотрѣть на нее. Бревна повезли дружно. Всего привезли за три дня 75 штукъ, въ томъ числѣ три балки, которыя везли парами. Мы встрѣчаемъ радостными взглядами каждое новое бревно. Оно гудитъ, скользя по дорогѣ. Лошадь будто понимаетъ, что скоро сваливать, и идетъ бодрѣе. Мужикъ бѣжитъ въ обгонъ разсмотрѣть дорогу къ мѣсту свалки. Ребята толпой встрѣчаютъ новую подводку, окружаютъ бревно, помогаютъ развязывать и столкнуть его съ дровней. Вездѣ веселые крики!

7 февраля. „Прощеное“ воскресенье. У литургіи было очень мало народа; я даже за весь годъ не запомню ни одной воскресной обѣдни, за которой было бы такъ мало молящихся. И среди учениковъ не было семерыхъ. Послѣ обѣда всѣ они были позваны на объясненіе. Изъ ихъ уклончивыхъ отвѣтовъ мы убѣдились, что ихъ задержали родители, которые, какъ встали, такъ и усѣлись за блины...

Сегодня опять возили лѣсъ. Привезли еще 20 бревенъ. Теперь всего на мѣстѣ 85 бревенъ. Слава Богу! спасибо народу! Но „въ семьѣ не безъ уroda“, говоритъ пословица. Вечеромъ намъ передали, что вчера, когда старосты ходили звать народъ „на помочь“—возить лѣсъ, одинъ крестьянинъ—Оедька *Безпальый* (льняной отморозилъ себѣ пальцы) „мутилъ весь свой конецъ“, чтобъ не возить бревенъ, и при этомъ ругалъ насъ и школу.—„Зачѣмъ намъ школа? Это „попъ“ для себя ее выдумалъ, пусть и строитъ!“

Ему сказали, что батюшка прошлымъ лѣтомъ стро-

иль школы въ Г. и въ М.-К., въ чужихъ селахъ,— для себя что-ли?

— Это онъ хочетъ своихъ дѣтей пристроить. Ихъ никуда не пускаютъ, то-то они здѣсь и живутъ.

Меня не смущаютъ эти рѣчи полупьянаго, вѣчно озлобленнаго, не имѣющаго никакой духовной жизни существа. Отъ человѣка, никогда не бывающаго въ церкви, ведущаго чисто животную жизнь, трудно ждать, чтобы онъ понялъ наши стремленія... Сдѣлайте ему явное благодареніе, но не ждите чего-нибудь хоть похожаго на благодарность. У насъ учится Ѳедькина дочь, и мы ей даемъ хлѣба, какъ голодающей; и вотъ Ѳедькина благодарность!... Такихъ не мало въ народѣ, и я думаю, что они необходимы для испытанія силы христіанскаго терпѣнія. Найди его—больного, покрытаго гнойными струпами; промой его раны, возлей на нихъ вино и елей; одѣнь его, накорми его... И отъ него же прими оскорбленіе...

Народъ не видитъ въ своей средѣ образцовъ безкорыстной дѣятельности, и ближайшіе его руководители рѣдко проявляютъ къ нему христіанскія чувства и отношенія. Поэтому, какъ бы ни была безукоризненна дѣятельность на его пользу, какія бы высокіе образцы христіанскаго человѣколюбія ни проявляли вы, всегда онъ отнесется къ вамъ подозрительно. Если вы работаете безъ жалованья, онъ скажетъ, что тутъ что-нибудь да не такъ, что васъ не пускаютъ на должность, что вы не „докончили ученья“—и вообще онъ придумаетъ къ вашему дѣлу скорѣе худыя, чѣмъ добрыя побужденія. Если же вы получаете большое жалованье, то онъ и вовсе не оцѣнитъ вашей дѣятель-

ности. Ко всѣмъ, получающимъ жалованье, онъ относится со скрытымъ недоброжелательствомъ.

8 февраля. *Чистый понедельник.* Начался Великій постъ. Дни стали замѣтно длиннѣе. Теперь можно бы подумать и о преподаваніи въ школѣ ремеслъ и рукодѣлій, но у насъ нѣтъ свободнаго помѣщенія.—Сегодня вечеромъ мы разговорились о томъ, какія ремесла необходимѣе всего завести при школѣ. Разумѣется, самое главное умѣнье, необходимое нашему крестьянину при занятіяхъ земледѣліемъ,— это умѣнье владѣть топоромъ. Къ сожалѣнію, весьма многіе крестьяне могутъ лишь колъ обтесать и имѣютъ топоръ, только чтобы дровъ нарубить. Случись на дворѣ какая-нибудь плотничная работа, крестьянинъ идетъ и кланяется плотнику. А плотникъ по горло занятъ, потому что въ селѣ онъ часто одинъ, и у одного у него есть инструменты. Мы привыкли видѣть въ селахъ наклонившіяся на бокъ ворота, развалившіяся крыльца, опустившіеся сараи, и склонны относить это къ бѣдности крестьянской. Но вина въ большинствѣ случаевъ не въ бѣдности, а въ неумѣньѣ. Всякое строеніе, даже каменное, требуетъ постоянной поддержки и починки. Крестьянинъ же ни къ чему не умѣетъ рукъ приложить, и инструментовъ у него нѣтъ никакихъ, кромѣ одного топора. Всякая поправка по дому откладывается поэтому въ долгій ящикъ, до удобнаго случая, а между тѣмъ, начавшееся гдѣнибудь въ постройкахъ поврежденіе, въ началѣ требующее самой небольшой поправки, отъ времени постепенно увеличивается. Часто слышишь даже такія рѣчи: „изъ малости не стоитъ звать плотника: погодимъ,—еще что-нибудь накопится“... И такъ

копится годами... Отъ неумѣнья поплотничать зависть и отсутствіе въ крестьянской избѣ разныхъ хозяйственныхъ удобствъ: что сдѣлали плотники при постройкѣ избы, тѣмъ и довольствуются хозяева всю жизнь,—новаго ничего въ жильѣ не прибавится. Если плотники не вбили въ стѣну вѣшалки для шапокъ, хозяинъ самъ не вобьетъ, и шапки будутъ валяться по полкамъ; не успѣли плотники сдѣлать скамейку,—хозяева такъ и будутъ жить безъ скамейки. То же самое и на дворѣ крестьянскомъ. Въ рѣдкомъ дворѣ есть лѣстница: на избу или на повѣтъ (сарай) можно, говорятъ, и по углу залѣзть. Что касается удобствъ для скота—въ родѣ теплыхъ хлѣвовъ, отдѣльнаго помѣщенія для куръ, яслей и рѣшетокъ для сѣна и т. п., то все это считается даже излишнимъ: „скотина она—скотина и есть“.

Ремесло плотничное—самое простое; инструменты—топоръ, пила, долота и буравъ—очень дешевы: каждый можетъ приобрѣсть ихъ въ собственность. У насъ имѣется плотничный и столярный инструментъ. Хотимъ по-немножку приучать ребятъ рубить, пилить и строгать,—все пригодится.

По рукодѣлю важнѣе всего научить дѣвочекъ шить, кроить и вязать на спицахъ. Вышиванье по канвѣ и въ тамбуръ, а также различныя плетения,—работы весьма распространенныя въ школахъ,—относятся уже къ украшенію и должны быть поставлены на второй планъ. Вѣдь, —какъ ни странно это говорить,—не всякая баба умѣетъ правильно связать чулокъ; о перчаткахъ и говорить нечего: въ нашемъ селѣ есть не болѣе пяти-шести бабъ-перчаточницъ,

которыя предъ отправленіемъ на службу новобранцевъ бывають буквально завалены работой.

9 февраля. Сборъ учениковъ послѣ масленицы.— Я всегда смотрю съ удовольствіемъ, какъ къ убогой нашей школѣ въ назначенный день одинъ за другимъ подѣзжаютъ общежитники—съ сундучками, мѣшками провизіи, одеждой. Сегодня погода невозможная: мететь и сверху, и снизу. Дороги всѣ занесло. И все-таки въ назначенный часъ съѣхались всѣ почти одновременно. Приѣхали и рассказываютъ: одни — какъ заблудились среди бѣлаго дня, другіе—какъ увязли въ снѣгу и выпрягали лошадей и т. д. И жалко мнѣ ихъ, да и радостно: значить, они дорожатъ школой и ученьемъ.

Андрей В. пришелъ пѣшкомъ за 12 верстъ. Отецъ не захотѣлъ отвезти его на лошади: „жди — говорить, — оказіи, если не хочешь остаться дома“. Онъ ушелъ пѣшкомъ. — Отецъ сердитъ на нихъ съ матерью. На масленицу онъ хотѣлъ отправить его на сосѣднюю суконную фабрику, гдѣ имѣется хоръ съ платою пѣвчимъ. „Тамъ тебя прокормятъ; да еще два съ полтиной деньгами дадутъ!“ Но, при помощи матери, Андрей уклонился отъ этого лестнаго предложенія и опять пришелъ къ намъ.

Отецъ Ивановскаго радъ, что у насъ дѣло подвигается впередъ: вотъ и новое зданіе заводится. Онъ особенно доволенъ тѣмъ, что мы учимъ славянскому письму. — „Прежде онъ у меня ни одной буквы не умѣлъ написать по-церковному, а теперь цѣлую молитву написалъ. Я ее даже подъ стекло вставилъ, да къ образамъ повѣсилъ“.

Вечеромъ—первый урокъ переплетнаго мастерства.

Дѣло шло успѣшно. Учились крутить шнурки изъ нитокъ и вправлять ихъ въ швальный станокъ.

10 февраля. У преждеосвященной литургіи пѣли: „Да исправится молитва моя“—Бортнянскаго, а хоръ—Виноградова (G-moll). Ектеніи всѣ пѣли по переложеніямъ Архангельскаго.

Занатія начались только у второклассниковъ. Въ эту недѣлю занятія будутъ неполныя; потому что главное занятіе этой недѣли—богослуженіе. Только во избѣжаніе праздности, — которая есть мать всѣхъ золъ,—мы будемъ дѣлать по нѣскольку уроковъ для общежитниковъ-второклассниковъ, а также уроки рукодѣлія для дѣвочекъ.

Второклассники писали пересказъ прочитаннаго изъ книги Дѣяній о Корниліи сотникѣ.—У дѣвочекъ въ первый разъ было рукодѣлье. Учились вязать на двухъ спицахъ.

Послѣ повечерія у второклассниковъ—переплетное мастерство. Учились сшивать книгу.

Сегодня послали работника на вокзалъ за „митрофономъ“: пришла накладная.

11 февраля. Опять въ промежутки между богослуженіемъ—занятія у второклассниковъ и рукодѣлье у дѣвочекъ. На повечеріи пѣли ирмосы Великаго Канона по Бортнянскому, и „Душе моя“—изъ переложеній Георгіевскаго.

Въ сторожку набралось очень много говѣльщиковъ изъ деревни, и потому мы должны были найти общежитникамъ другое мѣсто для ночлега. Половину помѣстили у себя въ кухнѣ, другая половина размѣстилась по товарищамъ, въ селѣ. Впрочемъ, послѣ повечерія, второклассники читали Троицкіе листки, говѣль-

щикамъ и говѣльщицамъ, пріютившимся въ сторожкѣ. Имъ это очень понравилось.

Одиннадцатый часъ вечера. Въ кухнѣ за столомъ размѣстились наши ночлежники-общежитники. Тутъ же сидитъ деревенскій мужикъ, попросившійся ночевать. Братъ подробно спрашиваетъ его объ упорной, „нутреной“ болѣзни, которой тотъ давно страдаетъ: хочетъ помочь ему. Алексѣй К. читаетъ житіе святого Алексія митрополита,—своего Ангела. Завтра его память. Порфирій Меркурьевъ читаетъ въ Минѣѣ службу того же святого. Я объяснилъ ему, что значить „краегранесіе“,—слово, часто встрѣчающееся въ церковныхъ книгахъ.—Вдругъ нарушилась наша мирная бесѣда. Пріѣхалъ съ вокзала работникъ...

— Что, привезъ? Привезъ музыку—наперерывъ спрашивали ребята.

— Привезъ! сказалъ тотъ. Всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ. Схватились—кто за шапку, кто за валенки, и выбѣжали на дворъ. Черезъ двѣ минуты въ кухню торжественно и шумно былъ внесень ящикъ съ давно жданнымъ митрофономъ *). Мы поставили его въ прохладную комнату, которая къ утру постепенно нагревается.

12 февраля. Вчера вечеромъ исповѣдались школьники и первоклассники; сегодня послѣ утрени—второклассники.

У литургіи мы пѣли „Да исправится“ предъ цар-

*) Митрофонъ—музыкальный инструментъ, вродѣ фисгармоники. Онъ не оправдалъ нашихъ надеждъ и ожиданій. У него крайне неудобная (двухрядная) клавиатура; къ тому же онъ оказался весьма непрочнымъ: разохся во всѣхъ своихъ суставахъ и стоитъ—не годный къ употребленію.

скими вратами: тріо дѣткое и хоръ,—всѣ стоя на колѣняхъ.

Послѣ обѣдни мы сами ѣздили исповѣдываться въ сосѣднее село. Ребятамъ дали самостоятельную работу: одни списывали ноты, другіе клеили коробки изъ обрѣзковъ бумаги, третьи читали въ сторожкѣ Троицкіе листки. Послѣ вечерни я читалъ правило; ирмосы каноновъ, тропари, кондаки, прицѣвы на акаѳистахъ мы пѣли всею школой.

13 февраля. Приобщились святыхъ Таинъ. На проскомидіи всѣ учащіе и учащіяся помянуты о здравіи по общему списку ихъ именъ, написанному для этого. По числу учениковъ мы приготовили просфоры и послѣ приобщенія выдали каждому по просфорѣ: это напоминало намъ древнія вечера любви... Хорошо мы провели этотъ день!

Вечеромъ въ сторожкѣ опять чтеніе для богомольцевъ. Они требовали одинъ листокъ за другимъ. Скучно проводить внѣбогослужебное время безъ дѣла.—Послѣ ужина всѣ они пришли къ намъ въ школу на вечернюю молитву и молились усердно вмѣстѣ съ учениками. Имъ очень понравились наши порядки (наше „заведеніе“).

14 февраля. Воскресенье. Послѣ обѣдни пріѣхала „помощь“, т. е. крестьяне, которыхъ мы вчера просили привезти бревенъ на школу. Привезли бревенъ 20. Человѣкъ 16 изъ привезшихъ были не наши, а изъ сосѣдняго села: мы пригласили ихъ на-помощь по старой памяти (раньше мы жили тамъ). Напоили всѣхъ ихъ чаемъ, и, кромѣ того, я долго игралъ имъ на фисгармоніи,—почти всю обѣдню. Они слушали, затаивъ дыханіе. При прощаньи одинъ сказалъ: „въ то

воскресенье мы вамъ еще привеземъ по бревну, только опять поиграй намъ“.

15 февраля. Началось настоящее ученье, по росписанію.—Въ школѣ грамоты занимаются второклассники вполне самостоятельно, потому что псаломщикъ уѣхалъ посвящаться въ стихарь. Школьниковъ я отпустилъ въ часъ дня послѣ урока пѣнія, который провелъ я самъ.

Послѣ обѣда ходилъ на урокъ рукодѣля. Младшія замѣтно успѣваютъ въ вязаньи на спицахъ; старшія вышиваютъ въ тамбурѣ. Шитье все еще не введено въ кругъ занятій, потому что „нечего шить“. Матери даютъ для шитва не новый матеріаль, а старья тряпки, на которыхъ нельзя производить упражненій, потому что онѣ вытягиваются и рвутся,—мягки и ветхи. Хотимъ взять изъ церкви жертвованные посконные лоскуты и заставить дѣвочекъ шивать изъ нихъ цѣльные холсты,—для продажи.—Дѣвочекъ очень занимаютъ рукодѣля, и они упрашиваютъ учительницу продлить урокъ. Въ качествѣ учительницы мы пригласили одну вдову, двое дѣтей которой учатся въ школѣ.

18 февраля. Въ первомъ и во второмъ классѣ сегодня пѣли интерваллы подъ диктовку, т. е. я давалъ одной партіи *до*, другой диктовалъ *ре*, третьей *фа*, четвертой—*ми*, первой *ре* и т. д. Это очень занимательное упражненіе и въ то же время крайне полезное для развитія слуха и музыкальной памяти.

Во второмъ классѣ изучали „О Тебѣ радуется“ греческаго распѣва; въ первомъ „Богородице Дѣво“—того же распѣва.

20 февраля. Я всегда люблюсь на дѣвочекъ во время рукодѣльныхъ классовъ. Съ какой охотой онѣ

собираются въ школу „на рукодѣлье“! Мы съ второклассниками еще не успѣемъ окончить своихъ уроковъ, какъ онѣ ужъ бѣгутъ съ своими узелками, посуетятся немного, раздѣваясь и усаживаясь по мѣстамъ, и потомъ сидятъ тихо, сосредоточенно, уткнувшись каждая въ свою работу. Ни шума, ни разговоровъ.

Но родители... ихъ ничѣмъ не прошибешь! Ни одна мать доселѣ не пришла справиться, какъ и что работаетъ ея дочка. Полнѣйшее равнодушіе. Для вязанья даютъ плохія нитки, для шитья дырявыя тряпки, которыя разлѣзаются подъ крючкомъ или иглой. Дѣвчкѣ долго приходится упрашивать, чтобы мать купила ей крючекъ. На наши рукодѣльные занятія многія матери смотрятъ даже, какъ на баловство. Этого мало. Многія убѣждены, что мы обязаны учить дѣвчекъ рукодѣльямъ, и притомъ настолько обязаны, что, отпуская дѣвчечку учиться рукодѣлью, онѣ тѣмъ самымъ дѣлаютъ намъ великое одолженіе.—Впрочемъ, и многіе отцы такъ же точно думаютъ не о рукодѣльѣ только, но и вообще объ ученѣ.

21 февраля. Хорошій день. Привезли около 40 бревенъ. Изъ привезшихъ только *трое* здѣшнихъ, остальные всѣ изъ двухъ сосѣднихъ селъ. Это замѣчательно.—Всѣхъ, какъ и въ прошлое воскресенье, мы угощали чаемъ, а я, кромѣ того, и музыкой, которая вызвала много восклицаній и воздыханій. Уѣзжая, мужики благодарили за угощеніе и говорили: „коли нужда будетъ, зовите,—мы еще привеземъ!“ Вотъ оно открылось золотое сердце!

Одинъ мужикъ рассказывалъ: „я было совсѣмъ не хотѣлъ ѣхать: ночью выюга была,—дорогу испортила; лошаденка усталая, да и къ чему, думаю, мнѣ ихъ

школа? Да ужъ подъ утро, какъ выспался, вспомнилъ я, какъ одинъ разъ вы меня вылѣчили. Ноги у меня въ ту пору отекли, какъ бревна стали: насилу до вась меня довели. Дали мнѣ вы какой-то травы, велѣли въ кадушку съ горячей водой ее положить да и спустить туда ноги. Какъ рукой сняло! Думаль—и ходить не стану, а вотъ и теперь, слава Богу, хожу. Какъ вспомнилъ я это, такъ и пошелъ лошадь запрягать“.

Разсказываю это, какъ наглядный примѣръ той давно уже всѣми признанной истины, что пастырь, врачъ душъ, весьма удобно можетъ быть и долженъ быть и тѣлеснымъ врачомъ для своихъ пасомыхъ, и что эта новая его человѣколюбивая дѣятельность, какъ нельзя лучше, способна закрѣпить его духовный союзъ съ ними.

Послѣ обѣда Андрей В., уходящій на праздникъ домой, пріѣхалъ вмѣстѣ съ матерью. Мать у него очень выдающаяся крестьянка: высокая, статная, съ орлинымъ умнымъ взглядомъ. Она пріѣхала предупредить насъ, что, можетъ быть, въ этотъ мѣсяцъ она не доставитъ аккуратно содержаніе сыну, но что за ней не пропадетъ. Жаловалась на мужа „самосброднаго“, на сосѣдей, которые его подушаютъ противъ сына: „вотъ-де одинъ ты и батрачъ отъ взрослога сына“ и т. п. „Сегодня,—сказала она,—отецъ даже побилъ мальчишку съ досады: ты, говоритъ, много съ меня требуешь“. Ну, да я же не отстану! Никого я не слушаю, и хоть сама не знаю ничего въ наукѣ, а вѣрю, что вы добру научите, доведете до дѣла“.

Съ напряженіемъ и едва замѣтною борьбою проникаетъ въ народную жизнь новая просвѣтительная

струя; и чѣмъ дальше, тѣмъ все шире и шире будетъ ея русло, пока не выбьется она на свободу и не станетъ живымъ, шумящимъ потокомъ.

22 февраля. Во второмъ классѣ уроки окончились ровно въ 4 часа; утомились. Но зато на послѣднемъ урокѣ второклассники впервые познакомились съ бемо-лемъ, и это новое знакомство доставило имъ большое удовольствіе, которое выразилось радостной улыбкой на ихъ усталыхъ лицахъ.

24 февраля. По пѣнію во второмъ классѣ былъ очень оживленный урокъ. При помощи бемоля мы переложили (транспонировали) обиходную мелодію въ тонъ фа. На домъ задавъ переложить въ тонъ фа „Кресту Твоему“.

Почти ежедневно ученики пишутъ дома или въ классѣ пересказы изъ Священной или Церковной Исторіи. Частое писаніе, и при томъ самостоятельное, лучше всякихъ изысканнѣйшихъ диктовокъ приучаетъ ихъ къ орфографіи. Мы уже и теперь замѣчаемъ благотворные результаты.

Вечеромъ показавъ любителямъ переплета, какъ ставятся книги въ картонъ и какъ обрѣзывать края у крышекъ. Дѣло идетъ успѣшно.

28 февраля. Воскресенье—недѣля крестопоклонная. На выносъ креста пѣли *Славословіе великое* кievское и *Кресту Твоему* тріо съ хоромъ. У литургіи пѣли вмѣсто причастного стиха стихиру „Крестъ хранитель всея вселенныя“, въ переложеніи Архангельскаго.

1 марта. Въ 12 часовъ ходили въ церковь на панихиду по императорѣ Александрѣ II. Всей школѣ торжественно пѣли: *Со святыми упокой* и *Вѣчная*

память. Послѣ панихиды занятія своимъ порядкомъ продолжались.

Сегодня утромъ явился къ намъ молодой раскольникъ съ просьбою поучить его письму. Мы посадили его со второклассниками и дали ему работу. Когда всѣ стали уходить на панихиду я спросилъ его, былъ ли онъ когда-нибудь въ нашей церкви. Онъ сказалъ, что „какъ родился, не былъ“. Я предложилъ ему идти съ нами къ панихидѣ. Онъ послушался, былъ въ церкви и простоялъ всю панихиду у входной двери. Второклассники говорили вечеромъ, что наша церковь и служба очень понравилась старовѣру.

3 марта. Чѣмъ ближе къ концу года, тѣмъ чувствительнѣе становятся разные недостатки въ нашей школьной обстановкѣ. Помѣщеніе перваго класса становится все невыносимѣе для здоровья. Въ избѣ жарко; не можемъ упротить хозяина, чтобъ топили съ вечера, а не утромъ. Натопятъ жарко и трубу закроютъ, не смотря на то, что настали уже теплые дни. На дворѣ сыро. Ребята таскаютъ на ногахъ много снѣга, который въ избѣ тотчасъ же таетъ и растворяетъ грязь, толстымъ слоемъ лежащую на полу; въ жаркой температурѣ класса отъ этого раствора отдѣляются какія-то удушливыя, кислыя испаренія; а тутъ еще—запахъ махорки, которую послѣ уроковъ и ночью куритъ хозяйскій работникъ, несмотря на всѣ запрещенія хозяина и наши просьбы и задабриванья... Съ трудомъ просидишь въ такой атмосферѣ свои два урока; боишься вздохнуть полною грудью, сказать лишнее слово. И радуешься, когда выйдешь на вольный воздухъ... А вѣдь ребята остались тамъ! У нихъ будетъ еще три урока съ братомъ. Плохо. Не даромъ мы какъ-то расклеились.

Худы и желты; устаемъ, чего прежде не было, и нуждаемся въ отдыхѣ. Впрочемъ, скоро весна, а съ нею и новая школа...

4 марта. Послѣ обѣда захотѣлось сходить въ школу: что тамъ дѣлаютъ? Зашелъ въ школу грамоты (сторожку) гдѣ у дѣвочекъ—рукодѣлье. Полна изба народу: все здѣшніе, пришли къ вечернѣ и ждутъ звона. Душно и гадко до того, что меня затошнило, и я насилу добрался до окна, чтобъ просунуть наружу голову и перевести духъ. Сейчас же я перевелъ рукодѣльницъ во второй классъ, гдѣ занимаются одни общежитники, и гдѣ легче дышится. Рукодѣлье окончилось слишкомъ въ 5 часовъ; прогѣли молитву и разошлись.

5 марта. Во второмъ классѣ познакомились съ новой гаммой *соль* и со знакомъ *диезъ*. Урокъ прошелъ крайне оживленно. Въ одно время вниманіе учениковъ дошло до такого напряженія, что многіе встали съ своихъ мѣстъ, какъ будто имъ вдругъ стало не видно и меня, и что я пишу на доскѣ. На завтра—урокъ—переложить съ обихода „Богъ Господь“ болгарскаго распѣва въ тонъ *соль*.

Общежитники учатся несравненно лучше приходящихъ. Такъ и въ городскихъ школахъ, въ частности въ семинаріяхъ, живущіе въ общежитіяхъ лучше квартирантовъ. Понятно, отчего это происходитъ: въ общежитіи ученикъ считаетъ себя только ученикомъ, а живущіе по домамъ часто принуждены служить двумъ господамъ.

6 марта. Сегодня на урокъ пѣнія во второмъ классѣ пѣли „Благообразный Іосифъ“ по переложенію Архангельскаго, при чемъ голоса, ведущіе мелодію, пѣли

по обиходу, басовую партію пѣлъ псаломщикъ, теноровую—я съ взрослыми учениками.

7 марта. Воскресенье. У литургіи (Василія Великаго) *Милость міра* пѣли хоромъ (переложеніе Архангельскаго). Всей школой нынѣ пѣли новое пѣснопѣніе, а именно „О всепѣтая Мати“ послѣ причастнаго стиха. Ученики запѣвали одни своимъ дружнымъ униссономъ, а мы припѣвали: Рождшая всѣхъ святыхъ святѣйшее Слово; затѣмъ они опять запѣвали: „О всепѣтая Мати“, и мы продолжали: „нынѣшнее приемиши приношеніе“ и т. д. Такое пѣніе сего кондака, по напѣву очень старинное, въ дружномъ школьномъ исполненіи очень понравилось народу. Поистиннѣ *Всепѣтая*.

9 марта. Утромъ пришелъ подрядчикъ, съ артелью начинать постройку школы. Все утро мы съ нимъ шагали по старому кладбищу, размѣривая площадь подъ школьное зданіе. Порѣшили поставить его какъ разъ посерединѣ кладбища, въ 25 саженьяхъ отъ церкви. Сегодня плотники будутъ врывать столбы, на которыхъ должно стоять зданіе. Завтра молебень на мѣстѣ постройки.

Занятый отводомъ мѣста, я не могъ быть на урокъ пѣнія у первоклассниковъ,—они послѣ своихъ уроковъ приходили въ наши классы, и здѣсь мы всѣ разучивали кондакъ „Взбранной Воеводѣ“—къ богородичному стоянію.

Весна идетъ... Сегодня общежитникамъ напекли изъ хлѣбнаго тѣста „жаворонковъ“. Андрей В. съ своимъ жаворонкомъ выкликалъ весну:

Жаворонки летите,

Красну весну несите!

10 марта. Въ 12 часовъ отслужили торжествен-

ный молебень съ водосвятиемъ на мѣстѣ постройки школы. Во время звона всѣ ученики пошли въ церковь за иконами и хоругвями и пришли на мѣсто по два въ рядъ, съ пѣніемъ молебна Пресвятой Богородицѣ и святителю Николаю. По восточной сторонѣ стали ученики съ иконами и хоругвями; остальные окружили своими головами, какъ ожерельемъ, южную и западную стороны; вдоль сѣверной стояли плотники; въ серединѣ сруба—священникъ предъ аналоемъ. По окончаніи молебна и по прочтеніи молитвы съ колѣнопреклоненіемъ, была отслужена литія о упокоеніи рабовъ Божіихъ „здѣ лежащихъ“. Воодушевленно всѣ мы пѣли „Со святыми упокой“ и „Вѣчная память“. Это была очень трогательная молитва. Сколько времени лежали здѣсь рабы Божіи! На могилахъ ихъ спокойно разгуливала скотина. Даже родственники утратили примѣты родныхъ могилъ. Никто не приходилъ сюда съ поминаніемъ даже въ дни, посвященные усопшимъ... И вотъ нынѣ на этомъ мертвомъ мѣстѣ началась жизнь. Мы переселяемся на житѣе къ покойникамъ и первое знакомство съ ними ознаменовали молитвой за нихъ. Да не оскудѣетъ эта молитва!

Когда иконы были унесены въ церковь, священникъ разоблачился, взялъ топоръ и зарубилъ первый уголь. А подрядчикъ зацѣпилъ веревкой бревно и сказалъ ребятамъ: „Ну-ка, молодцы, накатите первое бревно на свою хату!“ Ребята, точь-въ-точь какъ муравьи, нанизались на веревку, и не успѣлъ еще подрядчикъ произнести команду, какъ они дернули и потащили бревно „ходомъ“, или вѣрнѣе „бѣгомъ“. Потомъ нужно было поднять бревно на первый вѣнецъ. Ребята, по командѣ „на подъемъ возьмемъ—д—ау!“

сразу приподняли его съ земли, и оно, какъ живое, закачалось надъ ихъ головами.—Хорошо глядѣтъ на эту работу... Ребята разохотились и просили зацѣпить еще. Я дозволилъ. Подрядчикъ зацѣпилъ толстый перерубъ; и его мигомъ поддержали къ стѣнѣ. Потомъ младшіе были отпущены домой, а съ второклассниками я закончилъ уроки.

11 марта. Поутру, вставъ, подхожу къ окну и вижу любопытную картину. Ученики толпой собрались около пяти бревенъ, сваленныхъ на улицѣ, далеко отъ постройки. Плотники навалили бревно на дровни,—и привязали его веревками. Потомъ вся мелюзга впряглась въ дровни.—кто держался за оглобли, кто за веревки, кто налегъ на самое бревно. Оно звонило, двигаясь по промерзшей дорогѣ. Пока мы пили чай, всѣ пять бревенъ были перетасканы на мѣсто.—На молитву ребята явились запыхавшіеся и раскраснѣвшіеся. И такъ же дружно, какъ сейчасъ возили бревна, они теперь полною грудью, воодушевленно пѣли молитвы.—Нѣтъ ничего очаровательнѣе общаго пѣнія!

Въ 6 часовъ вечера ежедневно приходятъ къ намъ дѣвочки показать матушкѣ рукодѣлье. Я позвалъ ихъ въ залу, показалъ имъ фисгармонію и митрофонъ и началъ играть „Взбранной Воеводѣ“. Они сразу узнали мелодію.

— Ну, подпѣвайте! сказалъ я.

Онѣ начали робко. Потомъ осмѣлились. А когда заигралъ „О всепѣтая Мати!“—болѣе извѣстный имъ напѣвъ, онѣ подпѣли мнѣ ужъ совсѣмъ смѣло громко и правильно.

— Которая же музыка лучше?—спросилъ я послѣ игры и пѣнія. Большая или маленькая?

— Большая,—сказали онѣ.

Въ кухнѣ были старуха и бабы. И онѣ всѣ пришли въ залу, услышавъ пѣніе дѣвочекъ. Когда запѣли „О всепѣтая Мати“, онѣ до того расчувствовались, что и сами начали подпѣвать дѣвочкамъ дребезжащими голосами. Когда дѣвочки ушли, старухи остались и все рассказывали о своихъ впечатлѣніяхъ.

— Ужъ больно хорошо слушать,—сказала одна,— какъ они въ церкви-то запоютъ всей школой. Какъ запоютъ—сердце заноситъ. Слезы даже прошибаютъ...

Другая рассказала:

— А я вотъ тутъ прихожу къ шабрѣнкѣ (сосѣдкѣ), гляжу: за столомъ сидитъ мать шьетъ, а рядомъ дѣвочка съ книжкой да хорошо-о-хонько читаетъ!— „Анисья,—говорю, болитъ что-ль у тебя сердце-то?“

— А что?—говоритъ.

— Да, Господи, помилуй, когда это съ роду было въ нашемъ быту эдакое чудо? Ты гляди, какъ читаетъ дѣвочка: какъ на нитку слова-то нижеетъ. Вѣдь слезъ достойно—какое утѣшенье!...

Я сказалъ, что дѣти будутъ пѣть и читать и еще лучше, только бы имъ родители не мѣшали учиться.— Прощаясь со старухами, я напомнилъ имъ, что завтра „стояніе“ Божіей Матери.

12 марта. На урокахъ Закона Божія во всѣхъ отдѣленіяхъ было рассказано ученикамъ, почему въ нынѣшній день служитъ торжественная всенощная съ акаѳистомъ въ похвалу Божіей Матери. Объясняли кондакъ „Взбранной Воеводѣ“, а на урокахъ пѣнія и

на общей спѣвкѣ пѣли тотъ же кондакъ умилительнымъ древнимъ распѣвомъ.

Вечеромъ торжественное богослуженіе — стояніе Божіей Матери. „Взбранной Воеводѣ“ въ началѣ и въ концѣ акаѳиста пѣли всѣ ученики. „Радуйся, Невѣсто неневѣстная“ и „Аллилуія“—припѣвы къ кондакамъ и икосамъ—пѣли поочередно на обоихъ клиросахъ. Тропарь „Повелѣнное въ тайнѣ“ —гл. 8 пѣли кievскимъ распѣвомъ (подобно тропарю „Се женихъ“). Народу очень понравилось богослуженіе. Всѣ благодарили меня за „установъ“.

13 марта Суббота. Въ церкви на литургіи было много причастниковъ, а потому ни законоучитель, ни псаломщикъ не могли быть въ школѣ. Я занимался поэтому сразу и въ своемъ второмъ классѣ, и у самыхъ младшихъ. Впрочемъ, дана была самостоятельная работа—пересказъ славянской статьи „Смирненіе преподобнаго Феодосія Печерскаго“ изъ книги для чтенія. Съ младшими занимались по Закону Божію и чтенію.

Новое школьное зданіе быстро воздвигается. Сегодня обозначились окна; я все захожу то съ той, то съ другой стороны, отовсюду хорошо. Мѣсто подъ школой очень удобно для разведенія сада. Но бѣда въ томъ, что воды нѣтъ близко. Нужно будетъ попытаться вырыть колодезь.

14 марта. Воскресенье. Все болѣе и болѣе входимъ мы во вкусъ нашего подлинно-церковнаго пѣнія, т. е. распѣвомъ знаменитаго, малаго столповаго и греческаго. Дивно звучитъ это пѣніе въ сельской церкви, среди простого народа. Въ немъ слышится онъ родное и знакомое. Сегодня на утрени мы пѣли о перелож-

ніямъ Архангельскаго: „Богъ Господь“ и тропарь 1-го гласа—„Благословенъ еси, Господи“ и тропари воскресны, прокимень 1-гласа, „Воскресеніе Христово видѣвше“ и ирмосы 1-го гласа: „Твоя побѣдительная десница“. Особенно художественно изложены эти послѣдніе. По напѣву они напоминаютъ ирмосы Успенію Богоматери, „Преукрашенная“. Дивная мелодія!

Послѣ обѣдни бесѣдовалъ съ отцомъ ученикъ Алексѣй К. Не смотря на дурную погоду и невозможную дорогу, онъ пришелъ расплатиться за содержаніе сына въ общежитіи. Онъ поторопился къ нашей обѣднѣ и, простоявъ ее, остался очень доволенъ. „Весной—говорить,—я къ вамъ буду часто ходить,—не буду лѣниться“. Какъ и въ прежнія свои посѣщенія, онъ изливалъ предо мной свою душу: какъ онъ радъ, что сынъ учится, и доволенъ школой; какъ ему хочется довести его до дѣла и т. д.

Послѣ обѣда живущіе въ общежитіи сѣяли цвѣточные сѣмена въ ящикъ, а потомъ начали готовить яму для парника. Это для нихъ—новья работы. Послѣ вечерни—спѣвка. Готовимся пѣть пѣснопѣнія Страстной седмицы.

15 марта. Рукодѣльницы аккуратно заходятъ послѣ уроковъ къ матушкѣ—показать работы. Сегодня одна была въ слезахъ: дорогой потеряла вязальный крючекъ. Надо бы имъ имѣть рукодѣльные корзиночки. У меня на столѣ была коробочка отъ сургуча. Я вынесъ ее дѣвочкамъ и велѣлъ вынуть жребій: кому достанется. Досталось самой маленькой дѣвчкѣ Панкѣ (Прасковья). Радости ея не было конца. Подруги наперерывъ брали коробку въ руки и любовались. Надо

раздобыть побольше коробочекъ, чтобъ досталось всѣмъ, и никому не было бы завидно.

16 марта. Во второмъ классѣ дѣлаемъ опыты четырехголоснаго пѣнія. Поемъ начало литургіи. На урокахъ пѣнія я пишу на доскѣ партитуру цифрами, а ученики, раздѣленные уже на четыре голосовыя группы, списываютъ каждый свою партію обыкновенными нотами. Потомъ мы пропѣваемъ всѣмъ классомъ партію каждого отдѣльнаго голоса по доскѣ и, наконецъ, поемъ на четыре голоса. Дома ученики вписываютъ въ тетради не одинъ свой голосъ, но всю партитуру. Меня осаждаютъ требованіями на нотную бумагу. Сегодня послѣ обѣда я засталъ всѣхъ общежитниковъ за списываніемъ нотъ. Нѣкоторые, написавъ урокъ („Святыи Боже“), списываютъ изъ партитуры Архангельскаго по своему желанію и выбору пѣснопѣнія Страстной седмицы, понравившіяся имъ на прошлой спѣвкѣ. Мнѣ крайне пріятно такое увлеченіе ихъ пѣніемъ, и съ трудомъ я вѣрю самъ себѣ, что предо мной тѣ самые мальчики, которые въ половинѣ ноября неумѣли разинуть рта. Даже Бажутовъ, до дня сего не обнаруживавшій никакихъ музыкальныхъ способностей, вдругъ вчера запѣлъ хорошимъ дискантомъ, къ всеобщему удивленію. У него успѣлъ развиться слухъ отъ ежедневнаго сидѣнія на урокахъ пѣнія. Я посадилъ его съ первыми дискантами.

На „стопу“ школы, т. е. на вырубку стѣнъ не хватаетъ 24-хъ бревенъ, а порядчику хочется до Пасхи поставить стропила. Сегодня онъ просилъ, нельзя ли привести бревна въ виду того, что сильно морозитъ, и дорога къ утру будетъ сносная. Вечеромъ, когда всѣ уже ложились спать, отецъ отправился собирать

„помощь“. Мы не надѣялись, чтобы крестьяне согласились по такой дорогѣ ѣхать въ лѣсъ за бревнами. Но, къ удивленію, человѣкъ 40 согласились ѣхать. Нѣкоторые говорили: „что дѣлать, батюшка!—Мы сами видимъ, что дѣло у васъ стало. Хоть плыть да быть“. Посмотримъ, сколько завтра приплыветъ бревенъ.

17 марта. Алексѣй Божій человѣкъ—съ горь вода. Прекрасное солнечное утро. Встаю, и съ безпокойствомъ иду къ окну: что бревна? И прямо встрѣчаюсь съ знакомой картиной: съ бугра сползаетъ, блестя на солнцѣ, оскобленное гладкое бревно. Только подвезли его къ школѣ,—на бугрѣ показалось другое, за нимъ еще и еще. Везутъ бревна парами. Всѣ подводы сильно бьются улицей и около церкви, гдѣ нѣтъ ни искры снѣгу. Мужики тянутъ лямкой, помогая лошадямъ. Слава Богу: привезли 22 бревна.

Братъ—именинникъ. По этому случаю первоклассниковъ отпустили въ 12 часовъ. Всѣмъ имъ роздали по три кренделя.—Я съ своими занимался обычно—до 3 часовъ. Вечеромъ общежитниковъ именинникъ угощалъ чаемъ съ кренделями. Въ то время, какъ они пили, вдругъ явилась цѣлая партія ученицъ: впереди всѣхъ вышеупомянутая Панка, прозванная за малый ростъ Шпанкой. Всѣ онѣ остановились у порога. Въ рукахъ у нихъ были узелочки.

— Что вы? спросилъ я, подойдя къ нимъ. Иль съ рукодѣльемъ?

Дѣвочки чего-то переконфузились, и одна за другой выдвинулись назадъ за дверь. Осталась одна Панка. Я сталъ съ ней говорить шепотомъ:

— Что это у тебя въ узелкѣ: шитье что ли?

— Нѣтъ, это пряники,—отвѣчала она мнѣ на ухо.

— Зачѣмъ?

— Алексѣю П—чу.

Тутъ только я понялъ, что онѣ пришли поздравить брата и притомъ съ подарками: только такое поздравленіе считается у крестьянъ настоящимъ. Братъ позвалъ ихъ въ залу. Я поигралъ имъ на фисгармоніи. Показали имъ картинки. Потомъ посадили ихъ за столъ и напоили чаемъ.

18 марта. Привезли еще четыре бревна, изъ коихъ одно—на нашихъ лошадяхъ. Но вотъ искушеніе. Подрядчикъ опять обсчитался. Мы назначили высоту комнатъ отъ пола до потолка—не менѣе 4½ аршинъ, а у него изъ наличнаго лѣса выходитъ лишь 4 арш. 6 вершк. Нужно нарубить еще вѣнецъ. И вотъ, завтра опять предстоитъ возка.—Здѣшнихъ нельзя просить на завтра: уѣзжаютъ верстъ за 25 за хлѣбомъ (продовольственной ссудой). Поѣдемъ просить деревенскихъ.

19 марта. Наступилъ опять холодъ. Вьюжитъ. Мы все утро ждали бревенъ и, наконецъ, дождались. Деревенскіе привезли 4 бревна на 8 лошадяхъ. Кромѣ того, одинъ здѣшній привезъ большое бревно на парѣ. Здѣсь есть одна большая семья, состоящая изъ четырехъ женатыхъ братьевъ при живомъ отцѣ. И отъ этого дома до сихъ поръ не было ни одного бревна. Между тѣмъ, одинъ изъ братьевъ, солдатъ, постоянно обращается въ школьную бібліотеку за книгами. Вчера, встрѣтивъ его, мы съ братомъ выразили ему свое неудовольствіе. И вотъ, сегодня рано утромъ онъ привезъ бревно.—Прихожане оказали намъ громадную помощь. Одни здѣшніе—сельскіе—выставили болѣе 200 лошадей; кромѣ того, деревенскіе—32 лошади, и чужіе—не нашего прихода крестьяне—42 лошади. Если

бы всю работу, произведенную помочами, перевести на деньги, то намъ только за то, что перевезено теперь, пришлось бы заплатить около 120 руб.

20 марта. Лазарева суббота. Всѣ были у литургии. Весьма былъ я утѣшенъ тѣмъ, что ученики-пѣвчіе безъ спѣвки (съ листа) пропѣли задостойникъ „Чистую славно почитимъ“ по переложению Георгіевскаго.—Послѣ обѣда начался разъѣздъ второклассниковъ на праздникъ Пасхи. Вороновскіе хотѣли было идти домой пѣшкомъ и уже собрались, но я не отпустилъ ихъ, потому что холодно,—дуетъ рѣзкій вѣтеръ, а у одного изъ нихъ нѣтъ шубы. Одного, который былъ потеплѣе одѣтъ, отправили съ бабой, пріѣхавшей изъ того села къ намъ за лекарствомъ. Съ нею же мы наказали родителямъ, чтобъ пріѣхали за остальными. Послѣ обѣда оставшіеся пятеро общжитниковъ дѣлали щетки изъ мочаль и клеили корбки.

21 марта. Недѣля Вайи. Всю утреню пѣли по переложениямъ Архангельскаго, кромѣ ирмосовъ канона, которые слишкомъ медленны для нашего маленькаго хора. Впрочемъ, безпримѣрный ирмосъ 9-й пѣсни: „Богъ Господь и явился намъ“—пѣли по нотамъ (знаменнаго распѣва). На литургии *Милость мира* пѣли съ особеннымъ воодушевленіемъ. При пѣніи *Святъ, Святъ, Святъ* къ дѣтямъ присоединились и мы—хоръ, и пѣли громко до словъ: „Осанна въ вышнихъ“. Эти слова до конца были пропѣты опять одними дѣтьми: это въ воспоминаніе того, какъ дѣти еврейскія восклицали Христу: Осанна!

22—27 марта. Страстная седмица. Ежедневныя продолжительныя службы. Ученики являются по пер-

вому удару колокола. Хорошо смотрѣть, какъ они высыпаютъ на улицу и мелкими шажками торопятся къ церкви. Всѣ они озабочены исполненіемъ долга. Ни въ чемъ такъ не сказывается влияніе школы. Въ четвертокъ на Благовѣщенье мы пріобщались. Опять всѣмъ, какъ на первой недѣлѣ, были выданы просфоры. Пѣснопѣнія Страстной седмицы пѣли преимущественно по переложениямъ Архангельскаго. Чрезвычайно хорошо выходитъ въ пѣніи 17 каѳизма (непорочны), поемая въ утреню Великой субботы. Мелодія церковнаго напѣва выдѣляется съ полной рельефностью.

Апрѣль 3-е. Пасхальная суббота. Прошла и святая недѣля. Въ прошлую (Великую) субботу въ это время,—вечеромъ,—вокругъ церкви кипѣла работа: школьники, подъ управленіемъ брата, пріѣхавшаго изъ семинаріи, украшали церковь фонарями, надъ клейкой которыхъ они трудились шестую и Страстную недѣли. Иллюминація вышла прекрасная и много содѣйствовала торжественной встрѣчѣ праздника Христова. Всю пасхальную службу пѣли простымъ напѣвомъ, но за то все—на два лика. Во время утрени стихиры: *Да воскреснетъ Богъ* мы пѣли, „сошедшеся оба лика вкупѣ“, предъ царскими вратами, велегласно и согласно, начинающу іерею. Такъ же мы дѣлали и во всѣ слѣдующіе дни. Всѣмъ чрезвычайно понравилось перемѣнное пѣніе, на два клироса.

Сегодня двѣ недѣли, какъ въ храмѣ непрерывно совершается богослуженіе, и не было ни одного случая опущенія ученикомъ какой-нибудь службы безъ особо-уважигельной причины. Родители говорятъ, что ребятъ „тянетъ“ въ церковь. Вотъ этого мы и добиваемся,—чтобъ „тянуло“...

6 *апрѣля*. Вторникъ, поминовеніе усопшихъ. Уроки были только во второмъ классѣ и въ старшемъ отдѣленіи перваго. Остальные ходили къ заупокойной литургіи и послѣ нея отпущены по домамъ. Во время второго урока пріѣхалъ Андрей В. съ отцомъ. Привезли провизіи на мѣсяцъ и сверхъ того четвертную бутылъ молока—на всю братію. Другіе двое вороновскіе ученики не пріѣхали совсѣмъ: одному посовѣтовалъ священникъ остаться дома, другого не повезъ отецъ. Оба они—самые плохіе ученики, и въ табеляхъ у нихъ двойки. Они придумали самое лучшее. Дома они получаютъ 8 коп. въ день на поденщинѣ, а здѣсь ѣдятъ готовое, а къ экзамену все-таки не готовятъ. Примемъ ихъ на повторительный курсъ.

Вчера, въ день сбора учениковъ, весьма кстати получено было письмо отъ нашего ученика переселенца Ѳедулова, который въ январѣ уѣхалъ на житье въ Оренбургскую губернію. Онъ описываетъ, какъ имъ тамъ живетъ. Въ селѣ есть церковь (а мы боялись, что не будетъ). Но что всего пріятнѣе,—онъ сообщаетъ, что учить грамотѣ троихъ мальчиковъ и „еще двоихъ—говоритъ—буду учить писать“. Слава Богу! Немного зеренъ изъ нашей сѣялки упало на его душу, но они не пропали даромъ! Братъ его спрашиваетъ у насъ совѣта: отдать ли мальчика въ Орскъ въ лавку, или помѣстить его въ 4-хъ классное училище. Посовѣтуемъ ему второе.

7 *апрѣля*. Сегодня—настоящее ученіе. Я ходилъ въ первый классъ на свои уроки (пѣніе и славянское чтеніе).

Среди дня явился одинъ изъ непріѣхавшихъ вороновскихъ—Дубровинъ, съ матерью. Я въ первый

разъ увидѣлъ его мать, и мнѣ горько было видѣть ее. Она еще болѣе своего мужа желаетъ, чтобы сынъ ея выучился хорошенько грамотѣ, и теперь горюетъ о томъ, что ему не дается наука. Рѣдко встрѣтишь среди крестьянъ такихъ заботливыхъ родителей. Она просила моего совѣта: что дѣлать? Продолжать ли мальчику учиться? Я сказалъ: лучше ему учиться дома до осени, а осенью пріѣхать и поступить въ то же отдѣленіе.

8 *апрѣля*. Общежитниковъ нельзя не любить за ихъ строгій взглядъ на учебныя занятія. Они у насъ—настоящіе студенты. Когда ни придешь къ нимъ во внѣклассное время, все застаешь ихъ за работой. Видно, что они учатся не по принужденію, или приказу, не для того, чтобъ только исполнить школьныя требованія, а съ любовію и даже съ увлеченіемъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе это увлеченіе.

10 *апрѣля*. Сегодня мы хоронили крестьянку Лукерью Семеновну, старую дѣву (келейницу). Я велѣлъ идти на выносъ тѣла только пѣвчимъ, но вслѣдъ за ними къ кельѣ потянулись и всѣ ученики. Покойная пользовалась въ селѣ уваженіемъ. Пѣвчіе же ей особенно обязаны. Шесть лѣтъ тому назадъ, когда я впервые задумалъ устроить хоръ, и когда у насъ еще не было школы, Лукерья Семеновна имѣла въ своей кельѣ школку на 8 мальчиковъ. Я обратился къ ней: нѣтъ ли среди нихъ голосистыхъ. Она обѣщала привести мнѣ ребятъ. Но когда, возвратясь домой, сказала имъ объ этомъ, ребята перепугались и спрятались на полати.—„А я ихъ прутомъ!“—разсказывала мнѣ Семеновна. Они пришли въ сопровожденіи ея, въ слезахъ, и прятались другъ-за-друга. Но я обласкалъ ихъ, и

на другой день они пришли уже съ радостію. Съ тѣхъ поръ всѣ они—въ пѣвчихъ, и теперь одни изъ нихъ уже окончили курсъ, другіе — поступили во второй классъ. Вѣчная память ихъ первой учительницѣ!

11 апрѣля. Воскресенье. Сегодня литургію пѣли на два клироса, при чемъ на лѣвомъ, подъ моимъ управленіемъ, пѣлъ вновь образованный дѣтскій хоръ, въ который вошли всѣ второклассники. Для перваго раза мы пѣли удачно и многимъ понравились. Велика была радость тѣхъ второклассниковъ, которые никогда еще не пѣвали на клиросѣ... У каждого были ноты, написанныя собственноручно.

12 апрѣля. Ужасная слякоть. Погода невозможная: то снѣгъ, то дождь при сильномъ вѣтрѣ. Среди дѣтей распространилась *корь*: ученики заболѣваютъ ежедневно. Особенно много заболѣвшихъ среди первоклассниковъ, — несомнѣнно оттого, что ихъ классное помѣщеніе—совсѣмъ неудобно. Мы рѣшили прекратить занятія въ первомъ классѣ до слѣдующаго понедѣльника. Боимся какъ бы всѣ не переболѣли. Подъ вліяніемъ дурной погоды и мы—учителя—что-то расклеились. У меня несносная стрѣльба въ ухѣ, у брата—зубная боль.

Вечеромъ пришелъ крестьянинъ Давыдъ,—просить завтра отпѣть его умершую тетку съ пѣвчими; очень понравилось ему, какъ хоронили Лукерью Семеновну. Обѣщаетъ дать полтора рубля. Я не отказался, хоть и боленъ. Полтора рубля пригодятся пѣвчимъ на рубашки, которыя мы хотимъ имъ сдѣлать къ Николину дню, — всѣмъ одинаковыя: онѣ будутъ у нихъ вродѣ формы.

13 апрѣля. Выносили и отпѣвали Давыдову тетку.

Шли по грязной улицѣ, а сверху дождь лилъ.—Ученицамъ, по случаю дурной погоды, не велѣлъ было приходить на рукодѣлье, но онѣ сказали: „ничего, что грязь, мы дойдемъ. А то намъ скучно: дома дѣлать нечего“. Пришлось покориться ихъ желанію.

15 апрѣля. Слава Богу! Опять началась подвозка лѣса. Вчера самъ отецъ ходилъ просить крестьянъ, и сегодня, не смотря на прескверную погоду и дорогу, привезли 90 половицъ на 35 подводахъ. Работы опять начнутся.

Послѣ обѣда къ Андрею В. пришелъ маленькій братъ, ученикъ младшаго отдѣленія Вороновской школы (10 верстъ отъ насъ). Онъ принесъ брату Священную Исторію и лепешекъ. Мы подивились, какъ это онъ въ такую грязь доползъ до насъ. А онъ говоритъ: „ну, вотъ! я еще оборотилъ бы до вечера!“ Мы оставили его ночевать. Дали ему книги, и онъ училъ свои уроки. Послѣ ужина два брата улеглись вмѣстѣ спать. Они очень нѣжны другъ къ другу.

16 апрѣля. Утромъ опять привезли лѣсъ на 28 подводахъ. Въ числѣ привезшихъ были всѣ наличные раскольники нашего села, не исключая и ихъ *попа*... Веселѣе стало глядѣть на нашу школу, когда опять вокругъ нея затолпился народъ.

Во второмъ классѣ сегодня кипѣла работа. На урокъ ариѳметики всѣ отправились къ новому зданію высчитывать, какую оно занимаетъ площадь. Оказалось: 39 саж. 4 арш. 140 вершк. (квадр.). Послѣ урока пришелъ въ классъ подрядчикъ: онъ заинтересовался нашими вычисленіями. Я попросилъ его задать ученикамъ какую-нибудь задачу изъ плотницкой практики. Онъ велѣлъ высчитать: сколько пойдетъ тесу на крышу

школьного зданія. На основаніи сказанныхъ имъ условий, ученики высчитали на своихъ доскахъ, что пойдеть 640 тесницъ. Подрядчикъ сказалъ: „ахъ, вы, жиды! Въдь и по моему счету около семи сотъ надо“!

20 апрѣля. Урокъ ариѳметики во 2-мъ классѣ былъ послѣ обѣда. Вымѣряли площадь нашей школьной земли. Углы мѣрили при помощи самодѣльнаго экера. Оказалось, что земли у насъ 860 кв. саж., не считая площади церковной ограды. — Ребята сильно заинтересовались начатками геометріи. Умѣемъ вычислить площадь прямоугольника и треугольника. Объясняю способъ вычисленія площади трапеціи.

21 апрѣля. *Преполовленіе святыхъ Пятидесятницы.* Не учились, потому что Преполовленіе считается, какъ большой праздникъ: не работаютъ. Праздники намъ не помѣха, — они, напротивъ, помогаютъ намъ. Главная задача школы — воспитаніе дѣтей, а главное средство — богослуженіе и вообще вся церковность. Кромѣ того, во время богослуженія въ храмѣ мы примѣняемъ во славу Божию свои знанія, добывая въ школѣ. Очередные ученики выступаютъ съ чтеніемъ, пѣвчіе — съ нотнымъ пѣніемъ, и всѣ ученики — съ общимъ пѣніемъ. Всѣ показываютъ свое усердіе и заботу, но заботу — не пекущейся о многомъ Марѣи, а отложившей земныя суеты Маріи, сидящей при ногу Иисусову. Послѣ обѣдни всѣ ходили на родникъ съ крестнымъ ходомъ. Ученики, чтобъ ихъ не тѣснилъ народъ, идутъ во время крестныхъ ходовъ впереди всѣхъ, — *два-два*, — за ними пѣвчіе, тоже рядами. Всѣ поютъ.

23 апрѣля. Сегодня схоронили старика Павлыча,

который 35 лѣтъ состоялъ сторожемъ при нашей церкви. Онъ умеръ въ страшной бѣдности, — почти въ нищетѣ. Мы отдали ему послѣдній долгъ: на вынось ходили всѣ пѣвчіе, а на отпѣваніи была вся школа.

24 апрѣля. Цѣлый день, съ утра до вечера, прошелъ въ самой оживленной и необычной работѣ... Нужно было завалить въ школьномъ зданіи внутреннія завалины. Хотѣли слать эту работу крестьянамъ, но съ насъ запросили *десять* рублей, а у насъ деньги на исходѣ. Тогда мы рѣшили исполнить всю работу, призвавъ на помощь учениковъ. Во время смѣнъ (которыя мы увеличили, сокративъ число уроковъ), всѣ ученики и ученицы очищали внутренность школы отъ щепъ: таскали ихъ носилками, кидали за окна, а дѣвочки нагружали или свои фартуки и выносили вонъ. Въ двѣ смѣны всѣ щепы были убраны, — землю даже подмели метлами. Любо было смотрѣть на эту работу! Точь въ точь, какъ муравьи, кишмя-кишатъ наши работники въ трехъ помѣщеніяхъ школы. Каждый — съ своей ношей, часто не по силамъ взятой. Иной свяжется съ чурбаномъ, который вдвое больше его самого: пыхтитъ, кряхтитъ, а добьется таки своего, — вытолкнетъ какъ-нибудь его за дверь. Шумъ, гамъ, веселье... Соперничество у класса съ классомъ, у мальчиковъ съ „дѣвчатами“, у „дворянъ“ съ морд-вами... Какъ сладко чувствовать себя душою этого веселаго и невиннаго муравейника!..

Послѣ обѣда началась главная работа — заваливаніе земли въ обрубъ, сдѣланный для завалинъ внутри всего зданія. Работали одновременно въ двухъ срубкахъ — въ одномъ второклассники, въ другомъ „школьники“; первоклассники отправили свой урокъ до обѣ-

да. И вотъ, между самыми крупными и самой мелюзгой — завязалось соперничество и борьба. — У второклассниковъ не хватаетъ инструментовъ — лопать и мотыгъ. Вотъ тѣ, кому не хватаетъ, отправляются къ „пузырямъ“ съ коварною цѣлю, прикрытою благороднымъ предлогомъ.

— Эхъ, — говоритъ Иванъ Меньшовъ, входя къ нимъ, — какъ васъ мало! Примите меня къ себѣ работать!

Тѣ, не подозрѣвая ничего, съ охотой принимаютъ добровольца. Но послѣдній, копнувъ раза два-три, вдругъ незамѣтно исчезаетъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и данная ему мотыга. Ребятишки надуваются, галдятъ и всѣмъ скопомъ ползутъ къ второклассникамъ. Начинается вой:

— Отдайте мотыгу!

Вой этотъ до того донимаетъ первоклассниковъ, что они сами отнимаютъ у Меньшова мотыгу и возвращаютъ ее пузырямъ, которые торжественно и шумно удаляются и продолжаютъ работу. Но теперь они осторожнѣе: ихъ уже не проведешь, и когда въ дверяхъ показывается Ивановскій, съ очевидною цѣлю стянуть у кого-нибудь лопату, въ него сыплется цѣлый градъ земляныхъ комьевъ. Онъ бѣжитъ со срамомъ. Такъ же встрѣчаютъ и другихъ лазутчиковъ.

„Драка—не драка! Игра—не игра!“ И чѣмъ больше веселья, тѣмъ успѣшнѣе идетъ работа.

26 апрѣля. Сегодня я въ продолженіе двухъ уроковъ занимался въ школѣ грамоты. Чрезвычайно нравятся мнѣ эти мальчики. Они подають хорошія надежды. Сегодня читали статью „Вѣникъ“. Тамъ есть слово: „ссорились“ (братья между собою). У крестьянъ

слово это не употребляется, хотя несомнѣнно оно имъ понятно. Я заинтересовался: какъ переведутъ его ребята на свой языкъ? *Бранились, ругались* — все это какъ-то не ловко передаетъ смыслъ. Я обратился къ одному малому:

— Какъ это, — говорю, — по другому сказать: ссорились?

Онъ подумалъ немного и сказалъ:

— *Страмились!*

Необходимо приучать учениковъ къ самостоятельному пересказу прочитанныхъ статей. Сегодня я занялся этимъ въ школѣ грамоты. Многимъ трудно дается: не могутъ говорить безъ вопросовъ. А постоянно давать вопросы — вредно. Въ нѣкоторыхъ школахъ даже на выпускномъ экзаменѣ ученики не могутъ рассказать о Преображеніи безъ наводящихъ вопросовъ. Это оттого, что законоучители постоянно давали наводящія вопросы.

29 апрѣля—2 мая. Отъ среды до воскресенья я былъ въ отлучкѣ: ѣздилъ въ свою „губерню“, т. е. въ губернской городъ.хлопоталъ объ отпускѣ намъ денегъ на устройство печей въ новомъ зданіи. Въ домахъ своихъ знакомыхъ, гдѣ я побывалъ, я выпрашивалъ у дамъ для своихъ ученицъ-руководѣльницъ вязальные крючки, бумагу, узоры, канву и т. п. Одинъ учитель семинаріи вручилъ мнѣ цѣлыхъ семь стальныхъ крючковъ: это ему дали старшія воспитанницы женскаго епархіальнаго училища, когда онъ передалъ имъ о моей нуждѣ. Одинъ маленькій гимназистъ, Володя Л., надавалъ мнѣ карандашей, ручекъ, тетрадокъ для передачи ученикамъ. Я попросилъ его, чтобы на будущее время онъ откладывалъ для моихъ уче-

никовъ все, что у него лишнее. Онъ съ радостью обѣщался это дѣлать... Вѣдь у городскихъ дѣтей черезъ край переливаются всякія учебныя принадлежности, а мы нуждаемся въ клочкѣ бумаги. Маленькая дѣвочка Шурочка Т., дочь учителя семинаріи, дала мнѣ цѣлую горсть разныхъ по строенію и окраскѣ раковинокъ, чтобъ я показалъ ихъ своимъ ребятамъ. Это будетъ началомъ нашего школьнаго музея.

3 мая. Опять я дома, среди своихъ ребяташекъ; опять глядятъ на меня ихъ „сѣрые, синіе, каріе глазки“... Въ смѣны мы работали на воздухѣ. Помогали плотникамъ подымать бревна на мезонинъ. Тепло. Въ школѣ открыли окна. И на душѣ стало теплѣе...

10 мая. Завтра выпускной экзаменъ у старшихъ первоклассниковъ. Кромѣ нашихъ, будутъ держать экзаменъ и ученики двухъ, сосѣднихъ школъ; они пріѣдутъ завтра сюда съ своими законоучителями и учителями. Вчера и сегодня выпускные писали прошенія въ испытательную комиссію о допущеніи ихъ къ экзамену: все не удастся сразу написать безукоризненно. Послѣ обѣда въ помѣщеніи второго класса, — гдѣ будетъ экзаменъ, — вымыли полы. Ученики передъ вечеромъ бѣгали въ лѣсъ за вьющейся травой „дерябой“, изъ которой надѣлали гирляндъ для украшенія иконъ и портрета Государя. Въ срединѣ класса поставили большой столъ для экзаменаторовъ; ученическіе столы расположили по обѣимъ сторонамъ—направо и налево. Классъ принялъ праздничный видъ.

Ученики волнуются... Вечеромъ двое приходили спросить, можно-ли имъ придти на экзаменъ въ однихъ рубашкахъ... За одного пришла ходатайствовать бабушка, чтобъ его не вызывали первымъ; а то онъ испугается... Не спокойно проспать они эту ночь.

11 мая. Сегодня чтимъ святую память равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, первоучителей словенскихъ. Мы нарочно въ этотъ день назначили экзаменъ. Вѣдь въ нашихъ школахъ экзаменъ есть торжество того церковнаго ученія, начало которому положили святые братья. Вчера было отслужено всенощное бдѣніе, на которомъ была вся школа. Торжественно мы всѣ пропѣли величаніе предъ иконой святыхъ просвѣтителей.

Сегодня, еще до звона къ обѣднѣ, около церкви, въ оградѣ, собрались всѣ наши ученики и ученицы, въ праздничныхъ одеждахъ. Поджидали прибытія учениковъ изъ сосѣднихъ школъ и потому не благовѣстили къ литургіи. Наконецъ, около 8 часовъ сразу съ двухъ концовъ села, показались чужіе: одни, — изъ ближайшаго села, — пришли пѣшкомъ, съ сумками черезъ плечо; другіе, — изъ болѣе отдаленной школы (въ 10 верстахъ отъ насъ), — пріѣхали на лошадахъ: впереди на тележкѣ, ѣхалъ священникъ съ псаломщикомъ-учителемъ и съ двумя мальчиками на козлахъ, а позади нихъ, на роспускахъ (длинныхъ дрогахъ), ученики и ученицы и съ ними взрослый крестьянинъ-пѣвчій. Батюшка пріѣхалъ къ намъ, а ученическая подвода остановилась у школы. Ученики слѣзли, отряхнули пыль, насѣвшую дорогой на ихъ праздничную одежду, помолились на нашу церковь, и потомъ одни стали разбирать узлы, привязанные сзади, а другіе помогали взрослому пѣвчему отпрягать лошадь. Наши обступили пріѣзжихъ; нѣкоторые второклассники были имъ земляки: какъ они были рады свиданью! Начались разговоры... Но тотчасъ раздался ударъ въ большой колоколъ, и наши поспѣшили въ церковь. Пріѣзжіе

столпились около своего „большого“ и ждали учителя: безъ него они не знали, что дѣлать. Учитель пришелъ и торопливо распорядился: отнести всѣ сумки въ сторожку и идти въ церковь. „Только ноты выньте и возьмите съ собою“—крикнулъ онъ вслѣдъ ученикамъ, которые ушли съ сумками.

Въ церкви были почти одни только школьники: крестьянъ было мало, потому что сегодня день рабочей. Школьные ряды расположены посрединѣ церкви, окружая икону святыхъ Кирилла и Меѳодія. На правомъ клиросѣ помѣстились наши пѣвчіе, на лѣвомъ—пріѣзжіе. Они пѣли очень стройно, и богослуженіе было весьма торжественно,—особенно, когда къ пѣнію „ликъовъ“, присоединялись и маленькіе „людіе“.

Молебенъ отслуженъ соборнѣ всѣми тремя законоучителями. Послѣ молебна икона была взята двумя старшими учениками и отнесена въ то помѣщеніе, гдѣ будетъ экзаменъ. Послѣ обѣдни и учащіе и учащіяся подкрѣпились немного чаемъ. Потомъ мы, хозяева, назначили всѣмъ мѣста въ классѣ и выдали бумагу для диктовки, объяснивъ, какъ нужно ее разлиновать. Въ дверяхъ школы, за печкой и снаружи около оконъ, тѣснились младшіе ученики: имъ было весело поглядѣть на экзаменующихся; они шептались между собою. А сидѣвшіе на скамейкахъ пріумолкли, въ ожиданіи прихода комиссіи; на лицахъ у нихъ выражалось безпокойство.

Изъ-за околицы послышался звонъ почтовый колокольчикъ. Всѣ обернулись къ окнамъ, нѣкоторые изъ стоявшихъ въ дверяхъ выбѣжали въ сѣни: кто это?—Это пріѣхала „земская“ учительница, назначенная въ комиссію. Она пріѣхала къ намъ. Тотчасъ послѣ этого кто-то ска-

заль: „идуть!“ Всѣ примолкли еще больше. Въ классъ вошли: наблюдатель, два законоучителя, три учителя и земская учительница.—Пропѣли молитву „Царю Небесный“ и усѣлись по мѣстамъ. Потомъ наблюдатель, переключивъ учениковъ по списку, велѣлъ имъ приготовиться къ письму и продиктовалъ статью подъ заглавіемъ: „Старикъ и сыновья“.

Послѣ диктовки былъ устный экзаменъ по Закону Божію. Спрашивали и „разсказывать“ по Священной Исторіи, и „объяснять“ заповѣди, и по Богослуженію, и наизусть. Пріѣзжіе блеснули знаніемъ наизусть текста нагорной бесѣды Спасителя. Наши не знали наизусть нагорной бесѣды, но зато превзошли пріѣзжихъ въ знаніи тропарей, кондаковъ, псалмовъ и другихъ богослужебныхъ пѣснопѣній. Послѣ Закона Божія экзаменовали по ариѳметикѣ. Задавать задачи попросили земскую учительницу; она согласилась и все время стояла у доски, гдѣ рѣшались письменныя задачи. Наблюдатель не любилъ письменныхъ задачъ; онъ предпочитаетъ рѣшеніе задачъ въ умѣ и при помощи русскихъ счетовъ. Поэтому, каждый ученикъ, рѣшивъ задачу, заданную учительницей, подзывается еще къ столу. Здѣсь наблюдатель даетъ ему свои „русскія“, какъ онъ говоритъ, задачи, относящіяся по своему содержанию къ сельскому хозяйству. Здѣсь же проверяется знаніе таблицы умноженія и таблицы мѣръ и вѣсовъ. Послѣ перерыва въ нѣсколько минутъ слѣдовали экзамены по церковно-славянскому чтенію и русскому языку. Ровно въ 5 часовъ окончились испытанія. Изъ 20 экзаменованныхъ 18 признаны заслуживающими льготнаго свидѣтельства. Всѣмъ имъ наблюдатель выдалъ по образочку, на память объ экза-

менѣ и о нашей школѣ, а лучшимъ, кромѣ того, даны были Евангелія.

Послѣ торжественно пропѣтой молитвы, комиссія ушла. Приѣзжіе ученики стали собираться домой. Ихъ законоучитель далъ имъ сколько-то копѣекъ, чтобъ они купили себѣ кренделей на дорогу. Они съ радостію побѣжали въ лавку. Вся комиссія у насъ отобѣдала. За обѣдомъ шелъ оживленный разговоръ объ экзаменѣ, о методахъ преподаванія, о недостаткахъ въ познаніяхъ учениковъ, о разныхъ затрудненіяхъ въ школьномъ дѣлѣ...

Слава Богу! Учебный годъ окончился.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

1 октября. Сегодня торжественно отслуженъ послѣ литургіи молебенъ съ водоосвященіемъ.—Цѣлый день такъ много дѣла, что буквально вздохнуть некогда. Со всѣхъ сторонъ везутъ учениковъ во второй классъ. Кромѣ записанныхъ ранѣе, во время ваката, приѣхали трое совсѣмъ неизвѣстныхъ, всѣ изъ разныхъ селъ. Между прочимъ, привезли одного изъ с. Ручима: горбатый и потому неспособный къ тяжелой работѣ. Онъ очень желаетъ выучиться хорошенько грамотѣ, чтобы учительскимъ трудомъ добывать себѣ кусокъ хлѣба.

Къ вечеру приѣхалъ дьячекъ Доримедонтовъ изъ Е. съ сыномъ. Мальчика можно принять въ старшее отдѣленіе перваго класса. Отцу желательно, чтобъ онъ приготовился у насъ въ первый классъ духовнаго училища.

Всѣ желаютъ опредѣлить своихъ дѣтей въ общежитіе. Каждому нужно сказать условія. А какъ ихъ скажешь, когда они еще не выяснены; въ сравненіи съ прошлымъ годомъ они измѣнятся частію оттого, что хлѣбъ сталъ дешевле, частію оттого, что число общежитниковъ увеличилось. Главная трудность при переговорахъ объ общежитіи заключается въ неодинаковости жела-

ній и требованій, предъявляемыхъ родителями. Одни, крестьяне,—особенно тѣ, которые уже въ прошломъ году содержали дѣтей,—настаиваютъ на томъ, чтобы мяса не было: дорого оно, да и дома ребята его со-всѣмъ не видятъ; другіе, слушая эти суровыя рѣчи вздыхаютъ и говорятъ: нельзя-ли давать и мясца: они, родители, лучше себѣ откажутъ въ чемъ-нибудь, лишь бы дѣти не лишались мяса и на чужой сторонѣ не тосковали о домѣ; третьи говорятъ: „наши къ чайку привыкли... скучать будутъ... „Извольте всѣхъ удоволь-творить! И не придумаемъ, что дѣлать. Все идетъ къ тому, что придется устроить двѣ столовыхъ: одну— чисто крестьянскую, какъ въ прошломъ году; другую— болѣе дорогую,—для избалованныхъ чаемъ и мясомъ. А какъ бы не хотѣлось допускать этого дѣленія!

2 октября. Суббота. Первый учебный день. Конечно, учились мало. Все больше усаживались въ новомъ гнѣздѣ. Оживленіе было такое же, какое бываетъ весной у галокъ, когда онѣ впервые выводятъ въ свѣтъ своихъ птенцовъ: кричатъ галки и шумятъ галчата. И у насъ отъ 8-ми до 2-хъ происходила кипучая работа: разставляли столы; скидывали съ потоло-ковъ щепки, не убранныя плотниками; сколачивали усохшіе потолки; а послѣ 12-ти младшіе отправились въ лѣсъ собирать сухіе листья, которыми мы засып-лемъ потолки, прежде чѣмъ таскать на нихъ землю.

Въ младшее отдѣленіе продолжаютъ приводить и сегодня: не можетъ русскій человѣкъ не опоздать... Много набралось въ школу и дѣвочекъ. Мы этого не ждали. Въ нынѣшнемъ году у хозяевъ уродилось много поскони,—мы думали, что матери засадятъ дочекъ прясть куделю. И дѣйствительно, нѣкоторыя матери,

ни за что не хотѣли отпускать дѣвочекъ въ школу, но тѣ ударились въ слезы и много ихъ пролили— зато и побѣдили: изъ прошлогоднихъ ученицъ не вы-было ни одной. Въ числѣ вновь принятыхъ—двѣ уже окончили курсъ въ земской школѣ. Онѣ просились было во второй классъ, но мы не принимаемъ пока дѣвочекъ во второй классъ. Тогда отцы стали про-сить, чтобы мы приняли ихъ въ старшее отдѣленіе перваго класса, на что мы и согласились.

3 октября. Воскресенье. Утреню и обѣдню пѣли мы своимъ хоромъ; пѣвчихъ я еще не разыскивалъ среди вновь поступившихъ. Опять взялись за работу: отдыхать пока некогда. Батюшка дѣлаетъ вѣшалку; вокругъ него толпятся ученики. Большихъ онъ заста-вляетъ строгать двуручнымъ рубанкомъ и вертѣть дыры, маленькіе держать ему брусъ, когда онъ отте-сываетъ его топоромъ. Всѣ помогаютъ,—кто дѣломъ, кто добрымъ словомъ... А главное—ребята полезны для посылокъ. Что готово,—несите ребята, въ школу. Что понадобилось,—отыщите, ребята, вотъ тутъ-то, сбѣгайте туда-то. Все исполняется мигомъ.

День ненастный, грязь. Бывшую школу, а нынѣш-нюю спальню общежитниковъ, сегодня вымыли, и „классныя дамы“ не даютъ мнѣ прохода; нуженъ поло-викъ—отирать грязныя ноги. Я далъ ребятамъ мочаль и заставилъ вить веревки, а потомъ далъ имъ пять ржаныхъ обмолотковъ, и они сами связали себѣ со-ломенный половикъ. Въ общежитіи чисто. Кабы всегда было такъ!

За ужиномъ было 11 человѣкъ. Всѣ веселы; только одинъ маленькій Доримедонтовъ ни съ того, ни съ сего началъ плакать. Ребята наперерывъ утѣшали его:

угощали, предлагали ему другую ложку, поменьше, покрасивѣе. Но онъ не унимался. Я не могъ добиться отъ него, о чемъ онъ плачетъ, и рѣшилъ: пускай поплачетъ—иногда можно слезами смыть горе. Вѣроятно, онъ уже соскучился по домѣ. Ему еще нѣтъ 10-ти лѣтъ,—самый младшій изъ общежитниковъ.

4—7 октября. Только теперь, въ четвергъ 7-го, явилась возможность удѣлить нѣсколько минутъ дневнику. Мы заняты такъ, что даже время за обѣдомъ и чаемъ не можемъ употребить на отдыхъ. Все время внѣ учебныхъ занятій уходитъ на приведеніе въ порядокъ школьныхъ помѣщеній. Въ понедѣльникъ 4-го весь день были заняты общежитіемъ, — устроивали кровати, вѣшалку, шкафъ для посуды и т. д. Мелкая, невидная работа, но отнимаетъ дорогое время. Досадно еще, что не найдемъ въ селѣ ни одного плотника: все должны дѣлать сами. На дняхъ о. законоучитель съ утра до вечера проработалъ на чердакѣ, сколачивалъ потолки и задѣлывалъ щели. Общежитіе растетъ къ каждымъ днемъ. Изъ вновь поступившихъ во второй классъ большинство пожелали жить въ общежитіи; только четверо поселились на квартирѣ у родственниковъ. Теперь у насъ кормится 23 человекъ, изъ коихъ 14 въ крестьянскомъ отдѣленіи, а 9—въ дорогомъ. Эти 9 будутъ вносить 3 р. 35 коп. въ мѣсяцъ и за это получаютъ: завтракъ, обѣдъ, вечерній чай и ужинъ. Въ скромные дни горячее съ мясомъ. Первые же 14 человекъ питаются тѣмъ же, кромѣ чая и мяса. Хозяйственныя заботы взяла на себя матушка,—наши „класныя дамы“ не дѣлаютъ безъ нея ни шагу. Я веду приходо-расходную книгу общежитія и счета учениковъ порознь. За обѣдомъ и ужи-

номъ мы обязательно присутствуемъ поочередно. Нужно за всѣмъ смотрѣть: хорошо ли приготовленъ обѣдъ, всѣ ли ѣдятъ,—нѣкоторые, пожалуй, останутся голодными.

Есть и еще забота.—Во вторникъ послѣ уроковъ подходитъ ко мнѣ чертковскій мальчикъ—Бѣлянинъ.

— П. П—чь,—говорить онъ твердымъ, дѣловымъ тономъ:—вы не будете чего-нибудь посылать въ Чертковку?

— Или кто туда ѣдетъ? спросилъ я.

Бѣлянинъ вдругъ зарыдалъ; слезы буквально ручьемъ полились по его щекамъ. Онъ вытиралъ ихъ то одной, то другой рукой и говорилъ всхлипывая:

— Я больно соскучился... У меня мать больна... Говорятъ... вонъ мужики, что — при смерти. Вотъ я ей письмо написалъ.

Я взялъ письмо; въ немъ онъ пишетъ матери: „Милая мама! я не успѣваю сушить платки отъ слезъ. Очень соскучился и плачу. Во вторникъ всѣ смѣны проплакалъ; уйду куда-нибудь и плачу. Пришли о себѣ вѣсточку. Я не найду покою“.

Къ счастью, въ тотъ же вечеръ чертковскій священникъ прислалъ къ намъ свою лошадь за учителемъ въ свою школу. Работникъ оказался дядей Бѣлянину. Мать прислала ему гостинцевъ: онъ всласть наговорился съ дядей; я и ночевать велѣлъ имъ вмѣстѣ у насъ на кухнѣ. Успокоился парень.

На другое утро, въ среду, идя на уроки въ школу, завернулъ я въ общежитіе, и вижу: у окна сидитъ и заливается слезами Володинъ, — аристовскій мальчикъ. Мимо школы утромъ проѣхалъ его отецъ на базаръ съ возами капусты; онъ увидалъ его въ

окно, и у него, вмѣсто радости, пришло на душу горе: онъ плакалъ по тому случаю, что отецъ опять къ вечеру уѣдетъ въ Аристовку, а онъ останется здѣсь. Я насилу могъ уговорить его идти на молитву. Въ смѣну, когда отецъ пришелъ къ нему прощаться, онъ тоже плакалъ горько, хотя и получилъ гостинецъ. Старшіе подтруниваютъ надъ „плаксами“; въ прошлый годъ у насъ меньше плакали.

8 октября. Во время большой смѣны подѣхалъ къ школѣ на хорошей лошади чадаевскій старикъ: осанистый, богато одѣтый, — по всему замѣтно, что *музъ*. Онъ привелъ въ школу внука, мальчика лѣтъ 13, и усиленно упрашивалъ принять его въ школу. Я поиспыталъ его. Читаетъ хорошо; и по арифметикѣ смекаетъ. Уступилъ убѣдительнымъ просьбамъ дѣда.

— А какъ жить-то ему прикажите? Мы было хотѣли помѣстить его на квартирѣ; онъ у насъ привыкъ къ чайку.

Я сказалъ, что чайкомъ можно и у насъ побаловать, и послалъ его къ матушкѣ для переговоровъ... Старикъ вскорѣ уѣхалъ, оставивъ внука въ общежитіи. Предъ его отѣздомъ вышелъ любопытный случай. Володинъ, который въ послѣдніе дни продолжалъ плакать и тосковать и не училъ уроковъ, сегодня утромъ отдалъ мнѣ книги и сказалъ, что не можетъ больше терпѣть и уйдетъ домой въ Аристовку. Я, конечно, на отрѣзъ отказалъ ему въ этомъ.— „Учиться мы тебя не принуждаемъ,—сказалъ я,—но отпустить тебя одного, пѣшкомъ за 25 верстъ, никакъ не возможно. Ступай съ Богомъ въ общежитіе, ѣшь свой хлѣбъ и дожидайся среды; тогда пріѣдетъ отецъ и возьметъ тебя съ собою“. Такъ и не

отпустилъ его, и онъ просидѣлъ два урока въ классѣ. Когда пріѣхалъ вышеупомянутый старикъ со внукомъ, мнѣ пришла мысль отправить съ нимъ Володина: ихъ села находятся недалеко другъ отъ друга. Старикъ съ удовольствіемъ согласился, когда я высказалъ ему свою просьбу. Я велѣлъ Володину собираться. Онъ побѣждалъ въ общежитіе. Но когда старикъ, окончивши свои дѣла, собрался ѣхать домой, Володина не оказалось въ наличности; исчезла и его сумка. Онъ ушелъ пѣшкомъ, потому что со старикомъ ему стыдно ѣхать.

Во время обѣда ребята сказали мнѣ:

— А вѣдь Володинъ-то былъ раскольникъ! Онъ никогда съ нами не молился передъ ѣдой, а молился раньше, своимъ крестомъ. Вчера онъ съ нами спорилъ о Никонѣ.

Каковъ мальчикъ!

9 октября. Крутая перемена въ погодѣ. Съ утра начало жестоко морозить при рѣзкомъ сѣверномъ вѣтрѣ. Въ школѣ стало такъ холодно, что нельзя писать, да и сидѣть—тоже, потому что у учениковъ зябнутъ ноги. Мы кое-какъ сдѣлали три урока и раздѣлившись на два отряда, отправились въ лѣсъ собирать листья для застилки потолковъ. Набрали три воза. Работа была хорошая и веселая, да, жаль, холодно, а одѣты не всѣ одинаково. Весь день работали. Вечеромъ при огнѣ мы забивали мохомъ съ паклей отверстія, оставленныя плотниками надъ верхними косяками оконъ въ виду осадки зданія.

11 октября. Опять весь день работа, таскали землю на школу. Въ первомъ и приготовительномъ классахъ занятій совсѣмъ не дѣлали, во второмъ рас-

тянули ихъ до самаго вечера: всѣ работали. Первоклассники принесли съ собой въ школу ведерки и лукошки вмѣсто сумокъ съ книгами. Неподалеку отъ школы старшіе лопатами раскапывали начинающую уже замерзать землю и разбивали комья. Маленькіе подходили къ нимъ съ лукошками и ведрами, которыя живо наполнялись землей. Сначала каждый ученикъ таскалъ свою посудину на потолокъ по лѣстницѣ, но потомъ мы устроили раздѣленіе труда: ученики посильнѣе были разставлены по лѣстницѣ на такомъ разстояніи, чтобы могли передавать другъ-другу ведро. Черезъ ихъ руки каждая посудина проходила снизу и до мѣста назначенія. Работа пошла въ полномъ порядкѣ и вдвое успѣшнѣе, потому что не было скучно, а, напротивъ, очень весело. Кромѣ учениковъ работало 6 человѣкъ поденщиковъ, которые таскали землю большою корзиной прямо съ земли по наклонной плоскости, для чего пришлось разобрать часть крыши. Вечеромъ, при огнѣ, вставляли зимнія рамы во 2 классѣ и въ приготовительномъ. Всѣ старшіе работали не покладая рукъ.

12 октября. Дождь и грязь. Но зато тепло, и мы занимались съ удвоеннымъ усердіемъ. Перемена погоды дурно отозвалась на здоровьи учениковъ. Вчера и позавчера захворали трое: все головная боль а у двоихъ сверхъ того — горло болитъ. Ужъ не дифтеритъ ли? Братъ съ своими дежурными фельдшерятами ходилъ къ нимъ на домъ, сдѣлалъ какую-то смазь въ горлѣ и на всякій случай произвелъ дезинфекцію. Заболѣвающіе общежитники имѣютъ обыкновеніе приходитъ къ намъ въ домъ. Здѣсь имъ покойно: они завладѣваютъ печкой, сюда имъ при-

носятъ лѣкарства, здѣсь же они получаютъ чай или мяту. Слава Богу! двое пролежали только по одному дню и пошли въ классъ.

13 октября. Самое любопытное въ теченіе дня — прїѣздъ отца сбѣжавшаго ученика Володина. Онъ положительно пораженъ горемъ: парень отбился отъ рукъ.

— Я инда обомлѣлъ, какъ онъ взошелъ въ избу... Эхъ, думаю, что-нибудь неладно. Что-нибудь онъ набѣдилъ... Я первымъ долгомъ спросилъ: гдѣ у тебя письменное предписаніе отъ учителя?

— Нѣтъ! говорить, я такъ ушелъ, тоска на меня напала.

— Ну, ужъ тутъ я его, признаться наказалъ... и больно-таки постегалъ... кнутомъ. Ничего не дѣйствуетъ; и уговаривать пытали, и такъ, и сякъ — не дается. Я сказалъ, что опять отведу силой. А онъ матери тихонько отъ меня говоритъ: если, говоритъ, отвезутъ, то чтобъ не считали меня за живого... Ну, ничего не сдѣлаешь: видно, лукавый его кругомъ опуталъ...

Но мужикъ все-таки не унялся и привезъ другого, старшаго сына, тоже окончившаго курсъ одноклассной школы. Парень 17 лѣтъ. — Долго я не рѣшался принимать его. И поздно, и парень ужъ поздній. Но отецъ побѣдилъ меня своимъ искреннимъ и непреклоннымъ желаніемъ дать образованіе сыновьямъ. Такіе отцы еще очень большая рѣдкость въ нашемъ крестьянствѣ. Парень, повидимому все позабылъ. Но беретъ за дѣло съ задоромъ. Какъ только я сказалъ, что согласенъ взять его, на его доселѣ невыразительномъ лицѣ тотчасъ же появилось то выраженіе без-

покойства и озабоченности, которое придает большую осмысленность лицам учащих дѣтей. Я приставилъ къ новопринятому руководителю изъ старшаго отдѣленія, чтобы они въ свободное время повторили съ нимъ ариѳметику и правила правописанія.

15 октября. Весь день были заняты устройствомъ кроватей для общежитниковъ. Во время смѣны строгали доски и долбили въ стѣнахъ отверстія для перекладинъ. Къ вечеру окончили двухъ-ярусныя койки для 8 человѣкъ; да еще одинъ ученикъ привезъ кровать на двоихъ. Такимъ образомъ, десять человѣкъ обезпечены ночлегомъ.

16 октября. Послѣ третьяго урока я промедлилъ минутъ пять во второмъ классѣ послѣ звонка. У содѣвшихъ съ моимъ 2 классомъ малышей урокъ окончился. У нихъ было шумно, у насъ тихо. Вдругъ растворяются двери, и человѣкъ пять запыхавшіеся, вбѣгаютъ къ намъ и, задыхаясь отъ волненія, кричатъ мнѣ:

— П. П—чь! У насъ мыши!

Я встаю и иду: что у нихъ тамъ такое?... А у нихъ за дверью свалка: человѣкъ двадцать ловятъ по классу мышь. И вѣдь поймали! И побѣдоносно поднесли ко мнѣ, полумертвую... И грѣхъ, и смѣхъ.

17 октября. Во время утрени пѣли ирмосы 5-го гласа въ переложеніи Архангельскаго. Мелодія ирмосовъ—обычная, малаго столпового распѣва, повсюду употребляемая въ нашей мѣстности. Въ переложеніи Архангельскаго мелодія эта сохранена неприкосновенною и ярко выдѣляется изъ сопровождавшихъ ее голосовъ. Этимъ отличаются всѣ вообще переложенія этого автора, и потому они намъ такъ нравятся. Ли-

тургія сегодня торжественная по случаю царскаго дня.

25 октября. Очень хотѣлось мнѣ вести свой дневникъ правильно, т. е. ежедневно. Но оказалось, что въ нынѣшнемъ году это совсѣмъ невозможно: некогда. Въ своей жизни я никогда еще, кажется, не былъ занятъ такъ всецѣло, какъ теперь. Очень много труда и времени уходитъ на устройство школы: вездѣ недочеты и прорѣхи. Тутъ дуетъ, тамъ грязно, тамъ угарно; дворъ не загороженъ, дорожка не вымощена и на ней невозможная грязь; нѣтъ половиковъ, вѣшалокъ на всѣхъ не хватаетъ,—одежда валяется на полу; въ общежитіи русская печь не годится,—кушанье къ ужину остываетъ,—нужно переложить ее; на вечернихъ занятіяхъ мало свѣту, нужна новая лампа—и такъ далѣе,—безъ конца эти хозяйственныя нужды. Хотѣли было мы осенью заняться посадкою деревьевъ, но рукъ не хватаетъ. Успѣли только посадить три грядки акаціи вдоль забора... Каждый день, лишь только пообедаешь, около 4 часовъ,—тотчасъ же бѣжишь въ школу; но только успѣешь начать работу,—уже ночь. Зажигаютъ огни, и начинаются вечернія занятія. Вечеромъ едва успѣваешь просмотрѣть диктовки, нотныя тетради и другія работы и что-нибудь приготовить къ слѣдующему дню. Тутъ не до дневника...

30 октября. Слава Богу! Школа наша, повидимому, входитъ въ силу. Радостно глядѣть на нее,—какъ на посаженное дерево, которое „принялось“. Ребята веселы, заботливы; нѣтъ скучающихъ, нѣтъ отчаянныхъ и мало лѣнивыхъ. Особенно радуютъ старшіе второклассники. На нихъ возложили мы бремена

тяжкія: они изучаютъ Катихизисъ (пространный), Историю Церкви и, кромѣ того, знакомятся съ обличеніемъ раскола, котораго у насъ кругомъ не мало. Мы ввели этотъ предметъ въ видѣ опыта,—будетъ ли онъ по силамъ и по вкусу нашимъ питомцамъ? Оказалось, что они,—какъ и всѣ, впрочемъ, грамотные крестьяне,—способны даже увлекаться этой наукой, и взялись всѣ съ большимъ рвеніемъ. Имъ очень нравится обращеніе съ старопечатными книгами, подыскиванье цитатъ, сравниванье старопечатнаго съ исправленнымъ текстомъ. Вчера вечеромъ батюшка принесъ имъ на критику рукопись—*Толковый Апокалипсисъ въ лицахъ*. Они свѣряли его *сущее*, т. е. текстъ, съ текстомъ подлинника и воочию убѣждались, до какой степени невѣжественные переписчики могутъ исказить даже священный текстъ, не говоря уже о толкованіи, въ которомъ не доищешься смысла человѣческаго.

Но самое важное и отвѣтственное дѣло, которое мы возложили на старшихъ второклассниковъ — это занятія въ школѣ грамоты, и въ приготовительномъ классѣ. На этой недѣлѣ мы начали поручать имъ самостоятельное веденіе уроковъ по грамотѣ и счисленію. Кромѣ того, въ послѣобѣденные часы они преподають грамоту отстающимъ и слабымъ ученикамъ. Этихъ послѣднихъ они для удобства подѣлили между собою по жребію,—по ученику на брата. Тотчасъ послѣ обѣда каждый садится съ своимъ за отдѣльный столъ, и начинается ученье по букварю и разрѣзной азбукѣ. Я всегда съ наслажденьемъ смотрю на эту работу. Каждый бьется съ своимъ ученикомъ и прикладываетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы вложить книжную премудрость въ его голову. Всего отраднѣе

то, что эта, въ сущности невеселая, работа исполняется съ любовью и къ дѣлу, и къ маленькимъ собратьямъ. Послѣ отпуска, „учителя“ дѣлятся между собою впечатлѣніями.

— Слава Богу! восклицаетъ одинъ;— мой начинаетъ понимать. Вчера ничего не могъ слить, а нынче ужъ три слова прочиталъ.

— А мой ужъ и собирать слова изъ буквъ можетъ.

— Нѣтъ, я про своего такъ штуку нынче узналъ,— говоритъ третій: *онъ стоя лучше смекаетъ*. Самъ и сказалъ мнѣ: погоди,— говоритъ,— я встану. Такъ весь часъ и простоялъ. И узнать его нельзя; вчера мнѣ говорилъ, что онъ дома все плачетъ: трудно кажется учиться. А сегодня весель.

— Эхъ, только моя бѣда,— грустно восклицаетъ Порфирій Меркурьевъ: хуже моего ни у кого нѣтъ. Другой хоть совреть, а мой... все какъ будто спить.

Дѣйствительно, ему достался удивительной тупости мальчикъ.

Есть и еще одинъ, замѣчательный по крайней разсѣянности. Ничѣмъ не могутъ его сосредоточить на одномъ предметѣ. Недавно братъ оставилъ его въ классѣ одного на полчаса, съ цѣлію испытать: не соберется ли онъ съ мыслями, оставшись на-единѣ самъ съ собою. Черезъ нѣсколько времени, желая посмотреть, что дѣлаетъ онъ въ пустомъ классѣ, братъ отворилъ дверь, и видитъ его стоящимъ предъ иконою и усердно молящимся. Когда онъ пересталъ молиться, братъ подошелъ и спросилъ его:

— О чемъ это ты молишься?

— Чтобъ Богъ ученья далъ! отвѣтилъ тотъ.

Эта ли молитва къ Богу не дойдетъ!

1 ноября. Въ городскихъ, а также и въ богато обставленныхъ сельскихъ школахъ и общежитіяхъ ученикамъ совсѣмъ чужды хозяйственныя нужды заведенія; мелкія невидныя хлопоты по благоустройству школьнаго дома и обстановки ихъ не касаются. Входя въ классъ впервые послѣ каникулъ, они видятъ новую или подновленную мебель, выкрашенные полы, побѣленные стѣны, развѣшанныя карты и картины, размѣщенные въ должномъ порядкѣ учебныя пособія. Все на мѣстѣ, все готово. И потомъ въ продолженіе всего учебнаго года хозяйственный порядокъ въ школѣ поддерживается помимо участія учениковъ. Сторожъ подмететъ и вымоетъ полы, протопить печи, принесетъ воды для питья, приготовитъ мѣлъ и губку, вставить и выставитъ зимнія рамы и т. д. Учитель или попечитель школы расплачивается за случайныя и постоянныя услуги и работы. Дѣло учениковъ—сѣсть и учиться.

Въ нашей школѣ установилось иное положеніе дѣла. У насъ нѣтъ опредѣленной суммы на хозяйственныя нужды, а потому все до послѣдняго гвоздя мы должны обезпечить своими домашними способами. Школьное хозяйство по необходимости сливается съ нашимъ домашнимъ хозяйствомъ, особенно тогда, когда дѣло касается общежитія. Вслѣдствіе этого же и ученики со дня поступленія своего въ школу причаются смотрѣть на школу, какъ на свое родное гнѣздо. Принимая ученика въ школу, мы выговариваемъ съ отца возъ дровъ. Отцы и дѣти, такимъ образомъ, сразу узнаютъ, что школа нуждается въ чужой помощи, и когда они привезутъ къ школѣ свой возъ

дровъ, то почувствуютъ, что школа стала къ нимъ ближе: они вложили въ нее свою работу. Въ продолженіе ученія школа не перестаетъ вызывать учениковъ на участіе въ ея нуждахъ, и чѣмъ больше они для нея дѣлаютъ, тѣмъ милѣе она для нихъ становится, такъ что, когда приходитъ время разставаться съ нею, они почувствуютъ горе.

У насъ нѣтъ сторожа. Всѣ его обязанности исполняются учениками дежурными. Дежурство установлено двоякаго рода: есть дежурные *по классу* и дежурные *по общежитію*. Классный дежурный (ихъ ежедневно три, въ каждомъ классѣ свой) долженъ придти въ классъ раньше всѣхъ. Онъ подметаетъ полы до начала уроковъ и во время большой перемены приноситъ воду для питья, приноситъ съ собою мѣлъ, вытираетъ доску и вообще отвѣчаетъ за чистоту въ классѣ. Дежурный по общежитію назначается изъ числа общежитниковъ. Онъ долженъ подмести классъ послѣ уроковъ, принести дровъ и протопить печи; онъ же исполняетъ разныя случайныя порученія учителей, касающіяся общежитія; во время обѣда и ужина онъ—за старшаго, т. е. „всѣмъ слуга“.

Въ ежедневномъ теченіи школьной жизни нашей, не учебной, а хозяйственной и бытовой, всѣ ученики принимаютъ дѣятельное участіе. Кромѣ должности дежурнаго по общежитію, въ которой должны побывать всѣ общежитники, у насъ много и другихъ постоянныхъ должностей, къ которымъ приставлены ученики старшаго отдѣленія. Эти должности, или, вѣрнѣе, „послушанія“, слѣдующія: одинъ завѣдуетъ *библиотеками*—учебной, ученической и миссіонерской противораскольнической. Я научилъ его само-

стоятельно вести каталоги библиотекъ. По сложности и значительности письменной работы, библиотечарю назначенъ помощникъ изъ младшаго отдѣленія.— Ближе всѣхъ къ библиотечарю стоитъ *переплетчикъ*. У него на рукахъ весь переплетный инструментъ и материалы. Его обязанности: переплестать всякую новую книжку, подклеивать листочки у старыхъ, смотрѣть за стѣнными картами и картинами. Переплетчику помогаютъ любители переплетнаго дѣла.— Грегій завѣдуетъ школьными *нотами* и вообще хоровымъ дѣломъ. Онъ долженъ приготовить и принести для спѣвокъ и въ церковь всѣ нужныя ноты, у него ключъ отъ нотной библиотеки.— Четвертый—*канонархъ*. Въ понедѣльникъ каждой недѣли онъ спрашиваетъ меня, кому читать въ слѣдующее воскресенье въ церкви. Я назначаю: кому—„Сподоби, Господи“, кому—шестопсалміе, кому—канонъ, кому—часы и т. д. Онъ всѣхъ записываетъ и въ продолженіе недѣли напоминаетъ назначеннымъ, чтобы готовились. Въ субботу всѣ являются ко мнѣ прослушаться. Въ церкви канонархъ, какъ тѣнь, скользитъ между рядами и тихо выдвигаетъ потребныхъ ему людей на мѣсто, гдѣ долженъ стоять чтець. Во время чтенія онъ стоитъ неотлучно около чтеца, предупреждая всякое замѣшательство.— Есть еще маленькая должность—*хранителя митрофона*. Этотъ ученикъ долженъ хранить митрофонъ, надѣвать на него футляръ, предохраняющій отъ пыли и шалуновъ-музыкантовъ и снимать этотъ футляръ, когда митрофонъ нуженъ.

Болѣе хозяйственнаго свойства должности суть: продавецъ бумаги, перьевъ, карандашей и т. д. Для каждаго учителя обязанность вести порядокъ въ этомъ дѣлѣ—

величайшая трудность. Я такъ никогда и не могъ аккуратно вести запись поступленій денегъ, долговъ и расхода на товаръ. Теперь же мой приказчикъ записываетъ все до грифеля и копѣйки, и еженедѣльно отдаетъ мнѣ отчетъ. У него помощникъ.—*Завѣдующій освещеніемъ школы*. У него на рукахъ: лампы, керосинъ, спички, щетки и тряпки для чистки стеколъ. Онъ знаетъ время, когда зажигать и когда гасить огни. Должность отвѣтственная.—*Завѣдующій „теченіемъ времени“*: онъ заводитъ часы, провѣряетъ ихъ. Кроме того, у него на рукахъ термометръ. Трижды въ день онъ наблюдаетъ температуру на воздухѣ и записываетъ въ свою тетрадь температуру, направленіе вѣтра и состояніе погоды. Ежедневно онъ выводитъ среднюю за день температуру и сообразно съ ней чертитъ въ особой таблицѣ „кривую температуры“.—*Наконецъ*, есть еще должность помощника моего брата по лѣкарской части. При нашей школѣ есть аптечка, и мой братъ—учитель занимается лѣченіемъ. Онъ сталъ заниматься медициной во время двухлѣтней болѣзни нашей матери, и занятія эти оказались для него плодотворными. Теперь у него полная аптека и правильный пріемъ больныхъ съ записью ихъ, которая за прошедшій годъ показываетъ свыше 1,000 больныхъ, какъ мѣстныхъ, такъ и пріѣзжавшихъ со стороны, иногда верстъ за 50 и болѣе. Съ каждымъ мѣсяцемъ молва о немъ распространяется все дальше, чему онъ и самъ не радъ, потому что не имѣетъ права лѣчить, какъ самоучка. Впрочемъ, мѣстный земскій врачъ, нашъ попечитель, удивившись въ его дѣйствительныхъ (относительно разумѣется) познаніяхъ, охотно помогаетъ ему лѣкар-

ствами изъ земской аптеки. Понятно, до какой степени эта сторона въ нашей дѣятельности возвышаетъ нашу школу, и насколько аптека и свѣдущій въ медицинѣ учитель драгоценны для самой школы. Заболѣвшій ученикъ у насъ пользуется всѣми средствами къ выздоровленію. Но братъ, конечно, не могъ бы одинъ сладить съ аптекой и съ массой больныхъ, если бы не имѣлъ помощниковъ себѣ изъ учениковъ. Старшій изъ этихъ помощниковъ знаетъ уже всѣ лѣкарства, умѣетъ взвѣсить, составить порошокъ и т. п., а главное, — дорогъ тѣмъ, что онъ мордвинъ и превосходно объясняетъ больнымъ единоплеменникамъ и особенно единоплеменницамъ способы употребленія лѣкарствъ.

Можно себѣ представить, до какой степени естественно, а не искусственно сложился весь описанный порядокъ школьной жизни. Всѣ почти перечисленные „должности“ не придуманы — только чтобы занять учениковъ: это было бы и непедагогично, — а прямо вызваны потребностями школьнаго быта. И ученики относятся каждый къ своему послушанію съ большимъ стараніемъ. Имъ нравится то, что они служатъ поддержанію строя и красоты въ томъ дѣлѣ, которому они много обязаны.

9 ноября. Въ селѣ по случаю престольнаго праздника идетъ гулянье, т. е. пьянство, пѣсни и драки. Мы съ своей школой еще не настолько окрѣпли, чтобы противодѣйствовать такому провозженію праздничныхъ дней. Въ нашемъ распоряженіи пока только самые малые.

10 ноября. Въ селѣ еще праздникъ, но въ школѣ — ученье. Впрочемъ, праздникъ сдѣлалъ свое:

23 ученика не явились въ школу. Послѣ обѣда ихъ позвали для объясненія. Оказалось, что всѣхъ задержали дома отцы; у всѣхъ были гости, и, въ то время, какъ они гуляли, ребята должны были смотрѣть за ихъ лошадьми да и за своей скотиной.

13 ноября. Суббота. Баня. — Въ баню мы пускаемъ впередъ учениковъ, потомъ идемъ уже сами: они любятъ пожарче. Вездѣ нуженъ надзоръ. Также и въ банѣ. Сегодня пошелъ я посмотрѣть, какъ моются. И уже издали вижу: Иванъ Меньшовъ торопливо раздѣвается, не входя въ предбанникъ. Снялъ шубенку и бросилъ на снѣгъ, рубашку — туда же, чулки и сапоги — туда же. Прихожу и говорю: „что же ты не раздѣлся въ предбанникѣ? Какъ теперь надѣнешь на себя все холодное?“ А онъ отвѣчаетъ: „послѣ бани — ничего: самъ горячій, одежда холодная — сразу хорошо будетъ. Мы дома всегда этакъ!“

14 ноября. Воскресенье. Царскій день. Заговѣнье. Въ общежитіи у нашихъ экономокъ много хлопотъ. Хочется, чтобы ученики на чужой сторонѣ не вздыхали о домашнемъ заговѣннѣ. Къ обѣду пекли пироги, блины молочные; а къ ужину отъ насъ послали молока вволю. Всѣ ребята очень довольны заговѣньемъ. Многія заговѣлись несомнѣнно лучше домашняго.

Къ ученику Ш. сегодня пріѣзжали отецъ съ матерью (та самая, которая въ прошломъ году не отпускала сына учиться подъ угрозой проклятія). Они привезли сыну — полакомиться для заговѣнья — свою мордовскую стряпню, такъ называемую *пряку*. Это простая ржаная лепешка, на которую сверху намазанъ слой толченаго картофеля.

Ш. состоитъ у насъ при школьной аптекъ, помощникомъ брата, который занимается лѣченіемъ. Онъ особенно полезенъ при аптекъ тѣмъ, что приходящимъ больнымъ мордвамъ разъясняетъ *по-мордовски*, какъ принимать лѣкарство и какую соблюдать діету. Недавно изъ ихъ деревни пріѣзжалъ мордвинъ, его крестный отецъ. Ш. отпускалъ ему лѣкарства. Крестный пріѣхалъ домой и хвалитъ крестника: „Эхъ парень-то сталъ у насъ Ванька! любо глядѣть! Всѣ лѣкарства знаетъ!“ Мать этого ученика сегодня и пріѣхала съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на сына, кстати и самой ей нужно полѣчиться. Сидя въ пріемной, она пристально осматривала кругомъ себя всю комнату и что-то говорила по-мордовски. Братъ сказалъ Ш., чтобы онъ перевелъ намъ ея слова. Онъ перевелъ ихъ такъ: „она говоритъ: Эхъ, Ванька! ты въ раю живешь... Когда бы такого житья нажилъ? А я, дура, въ прошломъ году тебя не пускала учиться...“

— То-то и есть! сказалъ Ш., обращаясь къ матери.

Онъ рассказываетъ, что и теперь, во время своихъ побывокъ дома, онъ терпитъ гоненіе отъ родныхъ, особенно отъ дяди, и если бы не отецъ, то ему не быть бы въ школѣ. Теперь, слава Богу, мать примирилась, — очевидно, она замѣтила въ сынѣ перемѣну къ лучшему. Прощаясь съ нами сегодня, она говорила: „онъ (т. е. сынъ) у насъ совсѣмъ другой сталъ, отсталъ отъ народа, ни съ кѣмъ не дружится. А вѣдь былъ первый озорникъ и гармонщикъ. А теперь, какъ придетъ отъ васъ, *разуется*—и за книжку, ничѣмъ, ничѣмъ его не вытащутъ на улицу“.

16 ноября. На дворѣ холодъ, а у насъ въ школѣ

тепло. Не дуетъ въ щели стѣнъ и половъ. Мы сначала дивились этому, но потомъ оказалось, что это снѣгомъ залѣпило всѣ щелки, и наша школа стала какъ бы оштукатуренная. Мы зимы боялись, а вотъ выходитъ, что зима для насъ теплѣе осени.

Вечеромъ совершенно неожиданно получаемъ письмо изъ Петербурга, отъ В. И. Ш. Онъ сообщаетъ, что К. П. П. — выслалъ намъ *сто* рублей на наши безчисленныя нужды... Отецъ до того взволнованъ этимъ письмомъ и этимъ благодареніемъ, что мы его въ продолженіе часа не могли усадить на мѣсто: онъ все бѣгалъ по комнатѣ. „Да, ваша правда!“ — все говорилъ онъ. Наша правда состоитъ вотъ въ чемъ: мы часто говоримъ ему, что церковно-приходскія школы живы „слезами, пощеніемъ, бдѣніемъ и неуспною молитвою“. А онъ намъ на это возражаетъ: „такъ-то такъ, но все-таки, гдѣ же взять дровъ, керосину, столовъ, скамей и такъ далѣе“. Сегодня мы торжествуемъ. Мы вспомнили рассказъ о томъ, въ какой скудости начиналась преславная обитель преподобнаго Сергія: не было восковыхъ свѣчъ, не было елея для лампадъ, ладана для кажденія, пшеницы для просфоръ. Но велика была вѣра преподобнаго Сергія въ святость дѣла, — и вѣра эта все побѣдила. При богослуженіи зажигали березовую и сосновую лучину и при такомъ освѣщеніи совершали утреню; книги писались „не на хартіяхъ, а на берестахъ“. Когда, однажды, братія, послѣ долгаго голоданія, стала роптать говоря: „мы умираемъ: ты не дозволяешь ходить за милостынею; но завтра пойдемъ отсюда и болѣе не возвратимся“, тогда преподобный сказалъ имъ: „сегодня вы терпите оскудѣ-

ніе хлѣба и недостатокъ всякой пищи, а завтра— Богъ пошлетъ—вы будете имѣть въ изобиліи питье и пищу. Вѣрую, что Господь не оставитъ живущихъ на этомъ мѣстѣ.— „Будемъ подвизаться, не ослабѣвая!“—сказалъ онъ имъ, когда въ тотъ же день чудеснымъ образомъ обитель въ изобиліи снабжена была хлѣбомъ.

Великое дѣло народнаго просвѣщенія подъ сѣнію Церкви начинается у насъ въ большой скудости. Въ иныхъ школахъ не хватаетъ книгъ, въ другихъ—плохо помѣщеніе, инья нуждаются въ отопленіи, другія не имѣютъ классныхъ столовъ. Но что же? Неужели поэтому нужно бросить дѣло? Нѣтъ! Самая эта скудость есть уже залогъ будущей славы, ибо великія дѣла всегда начинаются *вмалѣ*. „Царство небесное подобно зерну горчичному, которое, хотя меньше всѣхъ сѣмянъ, но когда вырастетъ, бываетъ больше всѣхъ злаковъ и становится деревомъ, такъ что прилетаютъ птицы небесныя и укрываются въ вѣтвяхъ его“. Нужно только, чтобы сохранялась вѣра въ святое дѣло. Вѣра переставляетъ горы,—тѣмъ болѣе она побѣдитъ временную скудость и всѣ внѣшнія препятствія. „*Сія есть побѣда, побѣдившая міръ—вѣра наша*“.

17 ноября. Сегодня старикъ Оедулаевъ принесъ ко мнѣ въ школу письмо отъ сына-солдата, служащаго военнымъ писаремъ въ Чарджуѣ. Въ письмѣ встрѣтились очень любопытныя строки, которыя я тотчасъ же и прочиталъ въ классѣ второкласникамъ. Вотъ что пишетъ солдатъ:

„Братка Ефремъ и Ефимъ, дѣтей своихъ какъ можно учите грамотѣ и учите, не какъ меня учили, а

старайтесь довести до дѣла, чтобы сдали экзамены, а то на службѣ ужасно трудно малограмотному человеку, въ особенности я поломалъ своей головы много, а почему? потому что я не зналъ никакихъ правилъ. Вы и сами знаете, что я ариметику совершенно не зналъ никакихъ правилъ“.

18 ноября. Кто-то изъ вновь принятыхъ во второй классъ искусно дѣлаетъ „гармоньи“ изъ бумаги. Гармонья, конечно, не издаетъ звука и только своими складками напоминаетъ настоящую гармонию. Особенно много расплодилось этихъ игрушекъ въ приготовительномъ классѣ; нѣкоторые и во время урока не могли утерпѣть, чтобы не „поиграть“. На дняхъ я потребовалъ всѣ гармоньи себѣ и сказалъ, чтобы въ классѣ не носили никакихъ игрушекъ, кромѣ мячика.

Сегодня, лишь только я прихожу въ приготовительный классъ, какъ „дежурный“ докладываетъ мнѣ, что у Дуярки въ столѣ „кукленокъ“. Дѣвочка была сконфужена, но, подавая мнѣ кукленка, сказала оправдываясь, что это у нея старый кукленокъ, что онъ былъ зашитъ въ мячикъ, но мячикъ вдругъ располся, и изъ него высвободился опять кукленокъ.

Рядомъ съ обладательницей надѣлавшаго столько шуму кукленка сидитъ маленькая дѣвочка-младенецъ, которую мы и приняли только потому, что она пролила потоки слезъ: такъ хотѣлось ей учиться. Я спросилъ ее:

- А у тебя есть куклы?
- Нѣтъ, сказала она твердо.
- А дома? Развѣ ты не играешь въ куклы?
- Нѣтъ! отвѣчала она и потомъ, видимо оживив-

шись, прибавила: у меня были, да я ихъ ихъ „разорила“,—стала учиться, такъ и разорила!

Стоявшій тутъ крестьянинъ М. В. Меркурьевъ пришелъ въ умиленіе отъ неожиданныхъ словъ малютки. А мнѣ вдругъ пришелъ въ голову рассказъ лѣтописца о томъ, какъ разорены были кievскіе идолы послѣ крещенія народа, и что потомъ было сдѣлано:

„Яко прииде, повеле кумиры исправерши, овы осѣчи, а другія огневи предати... И пославъ, нача поимати нарочито чади дѣти и даяти нача на ученье книжное. Матери же чадъ сихъ плакахуся на нихъ: еще бо бяху ся не утвердили вѣрою, но аки по мертвецу плакаху. Симъ же раздаяномъ на ученье книгамъ, сбьстся пророчество на русской землѣ, глаголющее: „во дніе оны услышатъ глушіи словеса книжная и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ“. Си бо не слышали преди словесе книжнаго, но по Божію строю и по милости Своей помилова Богъ“.

19 ноября. Тяжелый день. Трое изъ общежитниковъ захворали вдругъ очень сильно. Двое говорятъ, что они угорѣли. Но странно, почему изъ всего класса только они двое угорѣли. Третій заболѣлъ опасно. У него весь день болѣла голова и его лѣчили антифебриномъ; но къ вечеру начались жестокія схватки въ желудкѣ, такъ что онъ только шепталъ: „подпоящите меня,—умираю!“ Мы страшно напугались, и всѣ поспѣшили въ общежитіе. Багюшка пришелъ съ требникомъ, чтобы исповѣдать больного; матушка — съ чаемъ и мятой; братъ съ своими медикаментами. На исповѣди больной сказалъ, что это бываетъ съ нимъ нерѣдко. Тутъ у насъ немного отлегло отъ сердца. Братъ далъ ему *Magisterium bismuthi*. Къ

ужину припадки стали легче, такъ что больной въ состояніи былъ переташиться къ намъ ночевать. Какая жалость: парень этотъ — братъ того мальчика-раскольника, который сбѣжалъ отъ насъ. Вѣроятно, и этотъ не докончитъ ученья...

21 ноября. Приходила къ матушкѣ мать второклассника Е. и все рассказывала ей „по душѣ“, какихъ хлопотъ ей стоитъ содержаніе сына въ нашемъ общежитіи. „Отецъ ничего бы, да его сбиваетъ зять: говоритъ—дорого больно вамъ стоитъ содержать его“. А я ему говорю: ты молчи, не твое дѣло, не ты платишь деньги... Тебя ежели привести въ поле да показать: вотъ загонъ хорошій, а вотъ—тереккомъ-тереби,—ты который загонъ станешь жать? Небось хорошій? Ну, и меня не учи, я тоже хорошій загонъ хочу жать, а ты тереби руками, коль тебѣ охота. Я холстишко продамъ, да за Ефимку заплачу“. Она внесла за сына два рубля, при чемъ рассказала и исторію этихъ денегъ: когда-то, въ прошлое лѣто, мужикъ-сосѣдъ ее обругалъ и даже ударилъ. Она хотѣла судиться, но мужикъ сталъ просить у нея прощенія, „въ ногахъ валялся“; „я и говорю ему: „что мнѣ пользы-то, что ты кланяешься. Ты лучше дай мнѣ трешенку (3 рубля), и Богъ тебя проститъ“. Мужикъ сталъ торговаться, и согласились на двухъ рублѣхъ, которые теперь попали въ школьную кассу.

27 ноября. Сегодня одна вдовая матушка привезла къ намъ свою дочку, съ просьбою принять ее въ школу, чтобы она приготовилась за эту зиму въ духовное училище. Мы не отказали. Теперь у насъ составляетъ особая группа учениковъ: приготовляющіеся въ городскія духовныя школы. Дай Богъ, чтобы

и въ этомъ отношеніи школа наша служила Церкви и людямъ.

28 ноября. Въ младшемъ (приготовительномъ) отдѣленіи у насъ есть братъ съ сестрой—Грылевы. Они оставлены въ этомъ отдѣленіи на повторительный курсъ, потому что въ прошломъ году не научились читать какъ слѣдуетъ,—отстали отъ другихъ по малолѣтству. Сегодня во время обѣда мнѣ говорятъ: „къ вамъ ученики пришли“.

Выхожу въ кухню: они стоятъ, переминаются, глядятъ въ землю; братъ вертитъ въ рукахъ шапченку, сестра тербитъ кончики своего платка.

— Вы что?—спрашиваю я.

— Книжки... Поповы... намъ дайте!

— Какія вамъ книжки? — спрашиваю я, не понимая въ чемъ дѣло.

Мои ребята вдругъ разрыдались, и сквозь слезы и всхлипыванья, то одинъ, то другая, то оба вмѣстѣ передали мнѣ слѣдующее:

— Насъ тятенька домой не пускаетъ... Не пуцу, говоритъ, если вамъ не дадутъ другія книжки... Люди-то давно ужъ по Поповымъ читаютъ, а вы, говорятъ, все на букварѣ... Вотъ нынче мы пришли, а онъ насъ не пускаетъ въ ворота...

Бѣдныя дѣти казались дѣйствительно безпріютными изгнанниками. На нихъ были надѣты школьныя сумочки; пальцы у нихъ были вымараны въ чернилахъ; мальчикъ держалъ въ рукахъ чернильницу. Такъ мило они показались мнѣ въ этомъ видѣ!

Разказавъ свое горе, они продолжали всхлипать. Насилу я утѣшилъ ихъ обѣщаніемъ завтра же

выдать имъ книги Попова и заступиться за нихъ предъ отцомъ. Корень ученія горекъ!

10 декабря. Декабрь—самый учебный мѣсяцъ. Ученики привыкли къ школѣ, позабыли о домѣ, не скучаютъ и учатся вплотную. Даже взрослые и окончившіе курсъ, съ наступленіемъ настоящей зимы и съ окончаніемъ различныхъ работъ, приготовительныхъ къ зимѣ, имѣютъ возможность взяться за книгу.

Вчера приходила къ намъ старуха, мать церковнаго старосты. У нея два внука; одинъ окончилъ уже курсъ, другой учится первую зиму.

— Что у васъ Ефимъ подѣлываетъ?—спросилъ я про старшаго.

— Все читаетъ. Такая у него охота читать — страсть! А вотъ эти дни все „ноты сочиняетъ“ да поетъ. А малый-то все хвалится: у меня, говоритъ онъ старшему брату, голосъ то *дольше* твоего. Давай, кто кого переганетъ!... Тоже и у этого охота. Какъ придетъ, такъ сейчасъ и за уроки. Съ улицы кричатъ: Лёнька, иди въ дубинки играть! А онъ: нѣтъ, говоритъ, намъ учителя не приказываютъ, ни за что не пойду.

Братъ рассказывалъ, что сегодня къ нему въ аптеку приходилъ мордвинъ изъ Собакина полѣчиться отъ кашля. Ему дали порошокъ и спросили за это восемь копѣекъ. Мордвинъ далъ рублевку. Но сдачи въ аптеку не оказалось.

— Ну, и не надо, сказалъ мордвинъ. Больно хорошо вы поете! Еще въ Лаврѣ развѣ такъ-то поютъ!

Мордвинъ этотъ былъ у насъ у обѣдни на Николу (9-го декабря). Въ этотъ день, по случаю тезоименитства Наслѣдника Цесаревича, богослуженіе

совершалось съ особеннымъ торжествомъ. А послѣ обѣдни былъ обычный въ царскіе дни школьный парадъ. Школьники, выстроившись противъ школьнаго фасада, пропѣли гимнъ „Боже Царя храни“ и трижды прокричали „ура“.

11 декабря. Во время третьяго урока во второй классъ явился крестьянинъ Ефимъ Тарасовъ съ просьбою принять въ школу его внука, который мѣсяца полтора тому назадъ выбылъ изъ школы: отецъ велѣлъ. Этотъ Тарасовъ отъявленный шалунъ, и когда мы пожаловались на него отцу, тотъ предпочелъ взять его изъ школы и заставилъ дома взяться за работу. Но теперь дѣдушка, первый мироѣдъ въ селѣ, ходатайствуетъ снова о принятіи. Любопытны требованія этого старика.

— Ты его, Христа ради, научи грамматикѣ и ариѳметикѣ, а наизусть мнѣ, пожалуй, и не надо. А то бѣда безъ ариѳметики: съ деньгами все путаемся.

Старикъ этотъ арендуетъ землю, имѣетъ дѣло съ росписками, квитанціями, земскими и казенными по-земельными платежами, а грамотѣ не знаетъ.

Вечеромъ много хлопотъ было съ барышней-поповной. Она не хотѣла идти ночевать на свою квартиру, а просилась къ подружкѣ Соколовой, живущей съ матерью при общежитіи. Насилу уладили дѣло, проводивъ и Соколову ночевать къ ней на квартиру.— Дѣвочки несравненно хитрѣе мальчиковъ. У нихъ постоянные секреты, перешептыванья, и онѣ ежедневно перемѣняются во взаимныхъ отношеніяхъ. Вчерашнія подружки, нынѣ уже врозь глядятъ. Мы подозрѣваемъ, что Соколова страшно ревнуетъ поповну къ ея сожительницамъ и наговариваетъ ей, чтобъ она

просилась на квартиру къ ея матери. Просто бѣда съ этими пустяками!

12 декабря. Вчера пріѣхалъ къ намъ противораскольнической миссіонеръ о. Магнусовъ, а сегодня была бесѣда, на которую любители словопреній явились и изъ сосѣдняго села. Въ числѣ ихъ былъ Василій Васильевичъ, начитанный крестьянинъ, перешедшій изъ раскола и ставшій врагомъ его.

— Бесѣда происходила въ школѣ, во второмъ классѣ. Миссіонеру было приготовлено возвышеніе въ переднемъ углу подъ самымъ образомъ Кирилла и Меодія. Здѣсь были поставлены два стола, сплошь занятые книгами. Около самаго возвышенія стояли три ряда скамеекъ для публики. На нихъ сѣли тѣ, которые пришли раньше. Остальные слушали стоя. Классъ былъ биткомъ набитъ народомъ.

Миссіонеръ послѣ молитвы, пропѣтой второклассниками (которые были впереди), обратился къ народу съ рѣчью о вѣчности Церкви. Онъ изложилъ ученіе Церкви, а затѣмъ указалъ на то, что раскольники противорѣчатъ этому ученью... Рѣчь продолжалась болѣе получаса; всѣ слушали ее со вниманіемъ. Полное молчаніе было только однажды прервано Василіемъ Васильевичемъ, который, замѣтивъ, что въ одномъ мѣстѣ миссіонеръ не воспользовался весьма идущимъ къ дѣлу текстомъ, вздумалъ дополнить его. „И апостолъ Павелъ въ зачалѣ“... заговорилъ было онъ, но его со всѣхъ сторонъ задергали сидящіе рядомъ съ нимъ союзники и единомышленники. Опять воцарилось молчаніе...

Рѣчь кончена. Миссіонеръ обращается къ народу съ вопросомъ: „не угодно ли кому вступить въ

бесѣду по этому предмету?..“ Это самый важный моментъ: выступаютъ, или не выступаютъ раскольники? Въ залѣ тишина мертвая. Тѣ, православные, которые стоятъ и сидятъ около самага возвышенія, и которые уже опытни въ состязаніяхъ, отлично знаютъ, что раскольники сбились въ кучу позади народа, у самой двери, но никто туда не оборачивается; всѣ ждутъ и смотрятъ предъ собою съ такимъ выраженіемъ глазъ, которое бываетъ у человѣка, знающаго, что на него хотятъ напасть сзади, но старающагося не обнаруживать, что онъ готовъ отразить ударъ... Вдругъ въ самомъ углу, у двери, кто-то заговорилъ, — но такъ глухо, что нельзя было слышать словъ. Народъ, какъ бы по командѣ, разступился по всей линіи, соединяющей то мѣсто, гдѣ раздался голосъ, съ возвышеніемъ, на которомъ стоялъ миссіонеръ. Опять всѣ затаили дыханіе, но раскольникъ уже не говорилъ... Тогда Василій Васильевичъ, сидѣвшій на передней скамейкѣ, не оборачиваясь къ тому, кто говорилъ сзади, сдержанно сказалъ: „а ты, Митрій Митричъ, сними тулупъ-то, да подойди поближе, да скажи толкомъ: что ты тамъ въ воротникъ-то себѣ говоришь!“

Эти слова словно ужалили Митрія Митрича. Онъ вдругъ заговорилъ громко, отрывисто и въ большемъ волненіи: „спасибо... учены мы съ вами говорить-то... мягко стелете, да жестко спать...“

Теперь намъ стало его видно, благодаря прогалинѣ, образованной разступившимся народомъ. Это былъ Митрій Митричъ, главный начетникъ—изъ сосѣдняго села. На немъ, дѣйствительно, былъ тулупъ, котораго онъ не хотѣлъ снять, несмотря на жару и тѣсноту.

Этимъ онъ хотѣлъ показать, что случайно зашелъ на бесѣду и вовсе не намѣренъ принимать въ ней участія.

Миссіонеръ успокоилъ народъ, который зашумѣлъ по поводу вспышки раскольника; потомъ онъ обратился съ вопросомъ къ Митрію Митричу, не желаетъ ли онъ побесѣдовать о Церкви.

— А ты кто?—спросилъ Митрій.

— Я миссіонеръ, священникъ, православный христіанинъ!—отвѣтилъ миссіонеръ и, въ доказательство своего православія, перекрестился сначала троеперстно, а потомъ двуперстно.

Раскольникъ это понравилось. Онъ немного подвинулся впередъ, все еще пряча потное лицо въ поднятомъ воротникѣ тулупа.

Начались продолжительные переговоры между нимъ и миссіонеромъ. Митрій все твердилъ, что имъ, старообрядцамъ, нельзя открыто высказывать свои убѣжденія; что миссіонеръ можетъ предать ихъ въ руки властей, которыя будто бы гонятъ раскольниковъ и т. д. Наконецъ, незамѣтно Митрій втянулся въ бесѣду о предметахъ вѣры. Сначала онъ говорилъ нехотя, съ оговорками и все озираясь назадъ, по направленію къ двери; нѣсколько разъ онъ даже прощался и дѣлалъ видъ, что уходитъ; но потомъ, задѣтый какимъ-нибудь замѣчаніемъ миссіонера, быстро возвращался и придвигался все ближе и ближе къ каедрѣ и къ столамъ съ книгами. Книги словно притягивали его къ себѣ. Онъ жаловался, что безъ книгъ ему трудно бесѣдовать; что миссіонеръ вычитываетъ не тѣ мѣста, какія слѣдуетъ, что въ той же книгѣ есть другое мѣсто, которое прямо подтверждаетъ его мысль и т. д. Когда же миссіонеръ предлагалъ ему подойти бли-

же и взять книгу, онъ отказывался, говоря, что, кто знаетъ, какія это книги: можетъ быть, онѣ не древлепечатанныя; но въ то же время пододвигался ближе... Споръ разгорался. Митрій то и дѣло откидывалъ головой и рукой надоѣдавшій ему воротникъ тулупа и отиралъ рукавомъ и полами потъ, который градомъ катился съ его лица. Онъ стоялъ уже въ двухъ шагахъ отъ стола съ книгами и отъ миссіонера, — ихъ раздѣляла только скамейка. Митрій горячился; миссіонеръ былъ поразительно спокоенъ, заботясь не только о томъ, чтобъ опровергнуть противника, но и о томъ, главнымъ образомъ, чтобы присутствующихъ православныхъ познакомить съ доводами раскольниковъ и ихъ опроверженіемъ. Онъ привелъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ въ пользу православнаго перстосложенія (споръ склонился къ этому вопросу). Митрію все хотѣлось прервать его какимъ-то возраженіемъ, но миссіонеръ не давалъ ему этого сдѣлать, не желая нарушать единство своей бесѣды. Митрій такъ и рвался на своемъ мѣстѣ, и когда миссіонеръ, наконецъ, окончилъ, онъ вдругъ сбросилъ съ себя тулупъ и перешагнулъ черезъ скамейку.

— Этого стерпѣть не можно! — вскрикнулъ онъ. Кириллова книга есть?

Я подаль ему Кириллову. Онъ осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, развернулъ на требуемомъ мѣстѣ и, перекрестившись своимъ широкимъ крестомъ, сталъ читать. Началась настоящая бесѣда, настоящая словесная война.

Не стану далѣе описывать бесѣду. Она прошла очень оживленно; народъ до самаго конца ея не тронулся съ мѣста. — Второклассники все время про-

стояли около миссіонера, стараясь не пропустить ни одного его замѣчанія, потому что имъ поручено описать бесѣду. Они помогали миссіонеру въ подыскиваніи нужныхъ мѣстъ, а когда дѣло касалось предметовъ, наиболѣе имъ извѣстныхъ, они вступали даже и въ пренія.

Я не принималъ участія въ спорахъ. Но бесѣда крайне меня занимала, какъ посторонняго слушателя. Я слушалъ, смотрѣлъ, — и дивился: какъ беззавѣтно эти полуграмотные и неграмотные крестьяне увлекаются спорами чисто отвлеченнаго свойства; какъ крѣпка ихъ природная логика, и какое наслажденіе получаютъ они въ этихъ словопреніяхъ. И послѣ этого говорятъ еще, что народъ нашъ желаетъ болѣе, чтобы въ школахъ преподавались науки практическія, напр. сельское хозяйство, чѣмъ науки съ отвлеченнымъ содержаніемъ.

22 декабря. Отпустили своихъ питомцевъ на Рождественскіе праздники. Нынѣ—самый трудный для меня день во всю эту треть: цѣлый день я рассчитывался съ отцами общежитниковъ. Провизія и деньги доставлялись неисправно. И вотъ теперь каждому нужно подсчитать цифру его долга и *доказать*, что дѣйствительно онъ столько долженъ. Голова кругомъ поидеть... и всего труднѣе въ этомъ дѣлѣ сознаніе, что это пустой и бесполезный трудъ; что будь эти наши должники въ тулупахъ и рукавицахъ хоть немножко просвѣщеннѣе, они бы *впередъ* уплатили намъ деньги, потому что требуется мы баснословно мало: 4 р. 89 к. съ 1 октября до 22 декабря. И изъ этой суммы я постоянно дѣлаю скидки, только чтобы покончить скорѣе эти неприятные расчеты.

Всѣмъ, обрекающимъ себя на непосредственное служеніе народу, слѣдуетъ твердо усвоить первый и самый главный урокъ: терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе... Терпи, если не цѣнятъ твоего труда и твоей любви; терпи, если смотрятъ на тебя подозрительными очами. Въ терпѣніи—настоящая любовь. А та не любовь, за которую понесутъ тебя на рукахъ и назовутъ ангеломъ; это ты чужими устами воспѣваешь себѣ славу. Не и язычницы ли такожде творятъ!

1 января. Новый годъ начался у насъ приготовленіемъ къ елкѣ, которую рѣшено сдѣлать 2-го вечеромъ. Вчера я пріѣхалъ изъ города, сдѣлалъ необходимыя покупки для елки. Конечно, я не покупалъ различныхъ блестящихъ бездѣлушекъ: звѣздъ, фонарей, золотыхъ слоновъ, хлопушекъ и прочихъ „необходимыхъ“ принадлежностей всякой городской елки. Я только купилъ для украшенія елки такихъ конфетъ и пряниковъ, какихъ крестьянскія дѣти никогда не видывали. Для подарковъ же я купилъ ручекъ, карандашей, тетрадокъ, коробокъ для перьевъ, ножичковъ. Я старался выбирать вещи невиданныя въ селѣ и такія которыхъ въ нашей лавкѣ и даже въ уѣздномъ городѣ не пріобрѣтешь ни за какія деньги. Для дѣвочекъ куплены гуттаперчевые ободочки для волосъ, игольники, вязальные крючки, зеркальца и гребеночки. Кромѣ всего этого, куплено 4 листа золотой бумаги, изъ которой сегодня общими силами мы наклеили звѣздъ и коробокъ.

2 января. Воскресенье. Погода не благоприятствуетъ нашей елкѣ. На дворѣ—буранъ и холодно. Но мы не отложили ея до другого дня, потому что уже приглашены гости, и потому что въ будни многіе

ученики не могли бы присутствовать на школьномъ праздникѣ. Ребята явились въ школу тутъ же послѣ обѣда: одолеваетъ нетерпѣніе. Нѣсколько разъ выслали ихъ,—велѣли идти по домамъ: мѣшаютъ. Но—уйдетъ одна партія, на мѣсто ея явится другая. Къ вечеру пришли второклассники изъ сосѣдняго села, а двое пріѣхали даже за семь верстъ: изъ всѣхъ иноприходныхъ только ихъ мы и успѣли извѣстить объ елкѣ.

Въ 8 часовъ зажжены были свѣчи. Когда все было готово, ученики по два въ рядъ пошли во второй классъ изъ перваго, гдѣ они были собраны. Я игралъ маршъ „Славься“—на фисгармоніи. Окруживъ елку, всѣ обратились къ портрету Государя и пропѣли „Боже Царя храни“, послѣ чего батюшка громко сказалъ: въ честь Его Императорскаго Величества ура! и на это приглашеніе отвѣчено было такимъ ура, что буквально задребезжали стекла. Тутъ началось веселье. Вечеръ составилъ изъ двухъ отдѣленій. Первое все состояло изъ пѣнія и заключено раздачей подарковъ дѣвочкамъ по жребію. Пѣли мы и однимъ хоромъ, и всей массой. Хоромъ пѣли между прочимъ: „Слава на небѣ“ въ перелож. Д. Н. Соловьева (Азбука хороваго пѣнія). „Да помянетъ Господи“ (оттуда же), „Въ бурю во грозу“ и др. Всею школою пѣли нѣсколько разъ пѣсенку: „Ахъ попалась птичка, стой!“, для которой я самъ наскоро сочинилъ напѣвъ, при чемъ слова птички предназначены солисту и имѣли особый мотивъ. „Птичку“ пѣлъ солистъ-дискантъ Агишевъ и имѣлъ блестящій успѣхъ. Кромѣ птички, пѣли стихотворенія, помѣщенные въ „Букварѣ“ и выученныя уже и самыми младшими

учениками: „Зашумѣла—разгулялась въ полѣ непогода“ и „Мы-то, дѣтки, день-деньской“. А въ заключеніе дѣти, кружась вокругъ елки хороводомъ, пропѣли свою родную классическую пѣсню: „Какъ по морю“.

Второе отдѣленіе представляло особенный интересъ. Представлена была сказка „О рыбацкѣ и рыбкѣ“ Пушкина въ лицахъ. Дѣйствующихъ лицъ было три: старикъ, старуха и рыба. Читали двѣ дѣвочки и мальчикъ изъ перваго класса. Старикъ былъ одѣтъ въ старый кафтанъ, и въ рукахъ у него была рыболовная наметка; старуха была сначала въ ветхомъ сарафанѣ, потомъ въ платьѣ и, наконецъ, въ очень нарядномъ боярскомъ костюмѣ съ золотымъ головнымъ уборомъ. Всѣ эти превращенія совершались съ нею быстро, пока старикъ съ своей сѣткой ходилъ къ рыбкѣ, которая была спрятана за печкой и не была видна публикѣ: отсюда раздавался ея пѣвучій, серебряный голосокъ.

Дѣти, да и родители, съ затаеннымъ дыханіемъ прослушали все представленіе и получили великое наслажденіе. Весьма удивительно, что дѣйствующія лица ни на юту не смутились и не испугались публики; старуха (дѣвочка изъ старшаго отдѣленія) играла даже съ искусствомъ. Старикъ же былъ просто неподражаемъ. Съ какой милой простотой онъ произносилъ слова: „ну, что теперь твоя душенька довольна?“ До 10 часовъ продолжалось наше веселье. Все закончилось опять пѣніемъ и многолѣтіемъ Государю Императору и всѣмъ благодѣявшимъ нашей школѣ и сочувствующимъ дѣтскому счастью.

9 января. Началось послѣпраздничное пробужде-

ніе школьной жизни, которое всегда такъ волнуетъ меня. Ученики пріѣзжаютъ съ отцами; заѣдутъ сперва въ школу, чтобъ сложить тамъ одежду и сдать кухаркѣ привезенную провизію, потомъ приходятъ къ намъ. Выходишь; здороваешься. На лицахъ у ребятъ видишь улыбку радости и на своемъ чувствуешь ее же: да, мы рады увидѣть другъ друга.

— Ну, что, ребята, подѣлывали дома? спросилъ я сегодня при свиданіи.

— Скучали! отвѣтилъ кто-то.

И правда, они скучаютъ о школѣ. Деревенскія праздничныя развлечения не кажутся уже имъ привлекательными. „Послѣ сладкаго не захочешь горькаго!“ Когда все это я вижу, я не могу не задавать себѣ вопросъ: почему же мы, бывало, ѣхали въ городъ со слезами? почему же мы не любили своей школы, ея порядковъ, ея учителей?

10 января. Утромъ въ кухнѣ встрѣчаю незнакомую бабу (оказалось, что это мать ученика Глухова). Она тоже не знала меня въ лицо и спросила кухарку: учитель ли это? Та отвѣтила: да. Тогда баба пригласила меня въ чуланъ — „сказать словечко“. Я повиновался. Въ чуланѣ она вынула изъ-за пазухи два круга скоромнаго масла и штукъ 20 яицъ въ узелкѣ и подала это мнѣ.

— Это что такое? спросилъ я, не принимая приношенія.

— Пожалуйста, постарайтесь для моего Васярки! отвѣчала она и объяснила, что Васярка ея „сидитъ“ въ первомъ, а не во второмъ классѣ.

Надо было растолковать ей, что не въ томъ дѣло, кто гдѣ сидитъ, что сынъ ея не окончилъ курса въ

первомъ классѣ, а потому не можетъ поступить во второй. Сомнѣніе на нее нашло, очевидно, вслѣдствіе того, что всѣ чужіе, пріѣзжіе ученики у насъ второклассники, а ея сынъ, хотя тоже иноприходный, но въ первомъ классѣ.

27 января. Сегодня обнаруженъ виновникъ многихъ безумныхъ шалостей, совершенныхъ въ общежитіи въ декабрѣ. Одинъ за другимъ тогда произошли слѣдующіе случаи: у одного ученика вдругъ оказалась изорванною тетрадь, у другого—книга измазанною чернилами, у многихъ стали пропадать грифеля, перья; и все не удавалось напасть на слѣдъ виноватаго. Сегодня одинъ изъ старшихъ второклассниковъ заявилъ о новомъ происшествіи въ томъ же родѣ: у него изъ новаго красиваго альбома для списыванія стихотвореній оказались грубо вырванными нѣсколько листковъ бѣлой бумаги. Хорошая бумага—№ 4. Стали искать—и нашли эти листки у двоихъ товарищей С. и Б. У перваго сдѣлана уже изъ нихъ тетрадка, у втораго листки лежали еще безъ употребленія. Когда къ нимъ пристали съ вопросами, то Б. заявилъ, что бумагу ему только-что далъ С. Теперь всѣ улики были на С. Когда я потребовалъ его къ себѣ и спросилъ отъ него объясненій, онъ, не глядя на меня, началъ утверждать, что бумагу эту ему купила мать въ городѣ, и что онъ „ни какого зла не имѣетъ: зачѣмъ же онъ станетъ рвать тетради и книги?“ Эту послѣднюю фразу, очевидно, заранѣе придуманную, онъ повторилъ нѣсколько разъ и этимъ однимъ уже выдалъ себя. Но главное, онъ настолько еще неопытный воръ, что не умѣлъ скрыть слѣдовъ преступленія: онъ даже не обрѣзалъ рванаго края у

бумаги, и когда мы вставили ее въ альбомъ, откуда она была вырвана, всѣ клочки пришлись на свои мѣста. — С. давно сталъ обращать на себя вниманіе своими странностями. Онъ очень задумчивъ и въ то же время разсѣянъ—„разиня“. Блѣдный, худосочный, со впалою грудью, онъ обнаруживаетъ послѣдствія дурного физическаго воспитанія. При этомъ—онъ крайне переутомленъ: мать его, вдова, видя въ немъ единственную надежду, съ 5-ти лѣтъ начала учить его грамотѣ. Поступивъ въ нашу школу, онъ сначала, въ 1 классѣ, учился блестяще и удивлялъ всѣхъ своими способностями. Но въ прошломъ году съ нимъ случилась рѣзкая переменна: онъ на урокахъ сталъ задумываться, сдѣлался забывчивымъ, разсѣяннымъ, вялымъ; онъ сталъ учиться хуже, отставалъ отъ товарищей. Мать начала его бить—и била до тѣхъ поръ, пока мы не узнали объ этомъ. — За нынѣшнее дѣло ему сильно досталось бы отъ матери, но я, позвавъ ее, сказалъ, что она должна выбрать любое: или исправить сына „своими средствами“, и тогда пусть она возьметъ его изъ школы и изъ общежитія, или же пусть оставитъ себѣ лишь материнскія слезы и увѣщанія, а остальное предоставитъ намъ.

Вечеромъ нашъ преступникъ во всемъ признался съ великими слезами. Что намъ теперь съ нимъ дѣлать? Мы пока только удовлетворили пострадавшаго, отдавъ ему альбомъ С., тоже новый и красиво написанный. А чтобы С. былъ близко къ огню и научился не обжигаться, хочу приставить его приказчикомъ при школьной торговлѣ бумагой и письменными принадлежностями.

1 февраля. Сегодня въ школѣ грамоты училъ по

чтенію второкласникъ. П. У него вышелъ смѣшной случай. Онъ показалъ, какъ пишется буква Э; ученики посмотрѣли, посмотрѣли, попытались написать и потомъ сказали ему: „показывай другую! Эта плохая!“

11 февраля. Во второмъ классѣ получилъ сегодня великое наслажденіе на урокъ пѣнія. Я начинаю пожинать плоды двухлѣтнихъ трудовъ. Пѣли прелестную „Легенду“ П. И. Чайковскаго, на слова Плещеева: „Былъ у Христа Младенца садъ“. Музыка довольно трудная, но мы ее осилили въ одинъ урокъ. Всѣмъ второкласникамъ она чрезвычайно понравилась: у нихъ сильно успѣло развиться музыкальное чувство. На два ближайшіе праздника (12 и 13) я задалъ имъ самостоятельную работу. Но послѣ пѣнія всѣ обратились ко мнѣ съ просьбой: „позвольте намъ не писать сочиненія, мы стали бы въ праздники списывать ноты!“ Я разрѣшилъ.

29 февраля—5 марта. Первая недѣля Великаго поста. Говѣли. Ученики съ первой же службы ходятъ аккуратно. Не было ни одного случая опущенія богослуженія. Сегодня пріобщались св. Таинъ. Все было сдѣлано по примѣру прошедшаго года. Четверымъ больнымъ ученикамъ были отосланы на домъ ихъ здравныя просфоры, что, говорятъ, привело ихъ въ восторгъ и умиленіе.

6 марта. Недѣля Православія. Послѣ обѣдни одинъ за другимъ очень дружно начали собираться уѣзжавшіе на масленицу и первую недѣлю ученики, и къ вечеру всѣ были на лицо. Отецъ Пономарева (горбатаго), по обыкновенію, пріѣхалъ съ подаркомъ: привезъ для школы прекрасную лопату (онъ отличный мастеръ по щепной части). А въ прошлый свой

пріѣздъ онъ привезъ кухонную доску, кадку для солонины и еще маслобойку. Чрезвычайно онъ доволенъ нашей школой и радъ за своего сына: „это,—говорить,—ему Богъ послалъ за его смиреніе“.

7 марта. Начали ученье и занимались очень усердно. Къ утренней молитвѣ явились рѣшительно всѣ, за исключеніемъ шестерыхъ здѣшнихъ, больныхъ. У насъ начала свирѣпствовать инфлуэнца. Хвораютъ все ученики старшаго отдѣленія перваго класса,—готовящіеся къ экзамену. Одинъ изъ нихъ, Наумъ, захворалъ въ началѣ первой недѣли и вдвойнѣ страдаетъ: онъ у насъ главнымъ пономаремъ,—завѣдуетъ кадильнымъ, просфорнымъ и лампаднымъ дѣломъ. И вдругъ, болѣзнь постигла его въ самое горячее время—во время сплошнаго богослуженія и говѣнія. Отецъ его сказывалъ, что Наумъ „голосомъ плачетъ“, когда зазвонятъ къ богослуженію, и чтобы не слышать звона, закрывается съ головой въ свой чапанъ и подъ нимъ всхлипываетъ.

Вечеромъ меня вызываютъ изъ комнаты и говорятъ: къ вамъ люди пришли. Выхожу. Стоять два мальчугана, лѣтъ по 6 каждому,—оба стриженные по-школьному, но не школьники.

— Вы что? говорю.

Одинъ отвѣтилъ смѣло и дѣловито:—Дай книжку читать дядѣ Пашѣ. Бова Королевичъ. И мы будемъ читать...

Я сказалъ, что Бову Королевича теперь грѣхъ читать: постъ, и далъ имъ книжку: „Преображеніе Господне“ и, кромѣ того, каждому по полулисту бумаги „за работу“.

Это—будущіе ученики даютъ о себѣ знать учи-

телямъ, чтобы имѣли ихъ въ виду. Это у насъ обычное явленіе. Ребята начинаютъ мечтать о школѣ очень рано. Школа представляется имъ чѣмъ-то заманчивымъ, и они ждутъ—недождутся, когда наступитъ для нихъ часъ отворить ея двери. А пока они пользуются всякимъ случаемъ, чтобы побывать въ школѣ. Весьма часто являются такіе любители цѣлой гурьбой подъ тѣмъ, на примѣръ, предложомъ, что „Серегинъ братъ позабылъ дома книжку“, и вотъ они принесли ее. Многіе донимаютъ отцовъ, чтобы ихъ стригли по ученическому фасону. На первой недѣлѣ всѣхъ такихъ кандидатовъ мы поставили въ ряды съ учениками и они были въ восторгѣ.

8 марта. Инфлуэнца пробралась и къ намъ въ школу. Не досчитываемся значительнаго числа первоклассниковъ и школьничковъ. И въ числѣ явившихся въ классъ многіе жалуются на головную боль, безголосье и кашель. Аптека сегодня сильно работает. Розлили по бутылочкамъ чуть не четверть разбавленныхъ „капель Датскаго Короля“. Боимся школьной эпидеміи, придется закрывать школу. Братъ послѣ уроковъ обходитъ больныхъ, но всѣ его медицинскія усилія разбиваются объ упорство и невѣжество родителей больныхъ ребятъ: не занимаются больными и не придають значенія лѣкарствамъ. „Коль пройдетъ,—говорятъ,—такъ безъ лѣченья пройдетъ, а уже коли человѣку умереть,—такъ все равно, какъ ни лѣчи,—умреть“.

9 марта. Съ сегодняшняго дня второклассники начали самостоятельно отправлять богослуженіе въ церкви за псаломщика, которому нужно заниматься въ школѣ. Я назначилъ на утреню и часы по одному

человѣку изъ старшаго и младшаго отдѣленій второго класса и одного изъ первоклассниковъ. Старшій читаетъ все, что потруднѣе, а тѣ—что пообщезвѣстнѣе. Вечеромъ они заранѣе распредѣляютъ между собою чтеніе и спѣваютъ.

Съ нынѣшняго же дня старшіе второклассники поочередно будутъ практиковаться въ регентированіи. Для этого сегодня я набралъ „опытный“ хоръ, преимущественно изъ первоклассниковъ, доселѣ не пѣвшихъ въ хорѣ. Спѣвка сегодня происходила послѣ обѣда, отъ 5 до 6 часовъ вечера. Дѣло сразу пошло хорошо. Дисканты и альты пѣли безъ ошибокъ почти всю литургію; регенту не приходилось биться надъ разучиваніемъ. Это, конечно, отъ того, что наши ученики очень много поютъ и еще болѣе слушаютъ, такъ что пѣніе есть для нихъ дѣло привычное. Дѣло регента только задать тонъ и управлять своей артелью.

19—23 марта. Вокругъ школы кипитъ въ эти дни оживленная работа. Мы раскидываемъ снѣгъ на школьной усадьбѣ, чтобъ онъ скорѣе таялъ; негодныя кучи снѣга съ грязью и навозомъ свозимъ въ оврагъ. Ученики приходятъ послѣ обѣда съ лопатами и мотыгами, а въ одинъ день они и въ классъ пришли съ этими орудіями; мы работали во время перемены. Впереди предстоитъ еще много работы.

24 марта. Больные ученики почти всѣ выздоровѣли. Только вновь поступившій въ общежитіе Глуховъ все прихварываетъ. Доселѣ онъ жилъ у своего дѣдушки, въ невозможной обстановкѣ. Въ семействѣ дѣдушки—всю зиму больные. Глуховъ рассказываетъ, что по ночамъ у нихъ поднимался стонъ и скрежетъ зубовъ, „словно въ аду“. Пища у дѣдушки была край-

не скудная и недостаточная, — только сухой хлѣбъ и картофель, не смотря на то, что родители доставляли исправно и масло и крупу для каши. Мальчикъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія. Въ прошлое воскресенье къ нему прѣѣхала мать, и онъ ей прямо скавалъ, что онъ больше у дѣдушки жить не будетъ, — пускай она переведетъ его въ общежитіе, или возьметъ домой. Мать стала просить насъ, чтобъ мы взяли его въ общежитіе. Мы согласились, и онъ тотчасъ же ушелъ въ школу обѣдать, — не захотѣлъ даже въ послѣдній разъ пообѣдать съ дѣдушкой, — такъ надоѣла ему родная квартира. — Теперь онъ хвораетъ; очевидно, онъ заразился инфлуенціей у дѣдушки. Сегодня его осматривалъ братъ со своими помощниками. Когда Школьниковъ разулъ его, чтобъ освидѣтельствовать его обувь, то оказалось, что на ногахъ у него надѣто *трое* чулокъ — и всѣ мокрые. Сейчасъ стали сушить ихъ около печки, а самого больного натерли скипидаромъ и обули въ сухіе валенки.

Вечеромъ дальноживущіе школьники пришли ночевать, чтобы не проспять заутреню. Съ однимъ, самымъ малымъ, случилась бѣда. Онъ пошелъ освидѣтельствовать, въ какомъ положеніи вода въ канавѣ, около школы, — оступился и влетѣлъ въ канаву по грудь. Старшіе все сняли съ него и начали сушить, а самого положили на нары, покрывши полушубкомъ. И смѣхъ, и горе.

5 апрѣля. Хорошо прошелъ нынѣшній день. Погода великолѣпная. Въ смѣны ребята бѣгаютъ въ однѣхъ рубашкахъ по школьной площади. Игры, шумъ, смѣхъ... Жизнь бьетъ ключемъ въ школѣ,

какъ кругомъ ея по оврагу шумятъ и играютъ ручейки изъ-подъ снѣга. Въ большую переѣну мы, учителя, пили на балконѣ чай, подъ музыку дѣтскихъ голосовъ.

Послѣ обѣда происходила у насъ „тяжелая“ работа. Въ церковной оградѣ мы открыли, подъ слоємъ земли, фундаментъ старой церкви, сложенной изъ дикаря. Дикарь намъ очень нуженъ, для устройства мостовой отъ сторожки до школы. Вотъ мы его и выворачивали изъ канавы. Попадались громадные камни. Камень прекрасный плитнякъ; такой камень пришлось бы возить за нѣсколько верстъ. Мы, учителя, со старшими второклассниками при помощи рычаговъ выворачивали крупные камни, а ребята своими мотыгами раскапывали мелкія плитки. Одна артель таскала добытые камни на мѣсто. Ребята увлеклись работой. Вездѣ слышались шутки, подзадориванья, смѣхъ.

— Словно картошку роємъ! — говорилъ Сергѣй Левинъ, возясь около меня въ канавѣ. — Ну-ка, сколько будетъ подъ этимъ корнемъ!

Недалеко отъ него кто-то вмѣстѣ съ камнемъ выкинулъ изъ канавы лягушку (жабу). Малыши окружили ее и принялись разсматривать; дивились, какъ это она жила такъ глубоко. Лягушка, лежа на спинѣ, дрыгала ногами и не могла перевернуться.

— Эхъ, ее, знать, ушибли камнемъ! сказалъ кто-то.

— Нѣтъ, это она нарочно, — проворчалъ Левинъ, подбивая мотыгу подъ камень.

Передъ вечеромъ, до захода солнца, мы уже начали мостить дорожку. Дѣло пошло. Но только мы бьемъ камень не въ песокъ, а въ землю, предварительно разрыхливши ее. Песку много надо, а его нѣтъ подъ руками.

20 апреля. Пасха. Нашу школу для Великого праздника посѣтила большая бѣда: ученики, распущенные по домамъ, расхворались. Что самое неприятное,—хворають второклассники (старшіе), у которыхъ въ 10-хъ числахъ мая долженъ быть выпускной экзаменъ. Всѣ захворали въ концѣ Страстной недѣли и въ Пасху. Болѣзнь у всѣхъ одна: что-то вродѣ инфлуэнціи, но вѣрнѣе *тифъ*. Ежедневно къ нашему дому подѣзжаютъ отцы учениковъ; каждый день приносить извѣстіе о новомъ больномъ. Къ нынѣшнему дню больныхъ въ разныхъ селеніяхъ состоитъ 12 человекъ—и всѣ выпускные.

Сегодня пріѣзжалъ мордвинъ, братъ А. Меньшова, и рассказывалъ, что вчера Александръ совсѣмъ было умеръ.

— Ужъ пересталъ дышать... Поставили воду и свѣчку затеплили. Бабы стали вопить. Отецъ упалъ... А онъ еще былъ живой. Какъ услыхалъ, что въ избѣ плачутъ, открылъ глаза и говоритъ: „Тятяй! Авай (мама) я—живой, живой!“ А мы не вѣримъ... А онъ сказалъ: Дайте мнѣ „*книжка*“ (книгу). Подали ему кинижка. Онъ взялъ ее, да и почиталъ. „Видите,—говорить,—живой!“

Болѣзнь учениковъ разстроила нашъ планъ относительно производства экзаменовъ. Выпускной экзаменъ второклассниковъ мы было назначили на 12-е мая; теперь придется отложить до іюня.. Человекъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

21 мая. Вотъ только когда состоялся у насъ выпускной экзаменъ. Слава Богу, онъ прошелъ удовлетворительно, и два члена училищнаго совѣта пріѣхавшіе на нашъ экзаменъ-праздникъ, кажется, оста-

лись довольны и нашими учениками и нашими порядками.

27 мая. Вчера состоялся актъ. Мы говорили ученикамъ прощальныя рѣчи и на память роздали имъ Евангелія съ надписью, каждому по заслугамъ его во время ученія. За всѣми окончившими курсъ пріѣхали было отцы. Но ученики отправили съ ними только свои сундуки и пожитки, а сами остались еще на одну ночь въ школѣ, чтобъ наговориться предъ разставаньемъ и съ нами, и другъ съ другомъ.

Сегодня утромъ они пошли по своимъ домамъ съ великими слезами...

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

15 сентября. День принесъ намъ самыя отрадныя впечатлѣнія. Мы съ отцомъ работали въ школѣ, — переплетали книги. Псаломщикъ разбиралъ бібліотеку: мы съ нимъ приводимъ ее въ порядокъ. Учениковъ ведутъ и везутъ. Привезли изъ Аристовки двоихъ: одного въ первый, другого во второй классъ. Всѣ просятъ принять дѣтей въ общежитіе. Къ младшему учителю то-и-дѣло приходятъ ученики, съ которыми онъ цѣлый день возится. Они приносятъ прочитанныя книги. Мы имъ рады: послали одного къ кузнецу за молотомъ, другого въ лавочку, заставляемъ подметать классы, въ которыхъ мы насорили. Хорошо такъ работать!

Послѣ обѣда, уже передъ вечеромъ, явились новые просители къ „нашей милости“, — два крестьянина, въ кафтанахъ, промокшіе подъ дождемъ, забрызганные грязью.

— Чьи вы?

— Мы Боборыкинскіе, до вашей милости съ просьбой.

— Что вамъ нужно?

— Мы слышаны, что у васъ есть мальчики ученые, намъ бы нужно учителя въ школу.

— Есть, можно. Пойдемъ, уговоримся.

Мужики рассказали мнѣ, какъ устроилась у нихъ школа грамоты. Первый годъ училъ батюшка въ избѣ; набрали человекъ 18. — „И какъ старался! Жиль, вѣдь, не у насъ, а въ селѣ верстъ за 5—6. Каждый день гулялъ къ намъ. А тутъ сталъ стараться, чтобы у насъ свое зданіе было. Управляющій продалъ намъ за 70 рублей ненужное ему зданіе; стоило по оцѣнкѣ 120 рублей, пятистѣнное, размѣромъ по одной сторонѣ 4, по другой 3 саж. Перевезли міромъ.

— А на какія деньги вы его купили?

— А вишь какое дѣло вышло: покупали мы колоколь, и осталось у насъ отъ покупки и отъ всѣхъ расходовъ руб. 70,—вотъ мы ихъ и повернули сюда—батюшка посовѣтывалъ. Какъ устроили мы свое школьное помѣщеніе, порѣшили раздобыть себѣ и учителя отдѣльнаго. Батюшка написалъ письмо къ вамъ прошлой осенью, но вы извѣстили, что у васъ еще не было выпуска. Тогда онъ обратился къ своему благочинному, и тотъ далъ изъ своей школы мальчика. Учитель бы ничего, „парень хорошій“, какъ было намъ понравился! Да на призывѣ—вотъ бѣда!

— Какая же плата?

— Сорокъ рублей тому дали. Но если бы сталъ обучать пѣнію, мы бы и прибавили.

Плату они, оказывается, собираютъ съ учениковъ. Міромъ не согласились содержать учителя. Но у нихъ все таки порядки хорошіе: учитель заключаетъ договоръ съ кружкомъ крестьянъ-отцовъ и получаетъ свое жалованье отъ уполномоченнаго.

Мужики рассказали много любопытнаго о школѣ, о школьныхъ своихъ порядкахъ, о непріятностяхъ

изъ-за школы съ однообщественниками, о дѣятельности бывшаго священника: какъ онъ, получивши наше письмо, и прочитавъ его въ собраніи школьнаго кружка, говорилъ имъ рѣчь о томъ, что они должны *другъ друга тяготы носить* и совѣтовалъ общими силами помочь школѣ и давать возможность учиться не только богатымъ, но и бѣднымъ. — „Вотъ — говорить—отдѣлите, на примѣръ, загончикъ земли, вмѣстѣ будемъ его навозить, можетъ быть, онъ намъ принесетъ и доходъ“...

Мы запрягли лошадь и поѣхали съ братомъ въ сосѣднее село къ Меркурьевымъ, изъ которыхъ одного мы рѣшили послать въ Боборыкино учителемъ. Мужики запрягли свою пару и поѣхали вслѣдъ за нами.

Я не берусь описывать этотъ вечеръ... Кажется, въ жизни своей я никогда не проводилъ подобнаго. Путешествіе въ поиски за учителемъ, разговоры, сокрушеніе о томъ, что вотъ они не найдутъ, пожалуй, учителя, и, наконецъ, это „сватанье“ учителя,—вѣдь все это было такъ ново и необычно! Я съ своей стороны посовѣтывалъ Меркурьевымъ принять приглашеніе, и выборъ мой палъ на младшаго — Порфирія. Онъ не струсилъ, повидимому. Отецъ тоже согласился, но мать ударилась въ слезы: боюсь, — говоритъ, — молодъ больно. Куда его на чужую сторону? Я каждый день буду плакать... Это ужъ не житье: вѣдь онъ оставитъ насъ: какой ужъ онъ работникъ?“ и т. п.

— Диковинное дѣло, — сказалъ одинъ изъ ходатаевъ: и когда выведется изъ народа эта глупость, будто ученому ужъ нельзя и работать. Вотъ и у насъ все тѣ же рѣчи. Я имъ говорю — вѣдь, вотъ я гра-

мотный, еще писаремъ былъ у васъ, да работаю же. Не втолкуешь имъ да и полно. Извѣстно, всякіе учителя есть изъ нашего брата, да ужъ это — спаси Богъ. У насъ въ Ивлевкѣ, куда мы приходомъ, былъ учитель, такъ тотъ зазнался: папироски курилъ. Разъ батюшка его встрѣтилъ съ папироской и говоритъ: „это зачѣмъ?“ — „Да такъ, говоритъ, *отъ скуки*“. — Батюшка покачалъ головой, а послѣ сказалъ мнѣ, когда учитель ушелъ: „вотъ, говоритъ, крестьянскій онъ сынъ. Ему бы надо ѣхать домой, да отцу помогать“. А ихъ тамъ, въ семинаріи, этому не учили. Онъ вонъ купилъ зонтикъ, да и гуляетъ съ молодой хозяйкой по селу. — Нѣтъ! нынче ужъ не то: не тѣ учителя въ славѣ, которые подъ зонтикомъ гуляютъ, а тѣ, которые зимой учатъ, а лѣтомъ землю пашутъ“.

Мы засидѣлись долго и уѣхали часовъ въ 10 вечера. Прощаясь, я долго уговаривалъ мать новаго учителя не плакать по-пусту объ сынѣ. Мужики попросили меня дать записку священнику, чтобъ онъ ужъ былъ спокоенъ на счетъ учителя. Я не отказался написать. „Вотъ теперь, — сказали мужики, — мы поѣдемъ домой *съ великимъ дѣломъ*“.

8 октября. Ребята охотнѣе всего принялись за изученіе географіи. Да какъ и не заинтересоваться этимъ предметомъ!

Учебникъ у насъ довольно толковый; да независимо отъ него я стараюсь дополнять нѣкоторые отдѣлы своими рассказами или чтеніемъ соответствующихъ статей. А теперь много появилось въ печати прекрасныхъ географическихъ очерковъ. Нѣсколько названій мы приобрѣли въ свою бібліотеку и теперь

усердно ими пользуемся. Такъ, сегодня съ большимъ интересомъ мы прочли статью — „Горнозаводская дѣятельность на Уралѣ“. Статью такъ прослушали, что нарочно спрошенный, самый плохой ученикъ повторилъ ее превосходно.

Воскресенье, 9 октября. Въ постановкѣ церковнаго пѣнія мы твердо рѣшили держаться установившихся правилъ — не увлекаться партеснымъ пѣніемъ, а лучше обучить всѣхъ школьниковъ простому пѣнію, но зато всѣхъ до одинаго. И пусть всѣ они „едиными усты и единымъ сердцемъ“ хвалятъ Господа.

Вечеромъ ѣздилъ къ сосѣду-священнику. Меня очень интересуеетъ школа въ его приходѣ: тамъ учителемъ нашъ ученикъ Филиппъ Меркурьевъ, только что кончившій курсъ у насъ, братъ вышеупомянутаго Порфирія. Мнѣ и интересно было знать, какъ онъ ведетъ дѣло. Священникъ расхвалилъ его, и я былъ очень радъ.

10 октября. Сегодня какъ-то особенно усердно мы работали. День ясный, воздухъ прозрачный, прохладный, классы набиты биткомъ. Все это дѣйствуетъ на насъ возбуждающимъ образомъ. Я сильно занятъ русскимъ языкомъ. Хочетъ старшихъ, по крайней мѣрѣ приучить владѣть перомъ. Определенныхъ указаній на этотъ счетъ ни въ какихъ руководствахъ не находится. Началъ пока съ того, что читаю ребятамъ образчики рассказовъ, описаній и пр., и заставляю ихъ повторять прочтенное, а затѣмъ излагать письменно.

11 октября. Вечеромъ. Занимался съ ребятами со

ставленіемъ діаграммы, показывающей отношеніе дѣтей учащихся къ неучащимся школьнаго возраста по нашему округу. Ребята сильно заинтересовались дѣломъ; ихъ поражала эта иллюстрація къ цифрамъ. Цифра сама по себѣ—вещь слишкомъ отвлеченная, мало говорящая дѣтскому уму, склонному болѣе къ нагляднымъ образамъ. Мы выражали діаграмму клѣточками, при чемъ каждая клѣточка представляла учащагося или неучащагося. Завтра, если будетъ время, перечертимъ все набѣло, раскрасимъ и повѣсимъ на стѣну въ классѣ.

Старшіе пишутъ сочиненія на легкія темы. Сочиненія должны имѣть форму разсказовъ. Темы даны такія: „Какъ я ѣздилъ торговать рамами“, „Нынѣшняя уборка хлѣба“, „Какъ я ходилъ на заработки за Волгу“ и под. Черновыя просматривалъ,—складно выходитъ.

14 октября. Не мало хлопотъ бываетъ каждый разъ въ началѣ года со вновь поступившими иноприходными. Трудно привыкаютъ къ порядку и совсѣмъ не умѣютъ располагать временемъ. Вотъ сегодня, наприм., сидитъ ученикъ Дудиковъ и цѣлый вечеръ выводитъ славянскія буквы. Онъ ихъ пишетъ прекрасно, и въ прошлый урокъ я похвалилъ его. Такъ вотъ онъ и теперь только этимъ и занимается. Спрашиваю: „училъ ли ты уроки?“—„Нѣтъ, я еще ни за что не принимался“. Не попадись онъ мнѣ на глаза, онъ не зналъ бы завтра ни одного урока. Вотъ старшіе другое дѣло: они знаютъ цѣну времени и привыкли уже къ порядку. Жалѣю, что нѣтъ у нихъ времени почитать побольше. Если же дать имъ больше

свободнаго времени, придется урѣзать программу учебныхъ предметовъ, широко поставленную...

15 октября. Требуется большія усилія, чтобъ привести всю нашу школьно-домашнюю жизнь въ должный порядокъ. Нары нужно расширить, доску новую сдѣлать, три стола новыхъ, да еще кое-что наберется. Досадно, что все это скоплется къ началу ученя. Какъ бы хорошо все устроить заблаговременно! Но винить насъ, кажется, за это нельзя. Мы, во-первыхъ, никогда до начала ученя не можемъ знать сколько у насъ будетъ учениковъ; во-вторыхъ, за неимѣніемъ средствъ, все дѣлаемъ своими руками. Но съ этими дѣлами управимся, а вотъ учебную сторону слѣдуетъ расширить; объ этомъ дѣйствительно, придется подумать. Дѣло въ томъ, что окончившіе въ прошломъ году 6 человекъ опять пожелали учиться и вернулись въ школу, умоляя принять ихъ. Что съ ними дѣлать? Отправить во-свояси недолго; но я все же ихъ принялъ. Вопросъ теперь въ томъ—какъ и чему ихъ учить? Не повторять же имъ цѣлый годъ опять старое? Думается, что лучшая для нихъ программа—это программа на званіе учителя. Ею и будемъ руководиться.

17 октября. По мѣрѣ того, какъ наша сельская школа приобрететъ устойчивое положеніе, на умъ приходитъ мысль объ устройствѣ школы грамоты въ нашей приходской деревнѣ Гремячевкѣ. Тамъ 60 человекъ дѣтей школьнаго возраста, и всѣ они неученые. Завтра же поѣду туда отыскивать квартиру для помѣщенія школы. Не попадется ли какая-нибудь изба пустая,—хотя бы человекъ 10—15 можно было помѣстить пока. Учитель найдется изъ нашихъ учени-

ковъ; учебниковъ достанемъ. Только бы квартиру обезпечить.

18 октября. Вторникъ. Сегодня ученики подали мнѣ карты „Европейской Россіи“, черченныя „съ глазу“. Работа очень удовлетворительна. Мы такъ не чертили въ свое время, хотя это искусство у насъ тамъ насаждалось довольно энергическими мѣрами.

Вечеромъ полученъ указъ о служеніи молебновъ о здравіи болящаго Государя. Это обстоятельство дало мнѣ поводъ вести съ ребятами продолжительную бесѣду о высоко-гуманномъ Государѣ Императорѣ. Ребята видимо были тронуты, и я увѣренъ, что не одна горячая молитва вознесется отъ нихъ къ Царю Царей.

19 октября. Сегодня былъ изъ Гремячевки богатый крестьянинъ М. Липатовъ. Когда мы ему сказали о своемъ желаніи открыть въ Гремячевкѣ школу, онъ очень обрадовался и обѣщалъ помочь.

— Вѣдь, срамъ глядѣть—говорилъ онъ: только у насъ и бездѣльничаютъ ребята, на сторонахъ же вездѣ учатся грамотѣ.

— Постараемся, будемъ обучать и вашихъ,—отвѣчалъ я: только дайте намъ избу и сдѣлайте столы да скамьи.

Все это онъ обѣщалъ сдѣлать къ воскресенью и обѣщалъ кормить у себя учителя. Спасибо ему.

20 октября. Въ нашемъ старшемъ классѣ замѣтно оживленіе. Учиться начинаютъ прилежнѣе и горячѣе берутся за дѣло. Меня глубоко трогаетъ та серьезность, съ которой эти простыя дѣти относятся къ дѣлу. Они понимаютъ, что бездѣльничать некогда;—

не за тѣмъ собрались подъ кровлей школы. Совершенствуются съ каждымъ днемъ.

Сегодня очень оживленно, какъ и всегда, впрочемъ, прошелъ урокъ географіи. Дано было приготовить о русскихъ производствахъ: заводскихъ, фабричныхъ, кустарныхъ, горныхъ и проч. Тема для бесѣды богатая. И мы бесѣдовали, читали и поясняли дѣло безъ перерыва почти два часа. Вотъ такіе уроки я называю настоящей работой надъ приобрѣтеніемъ знаній! Рядомъ вопросовъ изъ видѣннаго и слышаннаго я заставлялъ ихъ дѣлать соответствующіе выводы, которыхъ они, впрочемъ, до того и не подозрѣвали. И „музей“ нашъ служитъ намъ прекрасно пока. Тамъ у насъ, между прочимъ, собраны образчики всевозможныхъ тканей. Для нынѣшняго урока эта коллекція и была особенно полезна. Тамъ виситъ напр., клокъ конопли въ ея первоначальной обработкѣ, потомъ пойдутъ: производства изъ нея *кустарнымъ* способомъ у насъ, въ селѣ (веревочное и грубая ткань), потомъ—*фабричная* пеньковая ткань всевозможныхъ оттѣнковъ фабричнаго производства. Точно также иллюстрировались и производства изо льна. Ученики были просто поражены, когда я имъ показалъ образцы различныхъ производствъ изъ одного и того же матеріала. Большинство изъ нихъ думало, что конопля, напр., вездѣ и всюду такъ же обрабатывается, какъ и у насъ, и что, кромѣ канатовъ да пологовъ, изъ нея ничего не сдѣлаешь; выраженія учебника: „пеньковое производство“, или „производства изъ пеньки“ они понимали въ указанномъ мною самомъ узкомъ смыслѣ.

28 октября. Вторникъ. Сегодня мы очень усердно

занились славянскимъ языкомъ. Не даромъ С. А. Рачинскій называетъ его „педагогическимъ кладомъ“. Ничто такъ не помогаетъ правильному усвоению русской рѣчи, какъ изученіе формъ и оборотовъ славянскаго языка. Словопроизводство — необходимое средство для изученія орфографіи, но оно безъ знанія славянскаго языка можетъ быть только поверхностнымъ, а не глубокимъ. Затѣмъ переводы съ славянскаго на русскій суть незамѣнимыя упражненія учениковъ въ примѣненіи грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ. Наконецъ, самая главная цѣль изученія славянскаго языка заключается въ томъ, чтобы сдѣлать для учениковъ понятнымъ содержаніе церковныхъ пѣснопѣній.

Въ старшемъ классѣ мы проходимъ *Октоихъ*. Догматики всѣхъ гласовъ, стихиры на *Господи воззвахъ*, тропари и ирмосы изучаемъ наизусть, разбираемъ, переводимъ и, наконецъ, поемъ напѣвомъ гласа.

При этомъ мы останавливаемъ также вниманіе и на историческомъ и догматическомъ значеніи известнаго пѣснопѣнія или отдѣльнаго выраженія. Вотъ, на примѣръ, вчера встрѣтилось намъ выраженіе: „...и праведнаго жертву водою попалилъ еси“ (Ирмосъ 8 пѣсни канона, гласъ 6). Спрашиваю: о чемъ это здѣсь говорится?

— Про жертвоприношеніе пророка Іліи,—отвѣчаютъ чуть не всѣ.

— Да вѣрно ли? развѣ водою поджегъ Ілія жертву на горѣ Кармилѣ?

Молчатъ. Наконецъ, одинъ встаетъ и говоритъ:

— Это сказано про Ездру.

Припомнили всю исторію, и мѣсто стало для всѣхъ яснымъ.

1 ноября. Сегодня у насъ большая радость. Получено извѣстіе о томъ, что Училищнымъ Совѣтомъ при Святѣйшемъ Синодѣ отпущена тысяча рублей на постройку особаго зданія для общежитія при нашей школѣ. Такое зданіе намъ крайне необходимо. Общежитниковъ у насъ 28 человекъ: изъ нихъ 12 ночуютъ въ сторожкѣ съ большими неудобствами, 10 человекъ спятъ въ особой комнаткѣ, отгороженной отъ второго класса, остальные принуждены ночевать или на классныхъ скамьяхъ, сдвинувши ихъ по три, или въ комнатѣ учителя. Такія же неудобства и со столовыми. Теперь мы не только устранимъ всѣ неудобства, но еще будемъ имѣть возможность увеличить число общежитниковъ.

Въ старшей группѣ учениковъ ариѳметика въ нынѣшнемъ году какъ-то сама собою перешла въ изученіе способовъ землемѣрія и черченіе плановъ. Изъ Петербурга мы получили прекрасное руководство по этому предмету—А. Заблоцкаго. Книжка какъ будто для насъ и составлена: она построена на тѣхъ знаніяхъ ариѳметики, которыя нашими учениками уже твердо усвоены. Теперь у насъ начнется крайне интересная прикладная ариѳметика, которая почерпаетъ данныя для задачъ изъ опыта и приводитъ къ рѣшеніямъ, необходимымъ на каждомъ шагу въ сельскомъ быту.

2 ноября. Ученики все болѣютъ. Забралась къ намъ какая-то эпидемическая жаба (Angina) и перебираетъ всѣхъ по очереди. Я не думаю, чтобы это былъ дифтеритъ, потому что болѣзнь скоро уступаетъ

не особенно энергичнымъ средствамъ. Я смазываю зѣвъ 1000% растворомъ сулемы, даю полосканіе изъ буры и бертолетовой соли,—и дня черезъ два больной выздоравливаетъ.

3 ноября. Сейчасъ только окончили устройство *алидады*, необходимаго инструмента при съемкѣ плановъ. Построили вѣрно: ученики мнѣ дѣятельно помогали. Удивительный народъ: они ничего не умѣютъ, а покажи, растолкуй,—сію минуту разберутся въ любомъ дѣлѣ.

Въ классѣ на урокъ географіи читалъ статью изъ книги: „Русская Земля. Сѣверный край“ (изъ „Приходской Библіотеки“). Ученики прослушали ее съ большимъ интересомъ. Я и раньше изъ этой же книжки читалъ кое что и всегда вполне овладѣвалъ вниманіемъ своихъ слушателей. Двое даже выразили желаніе приобрести ее; я имъ посоветовалъ купить все изданіе „Приходской библіотеки“, такъ какъ это очень дешево. У многихъ учениковъ мечта—составить себѣ собственную библіотеку, и нѣкоторые уже составляютъ ее—подъ моимъ руководствомъ, конечно. Они страшно боятся остаться безъ книгъ по окончаніи курса.

Сегодня же В. И—чъ (второй учитель) читалъ младшимъ ученикамъ лучшія сказки Андерсена. Образцовое чтеніе художественнаго произведенія возымѣло свое дѣйствіе, ребята въ восторгѣ. Теперь непременно будутъ просить книгу на-домъ; это всегда бываетъ послѣ учительскаго чтенія. Вечеромъ мы на общемъ совѣтѣ постановили обязательно знакомить учениковъ съ образцовыми литературными произведеніями, прочитывая ихъ въ классѣ.

4 ноября. Въ самомъ младшемъ отдѣленіи прошли

всѣ звуки. Сегодня читали довольно бѣгло пресловутаго Ваню. („Бѣгай въ школу, Ваня“ — первое стихотвореніе въ Букварѣ). Меня всегда глубоко трогаетъ этотъ моментъ въ обученіи. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсяцъ тому назадъ ученики ничего не знали, и вдругъ отворилась имъ дверь въ совершенно новую область. Право, чувствуешь, какъ будто таинство какое-то совершается у тебя на глазахъ. Дѣти тоже смутно чувствуютъ это. Какъ они возбуждены и веселы и въ то же время преисполнены сознанія собственного достоинства! На перебой старается каждый доказать учителю, что онъ тоже умѣетъ читать. Утромъ я видѣлъ, какъ они поучали нашего неграмотнаго сторожа Митрича, читая въ 50 голосовъ ему Ваню, а на завтра посулили ему прочитать про „Муравья и голубку“.

5 ноября, суббота.—День легкій. По расписанію полагается только три урока. Впрочемъ, мы долго возились послѣ обязательныхъ уроковъ съ общей спѣвкой и прослушиваніемъ воскресныхъ чтеній. Послѣ обѣда мы ходили со вновь устроенной мензулой и алидадой на нашъ огородъ снимать съ него планъ.

7 ноября, вторникъ.—По необходимости мы должны распустить школу на три дня. Въ селѣ нашемъ и почти во всѣхъ окрестныхъ завтра храмовой праздникъ. Ученые на другой же день праздника дѣлать не мыслимо, потому что къ отцамъ учениковъ (здѣшнихъ) наѣзжаютъ гости и бражничаютъ пѣлюю недѣлю, ребята—ученики совершенно лишены возможности заниматься уроками, да и возятся по хозяйству, вмѣсто гуляющихъ родителей.

Послѣ уроковъ распустили на три дня и своихъ и

иносельныхъ; напутствовавъ ихъ наставленіями относительно поведенія во время праздника.

II ноября, пятница. — Стали съѣзжаться ученики, отпущенные по домамъ. Они привозятъ деньги и провизию за содержаніе. Вечеромъ, послѣ молитвы, я сталъ спрашивать, начиная съ меньшихъ, какъ кто съѣздить домой, что дѣлалъ дома, какъ доѣхалъ обратно и проч. Подобныя повѣствованія изъ пережитаго весьма полезны для самихъ раскольниковъ. Они приучаютъ дѣтей говорить складно и толково. Вѣдь, иные поступаютъ уже во второй классъ, рѣшительно не обладая даромъ слова. А между тѣмъ, многіе изъ учениковъ отъ природы одарены живымъ, воображеніемъ и способностью къ краснорѣчію. Школа должна дать развитіе этимъ талантамъ. Я имъ всегда говорю: „такъ рассказывайте, ребята, чтобъ я все равно какъ самъ видѣлъ то, о чемъ вы рассказываете“. Они понимаютъ мое требованіе.

Вотъ какъ рассказываетъ Шилкинъ о своемъ свиданіи съ отцомъ въ послѣднюю поѣздку. Отецъ у него скупой мордвинъ и жалѣетъ денегъ на содержаніе сына, хотя всего-то нужно 2 руб. въ мѣсяцъ. Семейные, напротивъ, всѣ сочувствуютъ Шилкину, „Когда я пришелъ домой (въ деревню версты за 4 отъ насъ), то, конечно, со всѣми *поздравствовался*; только вижу—отецъ и не глядитъ на меня. Я сразу понялъ, что это онъ на меня изъ-за содержанія сердится.— „Ну, Богъ съ тобой, подумалъ я: меня мама не выдастъ“. Мать и братья стали меня спрашивать, какъ мы живемъ въ школѣ и что дѣлаемъ. Я имъ все рассказывалъ, а они все дивились. Ночью пришли къ намъ пьяные мужики съ праздникомъ *поздравить*. Мнѣ очень не

хотѣлось имъ показываться: я залѣзъ на палаты и забился въ самый уголъ. Но напрасно. Мой двоюродный братъ, бывшій въ числѣ гостей, разыскалъ меня и приневолилъ слѣзть съ палатей. Я слѣзъ и спросилъ: „ну, что я вамъ?“

— А почитай!

— Что же я вамъ почитаю?

— А что получше: ты теперъ всякую книгу проишошелъ.

Я радъ былъ почитать пьяницамъ. У меня былъ листокъ о вредѣ пьянства,—вотъ я ихъ и утѣшилъ! Они перестали болтать и внимательно слушали.— „Вѣрно! Правильно!“ говорили они во время чтенія и водки въ этотъ разъ не пили у насъ и не просили; должно, стыдно было; а мы и рады. Съ тѣхъ поръ стали они приходять къ намъ слушать мое чтеніе.

На третій день я говорю отцу: „тятя, давай скольконибудь денегъ, или хлѣба, вѣдь тамъ (въ школѣ) меня кормить даромъ не будутъ“. Отецъ сидитъ на печкѣ, ноги свѣсилъ и молчитъ, а я все пристаю къ нему. Наконецъ, онъ сказалъ: „Лучше вози бревна на пристань!“ Мнѣ стало горько: не работы боялся, а жаль было недоучиться. Я сталъ плакать, заплакала и мать, и оба то мы, наконецъ, уломали отца. Онъ далъ 12 пудовъ муки, и я съ радостью поѣхалъ въ школу“.

А вотъ рассказываетъ Глуховъ, шаловливый мальчуганъ, лѣтъ тринадцати:

„Когда объявили отпускъ и ученики стали собираться домой, я подумалъ себѣ: зачѣмъ я поѣду? уроковъ дано намъ много всякихъ, а дома развѣ выучишь! Пыталъ ужъ я, да ничего не выходитъ: то тятя работать заставить, то на улицѣ безъ памяти заиграешься.“

Да мнѣ еще больно хотѣлось переплестъ книжку для дневника,—вотъ я и надумалъ остаться на праздникъ въ школѣ. Какъ только всѣ разѣхались, я и принялся за переплетъ. У насъ хорошо переплетаетъ книги Соколовъ, ученикъ; я ему и говорю:

— Соколовъ, что возьмешь дневникъ переплести?

— 15 копѣекъ. Мраморъ и корки мои.

— Нѣтъ, дорого; лучше самъ попытаю,—сказалъ я.

— Попытай, да только смотри не раскайся!

Надо бы было мнѣ послушаться Соколова,—такъ нѣтъ, я самъ взялся; и вотъ что у меня вышло: Соколовъ за 1 копѣйку перевязалъ мнѣ бумагу, а остальное я сталъ отдѣлывать самъ. Сталъ я проклеивать корешокъ,—проклеилъ; нужно было обрѣзать; рѣзца не было, а ножомъ я не умѣю, и сталъ я обрѣзывать ножницами. Плохо обрѣзъ выходитъ, мохрясто и криво. Тутъ ужъ я сталъ каяться—зачѣмъ не отдалъ Соколову. Вѣдь, бумаги № 6 въ книгѣ было 40 листовъ, и ихъ я уже перепортилъ. Ну, ладно! Приладилъ я корки къ корешку; и надо было положить книгу подъ прессъ; но у насъ школьный прессъ очень тяжелъ, у меня силы не хватить его завернуть, и сталъ я думать, что бы мнѣ такое завалить на книжку, чтобъ ее сплющило. Пошелъ я въ аптеку (школьную),—тамъ ученики-аптекари фасыды чертятъ. Я посоветовался съ ними. Свѣтловъ посмотрѣлъ мою работу и говоритъ; „бумаги-то не въ свою цѣну перепортилъ. Поди заложи свое рукодѣлье между двухъ досокъ и положи подъ сундукъ“. Я обрадовался и побѣжалъ въ *сундучную*; сдѣлалъ такъ, какъ говорилъ Свѣтловъ,—только не одинъ сундукъ. а штукъ шесть наставилъ другъ на дружку. Ну, ладно! Прихожу на другой день. Поснималъ сундуки. Смотрю

книжка плотно пристала къ доскамъ. Я ее и такъ и сякъ, а она не отстаегъ. Разсердился, оторвалъ, много перервалъ листовъ, потому что отъ тяги прошелъ въ нихъ клей изъ корешка. Пропала моя бумажка, а сколько времени я ее копилъ и берегъ! Сижу я на сундукъ и чуть не плачу съ досады. Вдругъ пришли товарищи и Соколовъ, увидѣли меня и мою книжку и стали промежъ себя смѣяться. Подходить ко мнѣ Соколовъ и говорить: „Не даромъ говорится, что дѣло мастера боится“. Имъ смѣшно, а у меня горе.—Такъ и провелъ я весь праздникъ въ горѣ и уроки плохо училъ“.

Разказы свои они потомъ записали; эти записи я и привелъ здѣсь.

12 ноября, суббота. Ыздилъ сегодня въ сосѣдную школу въ с. М. Качимѣ; тамъ занимается окончившій курсъ въ нашей школѣ—Филиппъ Меркурьевъ. меня крайне интересуегъ его учительская дѣятельность, такъ какъ онъ первый нашъ ученикъ-учитель. Приѣхалъ я туда на 3-й урокъ. Школа полна, даже дышать трудно. Ученики младшаго отдѣленія кончаютъ звуки и по букварю читаютъ не хуже нашихъ. Слабы другія отдѣленія, но это ужъ не его вина. Вообще, я вынесъ пріятное впечатлѣніе изъ М.-Качимской школы. Теперь стало ясно, что кончающіе курсъ въ нашей школѣ могутъ справляться съ начальными школами. Цѣль школы и трудовъ нашихъ, значитъ, достигается,—и слава Богу.

13 ноября, воскресенье. Сегодня хотъ и праздникъ, а мы потрудились достаточно. Впрочемъ, это не трудъ, а скорѣе отдыхъ и наслажденіе. Послѣ обѣда я ходилъ со своими старшими учениками въ поле искать предметъ для геометрическихъ измѣреній. Хотегся

намъ свои знанія къ дѣлу приложить. Нашли, засѣли! Попался участокъ земли крайне неправильной формы, со множествомъ угловъ. Угловая площадь для насъ сущая находка. Много требуется сообразительности, чтобъ правильно измѣрить такую площадь и нанести ее на планъ. Я устроился на бугоркѣ для наблюденія за ходомъ работы; ребята разсыпались по участку. Любо глядѣть на эту милую суетливую толпу. Вонъ пятеро проводятъ *базисъ* и все что-то не приладутся провѣрить колями прямую линію. Въ морозномъ воздухѣ звонко раздаются сильные, молодые голоса: „правѣй, правѣй! Возьми еще малость! ну, ладно! Эй, Щербаковъ! поправь крайній, правѣ-вѣй! Вѣрно!“ Наводятъ угломѣрный инструментъ для опредѣленія углового градуса. Всѣ стараются на глазъ опредѣлить уголь заранѣе и съ нетерпѣніемъ ждутъ точнаго показанія. Наконецъ, наводившій съ важностью объявляетъ—110°. „Ура, я угадалъ! ну, а ты, братъ только на 30° ошибся,—вѣрный глазокъ!“

Въ концѣ-концовъ измѣрили все, что нужно, и вечеромъ того же дня, къ великой радости, красиво начертили планъ этого участка, высчитали площадь и подали мнѣ для провѣрки.

Какая у нихъ быстрая сообразительность! Я что-нибудь только намекну, а они ужъ подхватятъ и поймутъ. Вотъ, напримѣръ, употребленіе десятичнаго масштаба я объяснилъ имъ какъ-то между дѣлъ,—а ужъ сегодня они имъ вполне удачно пользовались.

Вечеромъ этого дня было народное чтеніе—шестое съ начала осени. Мы очень много читали подробностей о событіяхъ послѣднихъ дней, т. е. о кончинѣ и погребеніи Государя Императора. Народъ глубоко инте-

ресуется этимъ. Многіе плакали на чтеніи. Послѣ чтенія мы пропѣли: „Со святыми упокой“ и „Вѣчную память“ и этимъ закончили чтеніе о Государѣ. Думаемъ, что и мы въ захолустномъ селѣ почтили, какъ могли, этими чтеніями память почившаго Царя нашего.

Я очень, очень радъ, что чтенія удачно пошли у насъ. Надо свѣтить не въ храминѣ только, а и на улицѣ.

14 ноября, понедельникъ. Царскій день.—Послѣ литургіи пропѣли гимнъ передъ школой, прокричали „ура“ за здоровье Императора, Его Августѣйшей Невѣсты, Матери и Наслѣдника и разошлись по мѣстамъ. Впрочемъ, нѣкоторыхъ малышей пришлось не мало учить, какъ зовутъ Высочайшихъ Особъ.

Послѣ обѣда купили старый барскій домъ для общежитія. Надѣмся сдѣлать изъ него удобное помѣщеніе. Зданіе большое 16 × 21, высота пять аршинъ и антресоли 7½ × 16. Мы должны приспособить его къ нашимъ цѣлямъ, а въ настоящемъ его видѣ онъ не совсѣмъ удобенъ.

16 ноября, среда.—Все чертимъ планы внутренняго расположенія комнатъ въ будущемъ общежитіи. Скоро предстоитъ ломать барскій домъ и перевозить его на школьную усадьбу. Много предстоитъ намъ хлопотъ, но мы, по привычкѣ, ужъ ихъ не боимся. Хлопотъ было бы и больше, если бы мы все зданіе вновь строили.

20 ноября, воскресенье.—Старшіе ученики всецѣло занялись черченіемъ плановъ и фасадовъ. Это искусство у насъ народилось только въ нынѣшнемъ году, вмѣстѣ съ введеніемъ землемѣрія въ число учебныхъ предметовъ.

Помимо чисто прикладного, мы признаемъ за черченіемъ и значеніе эстетическое и формально-образовательное. Вотъ передо мною лежитъ изящно начерченный фасадъ нашей церкви: картина—не чертежъ! Любуюсь имъ я, любовался ему и чертежникъ-ученикъ,—а чего онъ имъ стоилъ?! Требовалась усидчивость, терпѣливое вымѣриваніе и переводъ на масштабъ, умѣнье обращаться съ такими тонкими вещами, какъ циркуль, рейсфедеръ, десятичный масштабъ;—а вычислений-то, пропорцій-то сколько требуется! Любо мнѣ видѣть, какъ закорузлыя крестьянскія руки, умѣющія управлять сохою, молотить, лѣсъ валить, берутъ, напр. 2,75 сантиметра по десятичному масштабу и съ математическою точностью чертятъ съ природы фасадъ или планъ.

Вечеромъ сошлись ночевать въ школу многіе и изъ здѣшнихъ учениковъ: они боятся проспять утреню. Люблю я въ ночь передъ праздникомъ наблюдать жизнь нашего муравейника. Бездѣльниковъ мало, и имъ скучно, ихъ всѣ отъ себя отгоняютъ. Большинство занято. Кто въ двадцатый разъ перечитываетъ то, что ему завтра читать въ церкви; кто переписываетъ тетрадь, кто книжку переплетаетъ. Вонъ въ углу пѣвцы-любители тихонько поютъ греческимъ напѣвомъ: „Днесъ благоволенія Божія предображеніе“, и пробуютъ всѣ извѣстные имъ другіе тропари 4 гласа спѣть на этотъ же мотивъ. Въ 8^{1/2} ужинаютъ, тотчасъ молитва и сонъ.

Передъ праздникомъ ужинаемъ и ложимся спать раньше обыкновеннаго, чтобъ не проспять утрени.

24 ноября, четвергъ.—Сегодня, на большую перемѣну прекрасно заняли ребятъ свѣтскимъ пѣніемъ.

Пѣли извѣстное стихотвореніе Никитина „Жена ямщика“. Мелодія самая простенькая, унылая, но музыкальная бѣдность съ избыткомъ выкупается богатствомъ содержанія. Дѣтямъ, даже самымъ маленькимъ, все до слова понятно, все близко къ сердцу, и они пѣли съ большимъ чувствомъ.

Наше крайнее желаніе—научить учениковъ хорошимъ свѣтскимъ пѣснямъ. Жаль только, что настоящее хоровое пѣніе не примѣнимо для нашихъ пѣлей. Намъ хочется, чтобъ ученики пѣли и унесли съ собою школьную пѣсню домой, пѣли бы ее на улицахъ и вообще внѣ школы и этимъ бы противодѣйствовали ненавистнымъ трактирно-фабричнымъ мотивамъ и пѣснямъ. А развѣ возможно на улицѣ въ праздникъ пѣть, напимѣръ,—„Ивушку“ такъ, какъ она положена на 4 голоса? Гдѣ басы и теноры? А безъ нихъ ничего не выйдетъ. Ребята это знаютъ, и пѣть не станутъ. А между тѣмъ попѣть-то всетаки вѣдь хочется. Ну и затянутъ: „шелъ я верхомъ, шелъ я низомъ, а у милой домъ съ карнизомъ“... и прочіе безумные глаголы. Мы успѣли внушить ученикамъ отвращеніе къ этимъ пѣснямъ; но этого мало. Нужно дать что-нибудь замѣнъ, чтобъ и въ школѣ, и по выходѣ изъ нея былъ у нихъ приличный и достойный подборъ пѣсенъ. Вотъ мы и думаемъ ихъ выучить простымъ пѣснямъ съ интереснымъ содержаніемъ и немудренымъ мотивомъ. Пусть поютъ на два голоса. Первый опытъ въ такомъ родѣ и былъ сегодня. Удался онъ какъ нельзя лучше. По всему видно, что ребятамъ уже очень понравилось это общее пѣніе. Я увѣренъ, что они чрезъ недѣлю запоютъ эту пѣсню вездѣ и научатъ ей и не-учениковъ. Вотъ это-то и важно. Хоровыя пѣсни, конечно, хо-

роши, но ихъ пѣть можетъ только хоръ, т. е. избранники, остальная же братія принуждена довольствоваться положеніемъ слушателей, оставаясь сами безъ развитія и удовлетворенія.

25 ноября, пятница.—Сегодня я имѣлъ возможность побывать на урокъ Закона Божія во всѣхъ отдѣленіяхъ (у насъ курсъ ученія шестилѣтній). Любопытно особенно въ младшемъ. Слышится дѣтскій лепетъ о высокихъ предметахъ и событіяхъ священной исторіи. Исторія о пророкѣ Іонѣ едва-ли не самая понятная для нихъ и излюбленная. Сегодня, какъ-разъ, она и была на урокъ.

„Не послушался онъ Божьяго приказа,—разсказываетъ мальчикъ,—и за это Богъ велѣлъ морю бунтоваться. Иона испугался и передъ всѣми покаялся въ грѣхъ своемъ. „Бросьте, говоритъ, меня въ море, а то и вы черезъ мой грѣхъ пропадете“. Товарищи и взяли Иону и бросили въ море. А къ кораблю ужъ подплыла китъ-рыба, разинула ротъ, и проглотила Иону пророка“.

Въ остальныхъ классахъ дѣло поставлено ужъ серьезнѣе. Въ 5-мъ отдѣленіи проходитъ катихизисъ Филарета, а въ 6-мъ ужъ похоже на богословіе. Намъ хочется старшихъ познакомить возможно шире съ болѣе важными отдѣлами христіанскаго вѣроученія. Задача эта не легкая, если бы не помогли намъ „Внѣ-богослужебныя бесѣды пастыря съ пасомыми“ (изд. Братства Пр. Богородицы въ Спб.). Въ нихъ изложено почти все, касающееся вѣры и благочестія. Онѣ написаны при этомъ языкомъ доступнымъ и вполне понятнымъ ученикамъ. По врожденной склонности къ отвлеченнымъ предметамъ, ученики глубоко интере-

суются дѣломъ, и я увѣренъ, что значительно они расширятъ свой кругозоръ въ этой области и, кончивъ школу, разнесутъ по глухимъ деревнямъ, семьямъ и поручаемымъ имъ школамъ здравыя и довольно полныя христіанскія понятія.

26 ноября, суббота. Нашъ школьный музей понемногу обогащается. Сегодня отецъ ученика Свѣтлова (онъ служитъ на писчебумажной фабрикѣ) доставилъ намъ цѣлую коллекцію предметовъ по производству писчей бумаги, наглядно представляющую главныя ступени выработки бумаги. Очень любопытно было ученикамъ посмотрѣть и прослѣдить ходъ выдѣлки товара, истребляемаго ими въ значительномъ количествѣ. Въ библиотекѣ у насъ нашлась и книжка съ объясненіемъ бумажнаго производства. Теперь оказалось возможнымъ пояснить ее доставленными предметами. Это очень хорошо. Непремѣнно надо еще обратиться на суконную фабрику и достать наборы предметовъ по выдѣлкѣ суконъ. Музей нужно собирать поучительный,—только въ такомъ случаѣ онъ будетъ живымъ и интереснымъ учебнымъ пособіемъ.

29 ноября, понедельникъ. Очень усталъ. Въ этой усталости повинна не столько школа, сколько мои занятія лѣченіемъ. „На безрыбьи и ракъ рыба, на безлюдьи—Оома дворянинъ“. Мнѣ вотъ и приходится быть частенько Оомой-дворяниномъ. Нашъ край почти совсѣмъ лишенъ врачебной помощи. Врачъ земскій живетъ за 45 верстъ, да и онъ, по скудости земскихъ средствъ, не можетъ оказывать населенію надлежащей помощи. Населеніе участка вообще безпомощно, а наше село, какъ далеко отстоящее отъ врачебнаго пункта,—въ особенности. Со всѣми скорбями и болѣзнями обра-

щаются ко мнѣ. Я устроилъ при школѣ аптечку изъ необходимыхъ лекарствъ и, слава Богу, многіе получаютъ посильную помощь. Достаточно сказать, что у насъ значитса въ книгѣ ежегодно до 1500 больныхъ. Аптека моя стоитъ рублей сто. Сознавая всю важность и необходимость занятій лѣченьемъ, я все же не могу не сказать, что это утомляетъ меня хуже, чѣмъ моя обязательная школьная работа. И времени нѣтъ заняться съ больными, и лѣкарствъ подходящихъ нѣтъ, или очень мало, и не втолкуешь ничѣмъ способа употребленія лѣкарствъ и пр. Къ этому еще нужно прибавить грустный, жалкій и безпомощный видъ больного. Все это, вмѣстѣ взятое, не могу сказать, чтобъ благотворно дѣйствовало на нервы.

30 ноября, вторникъ. Вечеромъ пришлось быть кое-у-кого изъ больныхъ на селѣ. Въ обычно тяжеломъ настроеніи оставилъ я ихъ, поражаясь крайней нечистоплотностью ихъ обстановки и вообще безпомощностью. Довольно сказать, что единственной человѣческой помощи они ждутъ отъ меня. А я далеко не медикъ; но кромѣ меня не къ кому обратиться: врачъ далеко.

На этотъ разъ мнѣ удалось развѣять свои тяжелыя чувства и мрачныя мысли. Когда я пробирался въ темнотѣ по узкой тропинкѣ подъ окнами, то до моего слуха чуть ли не изъ каждой избы долетали однообразныя звуки ученическаго чтенія. Вслушиваюсь: „бла-го-сло-ви, ду-ше мо-я, Гос-по-да и т. д. Ребята уроки готовятъ на завтра. Подойду поближе да посмотрю, хоть чрезъ окошко, какъ они учатся. Двойныхъ рамя нѣтъ: все отлично слышно и видно. Ну, въ первой избѣ ничего интереснаго. Сидитъ непово-

ротливый Лапшиновъ и не торопясь выводитъ псаломъ 103-й. У слѣдующей избы тоже ребячьи голоса. Ну, что тамъ? Смотрю—сидятъ два брата: одинъ лѣтъ восьми (ученикъ), другой пяти; и вотъ старшій учитъ младшаго читать наизусть стихи изъ букваря: „Мы-то, дѣтки, день деньской“.

— Ну, повторяй: „мы ру-би-ли то-по-ромъ“... Да ты брось кошку-то, развѣ эдакъ выучишь тебя.

Малютка бросаетъ кота.

— Ну повторяй.

— „Мы лю-би-ли то-по-ломъ“... Какъ еще-то?

— Вотъ-те и учи. Ну, слушай!...

И начинается таже исторія. Пожелавъ имъ счастливаго успѣха, отправляюсь дальше.

1 декабря, пятница. Два случая изъ нашей школьно-семейной жизни. Утромъ является въ школу крестьянинъ Мурашевъ и слезно проситъ принять его мальчика опять въ школу, такъ какъ онъ-было взялъ его 16 числа. Мальчикъ страшный шалунъ, а въ послѣднее время сталъ даже воровствомъ заниматься (порокъ неслыханный). Я и усовѣщевалъ его, и отцу жаловался,—ничто не помогаетъ; наконецъ какъ-то сказалъ отцу, что сынишка его отъ рукъ отбивается. Отецъ полѣзъ въ гору: „мальчишка мой,—говорить,— всего вашего училища стоитъ! Вы напрасно нападаете, я вотъ его возьму изъ школы. Завтра же и книжки пришлю“.

— Отлично! сказалъ я. Только послѣ не покайся.

И вотъ мальчишка двѣ недѣли болтался безъ дѣла. Не знаю, что собственно ближайшимъ образомъ по-дѣйствовало на отца, но какъ-то очень круто повер-

нулся его несложный мірокъ убѣжденій. Сегодня просить прошенья.

— Христа ради примите, А. П., и что хотите съ нимъ, со псомъ, дѣлайте.

— Вѣдь ты не хотѣлъ его учить,—говорилъ, что мы зря нападаемъ?

— Простите ужъ, А. П. Какъ взялъ я его изъ училища, стыдъ какой-то на меня напалъ. Знаю,— все это у насъ кротость да ласка одна; ну, кто чай его тамъ обиждалъ? вретъ онъ. А какъ сталъ онъ по цѣлымъ днямъ по улицѣ-то какъ шальной ходить, да с собакъ гонять, ужъ прямо тоска на меня нашла. Вѣдь только мой одинъ и разгуливаетъ дурень-то. Товарищи-то всѣ въ школѣ. Всѣ спрашиваютъ: что у те, Данило, мальчишка-то бѣгаетъ?“ Не знай, что и сказать. Такъ вотъ все только глупость наша одна. Ужъ вы извините, А. П., меня, не сердчайте!

— Напротивъ, я очень радъ, что ты скоро образумился. Впередъ только еще эдакъ не дѣлай.

— Спаси Богъ. И такъ словно гора съ плечъ,— съ нынѣшнимъ дѣломъ-то развязался.

Второе дѣло—вечеромъ—судное. Привезли изъ Гремячевки ученика Березина. Онъ съ мѣсяцъ не былъ въ школѣ. Я былъ увѣренъ, что онъ былъ боленъ. Оказывается не то. Онъ или лѣнился, или былъ задержанъ семейными неурядицами по случаю раздѣла. Одичалъ мальчикъ. Вечеромъ они пришли съ отцемъ ко мнѣ на судъ. Сынъ жалуется на отца, говоритъ, что отецъ не пускалъ въ школу, заставлялъ работать или не давалъ денегъ на письменныя принадлежности. Отецъ, напротивъ, увѣряетъ, что Мишка лѣнился, обманывалъ отца, говоря, что въ школѣ, по случаю

болѣзни, ученья нѣтъ и прочее. Имѣя основанія не довѣрять ни тому, ни другому, я рѣшилъ, что Мишаркѣ что-то помѣшало ходить въ школу, а потомъ онъ облѣнился, вкусилъ прелестей уличной жизни и задурилъ... Я велѣлъ ему замолчать и не говорить глупостей про отца и братьевъ. А отцу сказалъ, чтобъ онъ водворилъ сына къ намъ въ общежитіе, взявши отъ тетки, гдѣ жилъ доселѣ. Нужно будетъ взять его подъ особую опеку.

4-го декабря, воскресенье. Послѣ обѣда ученики собрались въ школу. Мы учили ихъ кое-какимъ пѣснямъ. Хочется устроить имъ на святки елку, а такъ какъ многіе изъ нихъ разъѣдутся скоро по домамъ, то мы и рѣшили заблаговременно въ досужіе часы приготовить нѣсколько приличныхъ торжеству пѣсенъ. Пѣли многое изъ сборника Карасева и др. Кромѣ того, мнѣ захотѣлось познакомить учениковъ съ искусствомъ выразительнаго чтенія. Для этой цѣли я приспособилъ къ чтенію въ лицахъ—„сказку о рыбацѣ и рыбкѣ“. Сегодня и была у насъ первая проба. Вышло наивно и очень мило. Читали ученики 3-го отдѣленія. Нарочно подобрали подходящихъ по складу характера. Кирекъ Вершининъ разыгралъ старика даже съ искусствомъ. Я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду показать ученикамъ наглядно, какое громадное значеніе имѣетъ выразительность при чтеніи и какъ можно словомъ живописать дѣло. Я увѣренъ, что подъ влияніемъ слышаннаго завтра въ классѣ прочтутъ эту сказку ученики съ самой яркой выразительностью.

5-го декабря, понедельник. Завтра у насъ храмовой праздникъ въ правомъ придѣлѣ. По этому случаю назначены самыя лучшіе чтецы къ завтрашнимъ

богослуженіямъ. Пѣвчіе долго спѣвались, разучая „Милость мира“ новаго напѣва. Хочется отличать великіе праздники. На вечерней молитвѣ читался акаѳистъ святителю Христову. Одинъ изъ лучшихъ чтецовъ читалъ акаѳистъ, а остальная братія пригѣвала: „радуйся, Николае, великій и преславный Чудотворче!“ Напѣвъ Задонскаго монастыря.

9-го декабря, пятница. Вечеромъ былъ у одного больного. Ему лошадь переломила пополамъ ногу (берцовую кость). Дѣло было еще утромъ, а за мной пришли часовъ въ 7 вечера. Сынъ пострадавшаго заявилъ мнѣ, между прочимъ, что съ больнымъ сильная рвота. Это казалось мнѣ крайне непонятно,—при чемъ тутъ рвота.

Я поспѣшилъ. Прихожу, а больной мечется и его ужъ не рветъ, а только „сосетъ“.

Распрашиваю: какъ его лошадь ударила, чѣмъ лѣчили и почему не пришли за мной,—и узнаю, что являлось ужъ много лѣкарей раньше меня. Между прочимъ, оказалось, что дядя Платонъ порекомендовалъ пить мѣдныя опилки „для спайки костей“.

— Несчастный! и ты пилъ?

— Пилъ, А. П., вѣдь велятъ.

Отъ этого-то тебя и рветъ, милый.

При помощи ученика, моего помощника по аптекѣ, я сложилъ и забинтовалъ ногу. Больной немного успокоился и мы ушли.

Мнѣ захотѣлось прогуляться по морозцу послѣ душнаго избнаго воздуха. Я тихонько пробирался подъ окнами, по обычаю послушивая и посматривая въ окна на своихъ питомцевъ-учениковъ. Глядя на нихъ, сердце опять наполнилось вѣрою въ лучшую будущность

нашего темнаго народа, влачащаго свою долю въ оковахъ невѣжества и суевѣрій.

11-го декабря, воскресенье. Вечеромъ на занятіяхъ въ общежитіи присутствовало до 40 человекъ входящихъ учениковъ. Нравится имъ здѣсь: тихо, свѣтло, тепло. Они просидѣли до 9 часовъ. За такое усердіе я показывалъ имъ послѣ молитвы туманныя картины. Кстаѣи объ этихъ картинахъ. Мои чертежники и рисовальщики отлично научились дѣлать подобіе настоящихъ фонарныхъ картинъ. Для этого они берутъ стекляную пластинку, слегка покрываютъ слоемъ коллодіа, высушиваютъ и затѣмъ перомъ и чернилами чертятъ и рисуютъ всевозможныхъ звѣрей, птицъ и пр. Эти пластинки вставляются потомъ въ фонарь и на экранѣ (простынѣ) выходитъ изображеніе. Намъ нужда научила изобрѣтательности. Настоящихъ-то картинъ у насъ есть штукъ пять, но онѣ ужъ надоѣли и вотъ мы открыли свою „мастерскую“.

12-го декабря, понедельникъ. Сегодня часовъ въ 10 вечера пріѣхалъ изъ Ч. ученикъ Бѣлянинъ. Онъ было хотѣлъ прекратить свое ученье, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ своихъ „благодѣтелей“, но теперь слезно проситъ принять его въ то же отдѣленіе, въ которомъ былъ и въ прошломъ году. Съ перваго взгляда онъ что-то мнѣ не понравился, уличная жизнь испортила его замѣтно. Все таки, слѣдуя правилу, что удобнѣе принимать, чѣмъ изгонять, я его принялъ. Необходимо только его взять подъ особый надзоръ.

15 декабря, четвергъ. Возвращаясь вечеромъ послѣ одной изъ обычныхъ своихъ прогулокъ къ больнымъ, я встрѣтился съ ученикомъ.

— Куда это ты направился? спрашиваю.

- Къ тетенькѣ, на молитву звать.
- На какую это?
- Да вотъ вы намъ говорили, чтобъ мы читали передъ сномъ-то.
- И ты читаешь?
- Каждый вечеръ читаю.
- Ну, а остальные-то семьяне молятся?
- Какъ же, всѣ молятся. Кое-кто еще изъ сосѣдей приходитъ у кого читать некому. Вотъ и сейчасъ за теткой иду.
- Это хорошо. Ну, а еще-то у кого нибудь читаютъ?
- На нашемъ порядкѣ, у кого есть ученики въ семьѣ, вездѣ читаютъ.
- Ну, бѣги за теткой, а я къ вамъ зайду въ избу, посмотрю, какъ вы молитесь.
- Мальчикъ побѣждалъ.
- Я страшно заинтересовался дѣломъ. Дѣйствительно, я говорилъ въ классѣ, и не разъ, что хорошо бы, моль, было, ребятушки, если бы въ каждой семьѣ завелся обычай читать молитвы. Сталъ бы каждый изъ васъ предъ святыми иконами и началъ бы читать по молитвослову положенныя молитвы, а нѣкоторыя пѣть: остальные семьяне молились бы,—однимъ словомъ завели бы такіе порядки, какіе у насъ въ общежитіи. Но признаться, я самъ не вѣрилъ, чтобъ мое желаніе сбылось. Ребята, конечно, исполнять все, о чемъ я прошу, но семейные по грубости и косности своей весьма легко могутъ воспрепятствовать.
- Чего еще выдумываете! Ишь новости разныя заводятъ, жили раньше... Вотъ обычная встрѣча семьями многихъ хорошихъ затѣй, устраиваемыхъ маль-

чиками. Такъ встрѣтили, на примѣръ, опыты садоводства и др.

На этотъ разъ я ошибся. Вхожу въ избу. Поужинали и, очевидно, ждутъ молитвы. Я сказалъ, зачѣмъ пришелъ. Меня принялись благодарить за хорошіе порядки.

— Спасибо Вамъ, А. П., стараетесь. Гляди-ко, какъ приятно у насъ по селу-то стало. Бывало что? баловство одно, ребятишки эти только сквернословію учились, а нынѣ, подико-сь, все молитвы да псалмы, да прочая наука. Спаси васъ, Господи.

Въ это время вошла тетка и два мальчика ученики,—другой, чужой, очевидно, пришелъ по приглашенію. Послѣ я догадался, что его пригласилъ товарищъ пѣть для большей торжественности. Зажгли свѣчу и всѣ стали на молитву. „Слава тебѣ, Боже... Царю небесный, Отче нашъ“, и т. д. зазвенѣлъ серебряный дискантъ. Всѣ усердно молились и вздыхали. Мнѣ было радостно смотрѣть на эту картину. Вдругъ, сначала боязно, робко, затѣмъ смѣлѣе оба мальчугана запѣли: „Взбранной воеводѣ“ прекраснаго греческаго напѣва. Признаюсь, я умилился до слезъ. Старшіе принялись усердно класть поклоны и усиленно охатъ. „Радуйся, невѣсто неневѣстная!“ подтянуть и я имъ. „Радуйся изъ глубины невѣденія извлекающая! Радуйся, яко многосвѣтлое возсіеваши просвѣщеніе“,—невольно пришли мнѣ на память эти слова изъ акаѣиста Пресвятой Богородицѣ. Пропѣли еще нѣкоторыя пѣснопѣнія. Молитва кончилась.

Я сказалъ нѣсколько одобрительныхъ словъ хозяевамъ и поспѣшилъ въ общежитіе, такъ какъ скоро и тамъ начнется молитва.

16-го декабря, пятница. Заинтересованный вчерашнимъ, я въ классахъ спрашивалъ учениковъ.

— Всѣ читаете молитвы?

— Всѣ! Я и утреннія и вечернія, доложилъ Горшковъ.

— А я нѣтъ, А. П.

— Почему-же?

— Молитвослова нѣтъ. Я тятѣ говорилъ, чтобы купить. Онъ все сулитъ, а не покупаетъ.

— Я обѣщалъ всѣмъ подарить по молитвеннику, только бы молились усерднѣй.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что молитва привилась почти вездѣ, и что у большинства чтеніе сопровождается пѣніемъ.

Мы всѣ очень радовались этому. Вотъ сладкій плодъ школы! Отъ устъ болѣе чѣмъ сотни дѣтей возносятся къ Творцу ежедневно и еженощно чистыя, благоуханныя молитвы.

17 декабря, суббота. Ученики 5-го отдѣленія подали сегодня домашнее сочиненіе на предметъ: „Семейные раздѣлы“. Нѣкоторые написали очень недурно, главное—живо, хотя изслѣдованіе причинъ и не отличается серьезностью; поводъ считаютъ за причину. Они очевидно не сочувствуютъ раздѣламъ, а потому и причины раздѣловъ приводятъ какія нибудь пустыя и забавныя, въ родѣ слѣдующихъ (беру выдержку):

„Сѣли обѣдать. Мясо крошить дочь. Женатый сынъ и говорить:

— Матрена, дай я буду крошить.

— Ну, а она хуже тебя накрошить? говоритъ мать

— Э! знать все честь-то мнѣ одна, сколь, знать, ни работай на васъ. Я вотъ ужъ и женатый, а мнѣ

мяса не дадутъ покрошить. Нѣтъ, ужъ, это не житье, дѣлиться надо“ и т. д.

Есть и плохія сочиненія. Видно, что и мысль у парня есть, да выразить не можетъ. „Языки-то у насъ сосновые“, говорилъ одинъ изъ такихъ сочинителей-неудачниковъ. Совѣтую такимъ больше читать и пересказывать другъ другу прочитанное, можетъ быть и „передѣлаются“ у нихъ языки.

18 декабря, воскресенье. Бабы превосходно вымыли въ школѣ грязные полы и мнѣ хотѣлось ихъ побережь. Поэтому я не хотѣлъ сегодня дѣлать народныхъ чтеній и не велѣлъ по обычаю звонить въ колоколь. Но въ 6 часовъ мнѣ сказали, что школа полна народу. Пришли безъ звона. За таковое усердіе мы съ В. И—чемъ часа три подрядъ читали имъ и въ заключеніе показали новыя, только что присланныя изъ Петербурга свѣтвыя картины. Удивленій было не мало.

19, понедельникъ. Сегодня ученики почему-то изъ рукъ вонъ плохо знали уроки. Я сталъ доискиваться причины. Оказалось, что вчера въ Полтевкѣ (названіе улицы) какіе-то безумные парни устроили кулачный „бой“ и сражались сторона на сторону. Этотъ дикій родъ развлеченій былъ когда-то въ большемъ ходу въ нашей мѣстности, но лѣтъ 12 объ немъ не было и помину. И вотъ, оказалось, что нѣкоторые ученики тамъ присутствовали и глазѣли до поздняго времени, а потому и не готовили уроковъ. Я принялся дознаваться: кто именно былъ и не принималъ ли кто участія въ бою. Ребята струсили и всѣ сознались, а двое участниковъ не сознавались, но ихъ выдали. Я оставилъ ихъ въ классѣ на часъ.

Каково же было мое удивленіе, когда мнѣ сказали, что эти двое бойцевъ убѣжали изъ подъ ареста, при этомъ оставили свои книги и сказали, что учиться больше не будутъ.

Горе меня взяло большое. Отправляюсь сейчасъ же къ нимъ на домъ. Первый изъ нихъ, очевидно, пораженъ былъ моимъ приходомъ и не зналъ, что дѣлать.

— Ты зачѣмъ это убѣжалъ?

— Я... я... простите Христа ради! и упалъ на колѣна.

Тутъ вступился отецъ и началъ спрашивать меня, въ чемъ дѣло; онъ очевидно ничего не зналъ. Когда я ему все разъяснилъ, то онъ схватилъ лопату, стоявшую въ углу и сказалъ:

— Расшибу пса!! Какъ ты смѣлъ?!

Пришлось не мало мнѣ употребить хлопотъ, чтобы спасти несчастнаго бѣглеца отъ родительской расправы.

— Бѣги ужъ скорѣй въ школу! крикнулъ я ему.

Во мгновеніе ока онъ исчезъ. Почти такимъ же образомъ вывели и другого... Случаи эти неприятны, но все-таки я очень доволенъ. Я убѣдился самъ и показалъ ребятишкамъ, что имѣю немалое вліяніе на ихъ отцовъ, и что „бросить учиться“ по собственному изволенію нельзя,—только осрамишься.

20 декабря, вторникъ. Замѣтно сильное утомленіе и въ учащихся и въ учащихъ. Славу Богу! поработали. Пора и отдохнуть.

Сегодня подали мнѣ ученики 5-го и 6-го отдѣленія много чертежныхъ работъ. Глядя на эти работы, могу сказать, что главнѣйшими приемами черченія уче-

ники овладѣли вполне. Да, есть много чертежей прямо изящныхъ. Не стыдно будетъ показать людямъ.

Занятія слабѣютъ. Мы позволяемъ себѣ вольности: вмѣсто скучной возни съ объясненіемъ и спрашиваніемъ уроковъ читаемъ интересныя и поучительныя статьи и книги. Такъ, на урокъ русскаго языка, я прочелъ своимъ старшимъ ученикамъ превосходныя выдержки изъ „Великой Дидактики“ Яна Амоса Коменскаго. Великія мысли великаго человѣка! Какъ онѣ сродни всѣмъ и какъ укладываются въ головѣ. Ребята въ восторгѣ и послѣ урока попросили даже у меня книгу, чтобы списать себѣ кое-что на память.

Вечеромъ я все подсчитывалъ недоплаченныя учениками деньги за содержаніе въ общежитіи и за письменныя принадлежности. Оказалось долговъ около 75 рублей. Много! Нужно покрѣпче „наказать“, чтобы взяли денегъ послѣ святокъ. Подсчиталъ также, сколько вышло керосина за три мѣсяца, оказалось 5 пуд. 30 фунтовъ. Это,—по раскладкѣ съ cadaго ученика придется не болѣе 10 коп. въ мѣсяцъ. Не дорого.

21 декабря, среда. Въ классѣ говорилъ ученикамъ о необходимости каждому завести дневникъ. Съ новаго года всѣ общались начать. Это должно помочь выработкѣ рѣчи.

Вечеромъ повѣрялъ дѣятельность конторщика, т. е. ученика, завѣдующаго продажей письменныхъ принадлежностей, и остался имъ недоволенъ. Мало порядка. Я предложилъ ему отставку, благовидно, разумѣется,—шадя его самолюбіе. Назначенъ новый конторщикъ, Минѣевъ, мальчикъ безусловной честности и строжайшаго порядка.

22 декабря, четвергъ. Роспускъ. Роспускъ у насъ

всегда бывает торжественный. Сегодня, послѣ второго урока, я объявилъ ученикамъ, что занятія до 8 января прекращаются. Затѣмъ встали на молитву. Послѣ нея роздали табели съ отмѣтками (впрочемъ, только иносельнымъ). Затѣмъ я сказалъ имъ рѣчь о трудѣ и отдыхѣ, взявъ пословицу: „нѣтъ въ жизни праздника тому, кто не трудится въ будни“.

Послѣ этого простились и отправились „каждый во свояси“.

8 января, воскресенье. Елка. Я думаю, — уже ни у кого нѣтъ теперь елки, кромѣ насъ; но намъ раньше нельзя было устроить ее. Общежитники уѣзжали по своимъ селамъ на всѣ святки. А намъ хочется, чтобъ и они были на елкѣ.

Мы, учащіе, тотчасъ послѣ обѣдни занялись украшеніемъ елки. Сосенку (ель у насъ не растетъ) поставили во второмъ классѣ, завѣсили окна и заперлись. Все дѣлается въ секретѣ отъ учениковъ, съ расчетомъ—произвести большее впечатлѣніе. А они было вообразили, что мы и ихъ пригласимъ украшать елку и, лишь успѣли пообѣдать, всѣ явились въ школу, — набились въ корридорахъ и толпились около дверей... Нѣтъ, милые, погодите! и безъ васъ управимся, а съ вами тутъ самъ себя потеряешь.

Большинство изъ маленькихъ учениковъ понятія не имѣютъ о елкѣ,—а потому понятно ихъ любопытство.

— Да скажи ты, что это за елка такая? — слышу разговоръ за дверями: вѣдь, ты, чай — видѣлъ у бабина-то?

— Елка? да просто сосна.

— Сосна? Самъ ты — сосна! Кабы сосна была,

такъ и говорили бы „сосенка“, а не „ёлка“ — стало быть ель.

— Ну ужъ совсѣмъ не ель: ели-то у насъ и поглядѣть нѣтъ. Это, братъ, сосна ряженая.

— Да чтожъ она въ цвѣтахъ, чтоль? или въ платьѣ какомъ, какъ вонъ на святки наряжаютъ?

Бѣдный не понималъ ничего въ елкѣ и очевидно стѣснялся своего товарища, но любопытство брало свое и онъ разспрашивалъ... Много слышится за дверью и другихъ разговоровъ и все про елку. Мнѣ, наконецъ, надоѣла ихъ болтовня, и я попросилъ С. Я—ча занять ихъ повтореніемъ пѣсенъ, приготовленныхъ къ елкѣ. Занялись. Мы тѣмъ временемъ все кончили и ушли, заперевъ школу.

Описаніе самой елки, праздника, продолжаю по выдержкамъ изъ ученическихъ сочиненій, заданныхъ имъ вскорѣ послѣ елки.

„Въ семь часовъ, пришли учителя и собрали всю нашу школу въ первый классъ. Потомъ велѣли взяться попарно за руки и идти во второй классъ, начиная съ младшихъ. Мы пошли. Во 2-мъ классѣ насъ встрѣчаетъ Викторъ Ивановичъ и разставляетъ вокругъ елки хороводомъ, то-есть кругомъ. Каждый, какъ только входилъ, удивлялся на елку. Да и какъ не дивиться-то?! Мы сроду не видѣли эдакого чуда! Батюшки, родимые! Огней-то что, золотыхъ-то орѣховъ, ручекъ, ножичковъ, конфектъ—и чего, чего только нѣтъ! Ну ужъ диковина! Рублей, чай, 100 стоитъ!... (Елка стоила 16 рублей). Вотъ бы нашимъ чадаевскимъ ребятамъ поглядѣть!...“

„Когда устави́ли учениковъ вокругъ елки,—пишетъ другой авторъ,—пришли наши батюшка съ матушкой

со своими гостями. Пѣвчіе и мы запѣли гимнъ народный. Въ это время отдернули занавѣсъ съ новаго портрета Государя Императора, опустили лампу, а портретъ освѣтили какимъ то свѣтлымъ, голубымъ огнемъ. И прекрасно какъ вышло! Императоръ, словно живой, взглянулъ на насъ изъ широкой золотой рамки. Какъ пропѣли гимнъ, батюшка сказалъ намъ и отцамъ поученіе про елку. Онъ сказалъ, что послѣ трудовъ можно и повеселиться иногда, но только разумно. Потомъ онъ сказалъ: — за здоровье Отца нашего Государя Императора—ура! за Государыню Императрицу и за весь царствующій домъ. Потомъ кричали „ура“ за всѣхъ нашихъ высокихъ начальниковъ и старателей. Послѣ того запѣли: „Слава на небѣ высокому солнцу, слава!“ Къ этой пѣснѣ прибавили новый стишокъ: „Слава училищу нашему, слава!“

Третій ученикъ описываетъ: „Очень даже хорошо пѣли наши пѣвчіе. Но особенно хорошо выходило, когда пѣли мы *всѣ*: на примѣръ, „Птичку“ такъ пѣли, то-есть всѣ. Одна маленькая дѣвочка представляла птичку и пѣла птичкины слова: „Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ я вамъ, миленькія дѣти!“ А мы представляли ребятишекъ, которые ее поймали и пѣли: „нѣтъ, не пустимъ, птичка, нѣтъ, оставайся съ нами!“ и другія слова. Чудесно выходило!.. Еще мнѣ понравилось представленіе сказки „О рыбацкѣ и рыбкѣ“, которую Пушкинъ сочинилъ. И чудно такъ устроили! Ученикъ Вершининъ изъ перваго класса былъ старикомъ, а ученица Соколова — старухой. Старуха сидитъ и пряжу прядетъ, а старикъ сѣти чинитъ. — Вотъ старуха и посылаетъ старика рыбу ловить: „шелъ бы ты, старый, хоть къ морю, наловилъ бы рыбешки на

ужинъ!“ А онъ ей отвѣчаетъ: „я и то ужъ давно собираюсь, да вотъ сѣтъ у меня расхулилась“. Эти слова и еще кое-какія присочинили учителя, а остальное все читали, какъ у Пушкина сочинено..

„Когда старуха стала царицей, то ее нарядили и не узнаешь. На голову вѣнокъ изъ золотой бумажки надѣли, на плечи шаль дорогую накиннули, а по сторонамъ стражу разставили,—сторожа на плечахъ топорики золоченные держать. А она сидитъ на мягкомъ стулѣ, ровно и впрямь королева какаѣ“.

Изъ четвертаго сочиненія: „Какъ стали раздавать подарки, *по жеребьямъ*, сердце у меня такъ и *захолонуло*: что то достанется? Крикнули меня, подошелъ я, вынулъ *жеребий*, а мнѣ достались ремень (поясъ), ножичекъ и много конфектъ. Я былъ очень радъ“.

Хорошо, чисто и какъ-то нѣжно по-дѣтски провели этотъ вечеръ. Намъ было очень пріятно глядѣть на праздную толпу этихъ бѣдныхъ трудовыхъ дѣтей, на ихъ разгорѣвшіяся лица и блестящіе глазенки!.. Многие изъ нихъ нигдѣ, кромѣ школы не переживали, а можетъ быть и не переживутъ такихъ сладкихъ мгновений.

Насъ страшно тѣснили во все время взрослые крестьяне, родители учениковъ, пришедшіе и даже пріѣхавшіе взглянуть на нашъ праздникъ. Удалили бы мы ихъ съ удовольствіемъ, да и жаль; гдѣ они увидятъ что нибудь подобное?

Поздно кончился нашъ праздникъ. Довольные, съ словами самой искренней благодарности разошлись дѣти по своимъ угламъ. Думаю, многимъ снилась въ эту ночь елка и еще долго будетъ сниться.

11 января, среда. Вечеромъ ѣздилъ съ двоими

старшими учениками въ деревню Гремячевку, приготовить тамъ кое-что къ открытію школы грамоты. По нѣкоторымъ причинамъ, отъ насъ независящимъ, дѣло объ открытіи тамъ школы грамоты тянется съ ноября и только теперь оно близко къ осуществленію.

Къ школьной избѣ, куда мы заѣхали, собралась большая толпа ребятъ; я ихъ зазвалъ въ избу, и началъ переписывать желающихъ учиться. Оказалось, что желаютъ-то всѣ, но троимъ никакъ нельзя учиться по семейнымъ обстоятельствамъ. Мнѣ захотѣлось поиспытать будущихъ учениковъ и я вступилъ съ ними въ бесѣду. Спрашиваю:

— Знаете-ли хоть какую нибудь молитву? Кто знаетъ—выходи напередъ.

Трое вызвались прочесть „Богородицу“. Читаютъ. Но, Боже мой, что они сдѣлали съ молитвой, до чего исказили! Молитва, вѣроятно, передавалась по преданію отъ предковъ къ потомкамъ и искажалась послѣдовательно.

— Знаете-ли хоть пѣсни какія? спросилъ я ихъ.

Многіе вызвались пропѣть какую-то пѣсню. Я велѣлъ пѣть, но тотчасъ же пришлось остановить пѣніе, такъ какъ это была одна изъ гѣхъ трактирныхъ красотъ, которыхъ нельзя выносить. Бѣдно, скудно! Наши сельскіе *не ученики* несравненно развитѣе, чѣмъ эти, деревенскіе. Это потому, конечно, что на нашихъ производятъ, хотя и косвенно, довольно сильное и благотворное вліяніе школы, а на этихъ нѣтъ.

Ну, да теперь, Богъ дастъ, и они перемѣнятся. Вѣдь они ужъ „наши“, они учиться пришли, и это значитъ, что они скоро будутъ неузнаваемы.

Я долго бесѣдовалъ съ дѣтьми и „всякими ласко-

выми словами“, какъ они потомъ выражались, старался привлечь ихъ къ себѣ, внушить довѣріе къ школѣ и охоту ко всему для нихъ новому дѣлу.

— Радъ ты учиться-то, милый? спрашиваю одного.

— Еще бы! Мнѣ ужъ и сумку сшили.

— А зачѣмъ вздумалось тебѣ учиться?

— А какже? Чай, тогда буду всякія молитвы читать и Псалтирь... У насъ вѣдь только тетенька Пелагея и умѣетъ читать, а то никто еще.

Другой возразилъ ему:

— А писарь-то еще? А прикащикъ? А Березинъ-то, кой у нихъ въ училищѣ учится?

— У насъ, продолжалъ первый, надъ покойникомъ некому читать, коли тетенькѣ Пелагеѣ некогда, либо дома нѣтъ.

— Ну, а солдатамъ письма кто пишетъ?

— Писарю все кланяются, да онъ даромъ-то не пишетъ. Вина велитъ куплять, самоваръ ставить, да еще деньгами копѣекъ 10-ть.

— Ну, а когда ты выучишься писать, даромъ, что-ль, письма-то писать будешь?

— Ужъ только бы привелъ Господь, не то что письма, я бы поминанья-то по всей деревнѣ новыя написалъ. Да нѣтъ, не выучишься!

— Ну, вотъ пустяки! Выучишься, только старайся, да Богу молись, чтобъ разуму далъ. Да вотъ еще что, ребятки, всѣ запомните: Богъ не даетъ толку въ ученіи тому, кто ругается нехорошими словами. Кто ругался—брось, а то не дастъ Богъ понятія. Не станете больше говорить поганыхъ словъ?

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Я нарочно заговорилъ объ этомъ, потому что и

раньше зналъ о процвѣтаніи этого рода „словесности“ среди здѣшняго населенія.

Распростившись съ дѣтьми, я отправился домой, оставивъ съ ними одного изъ своихъ спутниковъ, мальчика, ихъ будущаго учителя.

13 января, пятница. Туго что-то дается ребятамъ ученіе о строѣ рѣчи (синтаксисъ). Сегодня былъ урокъ о сочиненіи предложеній. Правила, разумѣется, знаютъ, и не могу сказать, чтобъ безъ понятія, но странно то, что очень затрудняются придумывать собственные примѣры на изученное правило, а это признакъ поверхностнаго усвоенія самаго правила. Долго я бился съ ними и, наконецъ, рѣшилъ прибѣгнуть, какъ и всегда въ затруднительныхъ случаяхъ, къ наглядности. Сегодня была рѣчь о дополнительныхъ предложеніяхъ. Не понимаютъ, что цѣлое предложеніе можетъ быть дополненіемъ къ глаголу. Показываю на картину Рождества Христова, висящую на стѣнѣ, и говорю:

— Смотрите на картину и передавайте мнѣ, что вы видите, на ней дѣлается? И не только называйте мнѣ предметы, которые вы видите, но говорите, что эти предметы дѣлаютъ.

Подумали минуты двѣ-три. Спрашиваю одного, что онъ видитъ.

— Я вижу, отвѣчалъ онъ, стоятъ ясли, въ нихъ брошено сѣно, на сѣнѣ лежитъ Младенецъ Христосъ, сбоку стоитъ Его Матерь, рядомъ праведный старецъ Иосифъ, тутъ же стоятъ овцы, вдали виднѣются идущіе пастухи.

Спрашиваю другихъ—отвѣчаютъ въ томъ же смыслѣ. Теперь мнѣ осталось только помѣстить между „вижу“ и слѣдующими предложеніями союзъ „что“,

и ученики сразу поняли, что такое дополнительное предложеніе. Завтра поупражняемся безъ картинъ.

15 января, воскресенье. Вечеромъ ѣздили въ Гремячку показывать туманныя картины. Хочется привлечь побольше учениковъ въ школу и расположить къ ней ихъ родителей... Изба полна, духота страшная, а потому и фонарь дѣйствовалъ не безукоризненно. Но нужно было видѣть эту онѣмѣвшую отъ удивленія толпу, чтобы понять всю силу произведеннаго впечатлѣнія. Дивились и старые, и малые.

По окончаніи всего я объявилъ крестьянамъ, что завтра приѣдемъ служить молебенъ и начнемъ ученье, а потому пусть они ведутъ дѣтей въ школу.

16 января, понедельник. Наконецъ-то открыта школа въ нашей приходской деревнѣ Гремячкѣ. Сегодня законоучитель, я, и одинъ изъ учениковъ VI отдѣленія ѣздили ее открывать. Мы обѣщали прибыть къ 10 часамъ, но опоздали на часъ. У околицы насъ встрѣтила толпа ребятокъ. Они разомъ всѣ сняли шапки и громко привѣтствовали насъ.

Приѣхали мы, входимъ въ школу—школьная изба неузнаваема; въ ней чистота небывалая. Матери учениковъ были на столько усердны, что выскоблили не только полы, но и стѣны и даже потолки. Насъ пріятно удивило это.

Скоро пришли отцы и матери. Въ избѣ стало ужасно тѣсно. Ребятъ мы устали чинно за столами. Начался молебенъ. Непривычно было видѣть за столами дѣтей, не поющихъ „Царю небесный“. вмѣсто одушевленнаго и громогласнаго пѣнія всей школы, намъ пришлось пѣть троемъ. А бѣдныя дѣти рта не

открывали. Во время молебна мы замѣтили, что многіе изъ нихъ не умѣютъ даже правильно креститься.

Послѣ молебна о завѣдующимъ было сказано теплое и назидательное слово къ родителямъ и дѣтямъ о необходимости ученія, о желательномъ отношеніи къ школѣ родителей и учащихся. Затѣмъ, окропивъ дѣтей святой водою, онъ уѣхалъ. Я далъ первый урокъ и, наставивши еще разъ твердо и подробно учениковъ VI отдѣленія своей школы въ томъ, что они должны дѣлать въ теченіе четырехъ дней, тоже уѣхалъ. Уходя я сказалъ:

— Ну, прощайте, ребятки.

— *Господь съ тобой!* отозвались мнѣ десятки дѣтскихъ голосовъ.

Меня до глубины души тронуло это привѣтствіе, точно и сейчасъ оно у меня въ ушахъ. Наши ученики сказали бы мнѣ обычное и сухое: „Прощайте!“ а это „Господь съ тобой!“ не въ примѣръ нѣжнѣе и сердечнѣе.

Въ самомъ веселомъ расположеніи духа ѣхали мы обратно. Благодареніе Богу за все!

17 января, вторникъ. Я долженъ сказать нѣсколько словъ о нашихъ миссіонерскихъ противораскольническихъ занятіяхъ.

Ученіе о заблужденіяхъ раскольниковъ-старообрядцевъ введено въ кругъ учебныхъ предметовъ нашей школы вслѣдствіе необходимости и ясно сказывавшагося желанія самого народа. Окрестность наша на далекое пространство заражена расколомъ, преимущественно безпоповщиной.—Религіозные вопросы, возбуждаемые раскольниками, сильно занимаютъ населеніе. Между тѣмъ людей, ознакомившихся съ ученіемъ

раскола болѣе или менѣе, подробно и основательно, нѣтъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ священниковъ. И вотъ, нѣкоторые изъ крестьянъ, интересующихся духовными вопросами, не разъ говорили намъ, что хорошо бы было, еслибъ мы изъ своей школы выпускали учениковъ, могущихъ, „хоть малость“ противодѣйствовать расколу. Требованіе это, хотя и выше задачъ начальной школы, однако почтенно и заслуживало полного вниманія. Зная, какъ сильно развиты у насъ среди народа собесѣдованія о вѣрѣ, мы представляли себѣ, случаи въ родѣ слѣдующаго. Вотъ въ праздничный день въ деревнѣ, гдѣ нибудь на завалинѣ или въ избѣ, собрался кружокъ крестьянъ. Тутъ есть и раскольники. Случайно завязывается споръ, хотя бы изъ-за того, что раскольникъ, войдя въ избу, не перекрестился на иконы. Въ числѣ другихъ въ избѣ находятся одинъ или двое изъ только что кончившихъ нашу школу. На нихъ смотрятъ какъ на *ученыхъ людей*. Въ спорѣ раскольникъ, допустимъ беретъ верхъ, какъ человекъ начитанный; православные „уповательно“ смотрятъ на ученыхъ людей и, наконецъ, въ самую важную минуту просятъ ихъ принять участіе и заступиться „за истинную вѣру Христову“ и ужъ заранѣе про себя торжествуютъ; и вдругъ, о ужасъ! тѣ встаютъ и удаляются заявляя, что *ихъ этому не обучали*.

— Эхъ вы, ученые! Чему же васъ учили-то? Тоже на сторону васъ возили, деньги платили, а вотъ Митрій (извѣстный раскольникій совопросникъ) куда не ѣздилъ, да и то больше вашего знаетъ! Ученые!!

Признаться, представленіе подобныхъ картинъ, воплнѣ возможныхъ, насъ сильно угнетало, и мы рѣшили сдѣлать опытъ ознакомленія учениковъ съ за-

блужденіями раскола и обличеніемъ ихъ. Опытъ удался, какъ нельзя лучше. Ученики охотно, очень охотно принялись за изученіе предмета. Черезъ два года добрые плоды не замедлили обнаружиться. Мы очень торжествовали, когда узнали, какъ одинъ изъ нашихъ учениковъ „замкнулъ уста“ одному старику-начетчику, на базарѣ, когда тотъ передъ толпой сталъ толковать картину „пришествіе антихриста“. Такихъ случаевъ ужъ было не мало. Народъ сильно интересуется ими и молва о школѣ распространяется. И раскольники насъ замѣтили. Нерѣдко, въ праздникъ въ школу приходятъ начетчики нашего и сосѣдняго села и просятъ ту или другую книгу — „справиться“. И весьма часто за справкой слѣдуетъ длинная и живая бесѣда.

18-го января, среда. Сегодня получилъ отъ одного изъ учителей грамоты, кончившихъ нашу школу, сочиненіе на тему: „Мое родное село теперь и какимъ бы я желалъ его видѣть“.

Авторъ безотрадно смотритъ на окружающую его безграмотность, а потому *настоящее* своей родины представилъ въ мрачномъ, неприглядномъ свѣтѣ. Много выведено имъ печальныхъ случаевъ изъ жизни. „Якорь спасенія“ онъ видитъ въ поголовномъ обученіи грамотѣ всего народа, — и мужчинъ, и женщинъ. „Эхъ, когда-то придетъ это время, восклицаетъ онъ, когда просвѣтится родная земля? Хотя бы однимъ глазкомъ въ щелочку бы посмотрѣть! Нѣтъ, не дожику я!“

Окончившіе школу (2 класса) не теряютъ съ ней связи. Часто по праздникамъ пріѣзжаютъ погѣть въ церкви, побесѣдовать съ учителями и товарищами, взять книгъ изъ библіотеки для чтенія и иногда пред-

ставить намъ какое нибудь „сочиненіе“ на разсмотрѣніе. Сочиненія эти мы отдаемъ на прочтеніе ученикамъ VI отдѣленія. Между авторами и читателями завязываются оживленные споры. Последнее слово принадлежитъ намъ, учителямъ. Мы разбираемъ сочиненія въ классѣ, указываемъ промахи и удачныя мѣста. За лучшія работы выдаемъ награды въ видѣ книгъ. Вышеупомянутое сочиненіе „Мое родное село“ предоставлено авторомъ на соисканіе наградной книги.

20 января, пятница. Я еще до Рождества совѣтывалъ завести ученикамъ дневники. Они, разумѣется, завели, и вотъ мнѣ захотѣлось полюбопытствовать, что то въ нихъ пишется? Сегодня отобралъ у старшаго отдѣленія, прочиталъ и получилъ большое удовольствіе.

Очень жаль, что раньше, въ прежніе годы, не пришло мнѣ въ голову ввести дневники въ обычай. Теперь я вижу, что они важны и для насъ, учителей, служба часто оцѣнкою нашей дѣятельности, показателемъ ея успѣховъ и обличеніемъ недостатковъ ея. По нимъ мы можемъ провѣрять себя. Болѣе любопытныя странички изъ ученическихъ дневниковъ я буду записывать въ свой. Для перваго раза выпишу изъ дневника ученика Ванина:

„Всегда слыша поученія учительскія, мы что-то мало исполняемъ ихъ. Вотъ и сегодня учитель на урокъ Церковной Исторіи рассказывалъ намъ житіе Преподобнаго Сергія. Онъ высказывалъ намъ много про его святую и любвеобильную душу, показалъ всѣ его подвиги и потомъ, обращаясь къ намъ, сказалъ: вотъ какіе люти-то были! Вотъ и намъ нужно подражать имъ: вѣдь преподобный Сергій не ангельскій былъ, а человѣкъ же, подобный намъ, значитъ уподобиться-то ему можно!“ Постарайтесь-ка хоть въ сотой долѣ подражать его смиренію!“

Онъ указаль намъ много случаевъ смиренія преподаваго Сергія. Пока учитель говорилъ, сердце такъ и кипѣло: такъ бы вотъ и сталъ подражать святымъ... Но грѣхъ пересиливаетъ и мы заглушаемъ терніями доброе сѣмя, падающее въ души наши. Какъ это досадно и даже стыдно! Вотъ и сегодня. Послѣ этого урока намъ, ужъ большимъ парнямъ, не стыдно было чуть не подрасться съ учениками III и IV отдѣленія изъ-за учительскаго стула. Они воровскимъ образомъ хотѣли похитить стулъ изъ нашего класса и взять къ себѣ, — ихъ стулъ хуже. Мы замѣтили ихъ проказы и стали отбивать стулъ, подняли гвалтъ и крикъ. Пришелъ на шумъ учитель, разобралъ дѣло и, покачавъ головой, сказалъ: „вотъ васъ и поучай! Вы, какъ глупыя дѣти. Гдѣ же ваше смиреніе?“ Стыдно намъ стало. Лучше бы провалиться. Эдакого искушенія — и то не вынесли!!...“

Возвращая дневники назадъ, я похвалилъ каждого и просилъ писать старательнѣе и откровеннѣе. Дневники — это кладъ для воспитателя во многихъ отношеніяхъ. Вѣдь почти каждый день ученикъ что нибудь да запишетъ въ тетрадку. А это развѣ не имѣетъ значенія въ его развитіи? Но кромѣ того мы увѣрены, что дневники сослужатъ хорошую службу и учебному дѣлу, потому что писать складно, правильно и красиво можно научиться лишь путемъ ежедневныхъ упражненій.

21 января, суббота. Недѣля о мытарѣ и фарисеѣ.

На вечерней молитвѣ пѣли стихиру: „Покаянія отверзи ми двери“ и кондакъ, а прекрасную и умильную стихиру: „Фарисей тщеславіемъ побѣждаемъ“ пѣли даже съ канонархомъ.

На вечернюю молитву къ намъ ходятъ помолиться старушки; сегодня онѣ особенно благодарили насъ, умилившись „сладкимъ“ нашимъ пѣніемъ. „Лучше монастырскаго у васъ“, говорили онѣ. Съ початіемъ Тріоди постной, существенно измѣнится чинопослѣ-

дованіе и нашихъ молитвъ. Многое придется позаимствовать изъ Тріоди, примѣняясь къ измѣненіямъ церковнаго богослуженія.

Молитва у насъ всегда совершается торжественно, и потому, являясь молитвой, она въ то же время доставляетъ высокое наслажденіе. Мы много поемъ молитвъ и стараемся разыскивать какіе нибудь старинные, умиленные напѣвы. Ежедневныя молитвы у насъ совершаются въ томъ порядкѣ и объемѣ, въ какомъ онѣ изложены въ молитвословѣ, за исключеніемъ трехъ молитвъ, взамѣнъ которыхъ вводится пѣніе разныхъ тропарей и пѣснопѣній, соответствующихъ дню, напр. „Заступнице усердная“, „Не вѣри мя человѣческому предстательству“ и др. Наканунѣ праздника и въ самый праздникъ порядокъ молитвъ существенно измѣняется; — чтенія совсѣмъ мало, преобладаетъ пѣніе. Поемъ: „Господи воззвахъ“, стихиры и богородиченъ гласа; а въ Воскресенье, вмѣсто „Господи воззвахъ“ и стихирь, — „Воскресеніе Христово видѣвше“. Въ праздники тоже дѣлаются соответствующія измѣненія.

Постомъ бываетъ тоже много разнообразія. Ученикамъ заблаговременно даемъ выучивать великопостныя пѣснопѣнія наизусть; на примѣръ учатъ: „Постышися, братіе, тѣлеснѣ, постимся и духовнѣ“, „Приидите, вѣрніи, животворящему древу поклонимся“, „Стопы моя направи“, „Господи аще не быхомъ“ и многія другія. Все это разнообразіе оживляетъ молитвенное настроеніе, спасаетъ отъ безучастнаго (механическаго) отношенія къ молитвѣ, и, напротивъ возбуждаетъ благоговѣніе, доходящее у нѣкоторыхъ — до восторженности. Объ этой послѣдней чертѣ я сужу по пѣнію.

22 января, воскресенье. Я ѣздилъ въ сосѣднее село,

въ школу, съ фонаремъ, показывать свѣтотыя картины. Вмѣстѣ съ учениками пришли и многіе изъ родителей. Картины выходили прекрасно, какъ никогда. Много дивились старыя, и малыя.

— Диковина! Гляди,—словно живой Царь-то!

— Да, привелъ Господь! Все одно, что живого видѣли.

— И какъ это, братецъ ты мой, народъ дохитрится?

— Да, мы съ тобой, дядя, пожалуй не додумаемъся до эдакой штуки. Здѣсь, братъ, наука!

— Извѣстно—наука. Безъ науки не можно ничего. Не зря, вишь, и ученье-то вездѣ вонъ пошло; почитай въ каждой деревнѣ училищу заводятъ. Эхъ, легче, знать, ученымъ-то жить будетъ!

— Извѣстно!

Ночью отобралъ кое у кого дневники почитать (въ послѣднее время это мое любимое чтеніе). Въ дневникѣ ученика Ив—го прочелъ преинтересное описаніе открытія школы въ Гремячевкѣ. Онъ ѣздилъ тогда вмѣстѣ съ нами. Опуская повѣствовательную часть, не могу не записать нѣкоторыхъ его личныхъ замѣчаній.

„Не то что пѣть или читать, говорить-то не умѣютъ, къ благословенію подойти не могутъ,—одна назола! *) А отцы еще говорятъ: „Зачѣмъ учиться, жили-де и такъ!“ Ну, слава Богу, теперь чловѣкъ 30 набрали въ школу. Мы ихъ образуемъ“.

Въ концѣ записи объ открытіи Гремячевской школы у И—го приложены слѣдующіе стихи:

Среди темнаго народа
Загарается заря;
Не забыта, знать, у Бога
И гремячевская тьма.

*) „Назола“—горе.

Тамъ въ избушкѣ старой, тѣсной
Засвѣтился огонекъ
И къ нему, какъ мухи къ свѣту,
Потянулись малыши...

Оно хоть и не вездѣ складно, но каково усердіе!
26 января, четвергъ. Завѣдующій Салмановской школою грамоты священникъ Н—овъ прислалъ сегодня намъ письмо, въ которомъ убѣдительно проситъ прислать ему въ школу (въ д. Салмановкѣ) кого либо изъ учениковъ VI отдѣленія въ учителя. Тамъ уже былъ какой-то учитель, но повелъ себя слишкомъ не по-учительски, за что и былъ, разумѣется, тотчасъ изгнанъ. Школа осталась безъ учителя въ самое горячее время; самому завѣдующему заниматься немыслимо, потому что школа въ 7 верстахъ отъ села, въ которомъ онъ живетъ. Вотъ онъ и обратился къ намъ. Я обратился къ ученикамъ VI отдѣленія съ предложеніемъ: не желаетъ ли кто изъ нихъ занять мѣсто въ Салмановкѣ?

Молчаніе. Спрашиваю:

— Почему не хотите?

— А самимъ-то какъ же? Придется вѣдь бросить образованіе собственное и отстать отъ товарищей.

— Объ собственномъ образованіи тужить нечего. Вы получили уже многое, а вспомните, сколько тамъ дѣтей не умѣютъ отличить правой руки отъ лѣвой. Подите же, поучите и ихъ. Вспомните слова Христа: „иже аще напоить единого отъ малыхъ сихъ чашею студены воды, аминь глаголю вамъ, не погубитъ мзды своея“ (Матѣ. гл. 10, ст. 42) и еще: „блюдите да не презрите единого отъ малыхъ сихъ“ (Мѣ. 18, ст. 10).

Рѣчь моя очевидно подѣйствовала, личные расчеты

отошли на задній планъ. Встаетъ Ш—въ и заявляетъ, что онъ желаетъ ѣхать въ Салмановку и принять школу. Я былъ очень радъ, что согласился ѣхать именно онъ.

Я далъ ему наставленіе и нѣкоторыя необходимыя руководства и онъ отправился.

— Прощай, Ш—въ! Не посрами школы!—кричали товарищи, когда онъ сѣлъ въ сани.

— Постараюсь, братцы! Прощайте, прощай, школа! Прощайте всѣ!... и крупныя слезы покатались по его лицу...

Намъ было жалко его. Онъ ѣхалъ на трудное дѣло... Но что дѣлать: всѣ они готовятся къ тому же. Ему пришлось только начать...

28 января суббота. Вчера двоихъ учениковъ школы грамоты не было въ классѣ. Справляюсь сегодня,—опять ихъ нѣтъ.

— Что они,—спрашиваю,—не пришли? Хвораютъ что-ли?

— Нѣтъ, у нихъ свадьба,—отвѣчали товарищи.

Сейчасъ же иду на свадьбу. Вхожу. Въ избѣ крикъ, шумъ, тѣснота; раскраснѣвшіяся лица; пьяныя рѣчи.

— Почему ребята не въ школѣ? спросилъ я хозяина.

— Ужъ извините, А. П., отвѣчалъ онъ. Мы ихъ задержали для свадьбы. Вѣдь я парня женилъ. Ну, извѣстно, чай, и имъ лестно поглядѣть-то.

И мнѣ нужно было объяснять, что ребенку глядѣть тутъ не на что, и что родители должны бы, напротивъ, на все время свадьбы удалить дѣтей въ школу или къ товарищамъ, чтобы они не видѣли всѣхъ безобразій...

Ребятишки, увидѣвъ, что я пришелъ за ними, слѣзли съ палатей, и подошли ко мнѣ.

Я велѣлъ имъ взять сумки и мы вышли изъ избы.

— Ну, что же вы на свадьбѣ-то дѣлали?—спросилъ я ихъ дорогой.

— Да такъ, на полатяхъ лежали, да глядѣли, какъ бабы и мужики вино пили и плясали.

— Ну, что же, понравилось вамъ это? Хорошо было?

— Нѣтъ: вѣдь, они всѣ пьяные.

— А вы-то пили водку?

— Дядя Макаръ вчера насильно влилъ намъ въ ротъ по стаканчику.

— Что же вы потомъ дѣлали?

— Я все плакалъ, а потомъ уснулъ, — сказалъ одинъ.

— А я не помню, какъ уснулъ. А нынче голова у меня больно болѣла, а то бы я пришелъ въ школу.

Похмѣлье въ 9-ть лѣтъ! Я едва вѣрилъ своимъ ушамъ и съ ужасомъ посмотрѣлъ на говорившаго мнѣ это мальчика, который, заложивъ одну руку въ пазуху, а другую въ карманъ, сѣменилъ около меня своими ножонками, обутыми въ бѣлыя валенки.

Въ школѣ мои плѣнники сидѣли невесело; на смѣны не выходили изъ-за партъ и все позѣвывали, какъ послѣ безсонной ночи.

4 февраля, суббота (родительская). Наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней къ намъ въ школу приходятъ ночевать ученики гремячевской школы грамоты, а также и наши сельскіе ученики школы грамоты, живущіе далеко отъ церкви. Ночуя дома, они не могли бы утромъ поспѣть къ заутренѣ.

Для ночлега мы отводимъ имъ помѣщеніе второго класса. Они сдвигаютъ въ одно полотно школьныя скамейки, разстилаютъ по нимъ два ковра, взятые изъ комнаты учителя,—бросаютъ въ головы вмѣсто подушекъ свои полушубки и кафтанишки и ложатся всѣ вмѣстѣ, „мостомъ“.

Сегодня случайно удалось мнѣ узнать, что между нашими и деревенскими установились недружелюбныя отношенія: наши дразнятъ гремячевскихъ дикарей.

Я занимался въ ближайшей комнатѣ, а они сидѣли въ своей спальнѣ и чрезъ перегородку мнѣ слышно было, какъ они перекорялись.

Посылаю бывшаго со мною въ библиотекѣ старшаго ученика унять ихъ. Замолкаютъ. Но вотъ среди общей тишины на всю комнату слышится шепотъ одного изъ нашихъ:

— Базулинъ! Баз-у-линъ!

— Да что ты? Вѣдь не велѣли „баить“-то.

— Эхъ ты—„баить!“ Развѣ такъ говорятъ, ученикъ тоже называется. Баить! Ну-ка, прочитай „Отче нашъ“.

— А ты думаешь не прочитаю?

— Знамо нѣтъ.

— Еще бы! Я бы прочиталъ, да А. П. не велѣлъ ба... говорить-то.

— Онъ только безъ толку „баить“ не велѣлъ, а уроки сказывать можно, поди хоть спроси его.

Базулинъ безукоризненно прочелъ „Отче нашъ“. Наши съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ слѣдили, не скажетъ-ли онъ вмѣсто „днесь“—„ѣсть“, какъ они сами недавно еще говорили.

— Ну, а 7 да 15 сколько?

— Двадцать, сколько!

— А просчитай до ста.

— До ста насъ еще не учили.

— Э! э! Васъ не учили, а мы до триста умѣемъ. Эхъ вы, тоже ученики считаетесь и въ ряды съ нами становятся еще! (Это въ церкви).

— Мало-ли что! Вы чай съ осени учитесь, а мы всего только три недѣли.

— То-то и есть: мы учимся, а вамъ лѣнь.

— У насъ училища не было.

— Не было! А теперь выросло что-ль?

— Избу у дяденьки Егора сняли.

— Ужъ и училище только, видѣлъ я—назола. Вотъ у насъ такъ училище, стоитъ званья.

Бѣдные гремячевцы не знали ужъ, что и отвѣчать на послѣднее положеніе. Нашихъ совѣмъ одолѣлъ духъ гордыни.

Чтобы положить на будущее время конецъ всякимъ препирательствамъ, я вышелъ и сталъ „мирить“ враждующія стороны и довелъ своихъ до сознанія, что они худо вели себя въ отношеніи къ деревенскимъ товарищамъ. Я ихъ пристыдилъ. Къ концу вечера, смотрю, ужъ друзьями стали. Ведутъ оживленные разговоры касательно букваря, картинъ и какой-то новой желѣзной печки, которую недавно купили въ гремячевскую школу, и которою, очевидно, тамошніе ученики вздумали было тоже хвастнуть. Наши ужъ стали сочувствовать бѣднымъ гремячевскимъ, и сожалѣть, что у нихъ школа плоха. Наконецъ, утѣшили ихъ сообщеніемъ, что на ихъ школу наши старшіе пишутъ красивую вывѣску: „школа грамоты“,—все, дескать, вамъ полегче будетъ!

Через полчаса ихъ голоса совсѣмъ умолкли, и, проходя черезъ ихъ комнату, я увидѣлъ, что всѣ они уже безмятежно спали на своей общей кровати, дружно обнявшись и прижавшись другъ къ другу, какъ птенцы въ родномъ гнѣздѣ. „Аще не будете какъ дѣти“... невольно пришло мнѣ на память.

7 февраля, вторникъ. Большое утѣшеніе доставило мнѣ письмо Ш—ва, отправленнаго 26 января учителемъ въ Салмановскую школу грамоты. Я приведу его здѣсь цѣликомъ.

„Вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ я въ Салмановкѣ. Школу я нашелъ въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Ученики плохи въ успѣхахъ, плохи и поведеніемъ. Никакой школьной выправки не имѣютъ, на примѣръ во время уроковъ ѣдятъ хлѣбъ, разговариваютъ и позволяютъ прочія безобразія. Многихъ трудовъ мнѣ стоило „образить“ ихъ. Я всѣми способами старался и стараюсь, чтобъ они меня прежде всего полюбили (я-то ихъ еще въ школѣ, на вашихъ урокахъ возлюбилъ). Обхожусь съ ними кротко, ласково. Сначала они боялись меня—думали, что я ихъ бить буду, ну а потомъ они подружались со мной. Теперь ужъ и не отвадишь ихъ отъ меня и школы, постоянно толкуются въ ней и даже надоѣдаютъ.

„Квартира школьная, а вмѣстѣ и моя, очень плоха, изба старая, худая; двойныхъ рамъ нѣтъ,—холодно. Но главная бѣда въ томъ, что тѣсно. Самъ я живу такъ: квартирую на школьныхъ полатахъ, обѣдаю, а иногда и чай пью, у старухи-хозяйки въ чуланѣ. Она у меня добрая и меня жалѣетъ. Жить бы ничего, да только ужъ очень скучно, особенно послѣ нашей, школьной-то жизни. Главная бѣда—школа въ деревнѣ,

а не въ селѣ. Вѣдь мы въ 7 верстахъ отъ церкви. На Срѣтенье, по причинѣ великой мятели, не былъ у обѣдни и учениковъ не водилъ. Эхъ, и тоска на меня тогда напала! И вспомнилъ я про школу. Какое вѣдь тамъ у насъ великолѣпіе въ службѣ-то Божіей: когда тамъ живешь, не чувствуешь, а вотъ на сторонѣ-то и вспомнишь. Поютъ ученики всѣ, поетъ хоръ, читаютъ ученики звонко, громко, отчетливо. А тутъ вотъ сиди, какъ „вранъ на нырищи“. Скучно, не съ кѣмъ слова сказать, только и отведишь душу, какъ сходишь въ Аристовку къ батюшкѣ. Эхъ, и человекъ онъ хорошій! Онъ меня любитъ, и я всегда въ праздникъ весь день сижу у него, какъ въ гостяхъ, а поутру на своей лошади и отвезетъ меня въ школу. Онъ все ведетъ борьбу съ раскольниками и жидовствующими еретиками. Многому онъ и меня поучаетъ. Дай ему Богъ здоровья, я много благодаренъ ему, а безъ него пропалъ бы съ тоски по школѣ. Иной разъ такъ и хочется убѣжать отсюда, да вспомню ваши поученія къ намъ и помянетъ на душѣ. Крестьяне меня уважаютъ и зовутъ въ гости—чай пить. Книгъ у меня довольно, беру у батюшки. На масляницу прибуду къ вамъ и доставлю подробное описаніе въ дневникѣ своего житія-бытѣя въ деревнѣ Салмановкѣ“.

8 февраля, среда. Роспускъ. Сегодня у насъ въ селѣ громадный базаръ. На базарѣ изъ трехъ школъ скопилось до 300 учащихся. Всѣ они вели себя строго прилично; для наблюденія были поставлены особые надзиратели. Ученики все больше вертѣлись около книжекъ и картинокъ. Книгъ было много, между ними попадались и порядочныя. Спросъ на книжку значи-

тельно увеличился сравнительно съ прежними годами. Школы дѣлаютъ свое дѣло.

Ученики разъѣзжаются по домамъ на масляницу.

— Остался бы ты, К., въ школѣ, сказала я одному изъ общежитниковъ: зачѣмъ домой-то ѣдешь, вѣдь у васъ нѣтъ коровы-то!

— Ужъ мама добьется гдѣ-нибудь молочка къ блинамъ, отвѣтилъ онъ, улыбаясь.

— Да, подумалъ я: какъ ни хорошо въ школѣ, а все-таки не то, что у родной матушки, въ родной избушкѣ.

„И дымъ отечества намъ сладокъ!“

6 февраля. Четвергъ. Масляница. Школа пустуетъ. Мы, учителя, пользуясь досугомъ, кое-что исправляемъ. Поправили распатавшіяся классныя доски, счеты, нѣкоторыя скамейки и проч. Провѣрили также наличность книгъ по каталогамъ.

Приходилъ кое-кто изъ здѣшнихъ учениковъ въ библиотечку—книжки смѣнить. Между ними есть одинъ Г.—большой любитель чтенія. Онъ читаетъ книги вмѣстѣ съ отцомъ. Къ нимъ приходятъ кое-кто изъ сосѣдей, любителей послушать.

Вечеромъ пріѣхалъ давно жданный нашъ ученикъ, учитель Салмановской школы грамоты. Онъ крайне радъ былъ повидѣться съ нами и о многомъ поговорить „усты ко устамъ“. Онъ сообщилъ, что школа, въ которую мы его послали, была въ совершенномъ забросѣ, ученики были страшно дики и невѣжественны.

Вечеромъ, словно по щучьему велѣнью, съѣхались почти всѣ наши учителя школъ грамоты. Мы, скучая

безъ дѣла, были очень имъ рады. Они пріѣхали повидаться съ нами, съ „матушкой-школой“, а также и „проститься“, ибо дни наступаютъ, „прощенные“, хотя мы, разумѣется, никогда и не думали ссориться. Гостямъ мы устроили чай. Самое собраніе ихъ само собою получило значеніе маленькаго учительскаго съѣзда.

Каждый рассказываетъ про „свою“ школу и ея особенности, про свои удачи и неудачи. Меня спрашиваютъ о разныхъ учебныхъ приемахъ. Разговоръ вообще вращается вокругъ явленій школьной жизни. Я очень радъ, что они оживлены и откровенны. Сижу подлѣ и наблюдаю этотъ кипучій народъ. Ахъ, какъ измѣнила ихъ школа! Каковы они были и каковы стали теперь—просто не вѣрится.

Разговариваютъ безъ умолку. Сказываются личныя особенности cadaго. Вотъ безъ конца повѣствуетъ о своей школѣ П., извѣстный „говорокъ“, какъ еще и въ школѣ его звали. Это одинъ изъ моихъ любимцевъ. По складу характера — это человѣкъ никогда неунывающій („завей горе веревочкой“), по складу ума—поэтъ. Онъ способенъ быстро восторгаться всѣмъ прекраснымъ и восторги сейчасъ пытается заключить въ стихи. Онъ учительствуетъ въ глухой деревушкѣ, верстахъ въ 20 отъ родины. Съ нимъ живетъ тамъ бабка Ирина, которую онъ величаетъ стихами Пушкина: „подруга дней моихъ суровыхъ, голубка дряхлая моя“. Безъ нея онъ жить не можетъ. По адресу бабки онъ написалъ не мало стихотвореній. По его рассказамъ, живетъ ему недурно, и онъ доволенъ своей долей; только какой-то попечитель-крестьянинъ докучаетъ ему своими невѣжественными и нелѣпыми

требованиями. Напр. просить, а потом уже и приказывает учить школяровъ (грамоты) *партесному* пѣнію, чтобы „побѣдить“ пѣвчихъ сосѣдняго села Явлейки, куда приходомъ и ихъ деревня. Ну, да это пустяки: священникъ поддерживаетъ его, а потому серьезныхъ неприятностей быть не можетъ.

Рядомъ съ нимъ сидитъ старшій братъ его Ф. Онъ—прямая противоположность брату. Про него говорятъ: „нашелъ—молчитъ и потерялъ—молчитъ“. Юноша серьезный и скромный до нелюдимости. Учился всегда и кончилъ школу первымъ. Но на учительскомъ поприщѣ ему что-то не везетъ. Не потому, —чтобъ онъ плохо зналъ свое дѣло,—напротивъ, онъ лучшій изъ всѣхъ, а потому, что онъ учительствуетъ въ своемъ селѣ, на родинѣ, и не пользуется тѣмъ влияніемъ на учениковъ и ихъ родителей, какъ его товарищи, учительствующие на чужбинѣ. Явленіе печальное, но, къ сожалѣнію, не единичное.

— Ты что, Ф., ничего не расскажешь намъ про свое житье? спрашиваютъ товарищи.

— Чего говорить-то! Плохо учительствовать въ своемъ селѣ. Ребята меня, можно сказать, любятъ, да родители не жалуютъ. Вотъ недавно, одинъ пьяный такъ ни-зачто-ни-просто меня разругалъ: —ишь ты, говоришь, умницей какимъ сталъ! Да ты изъ дворянъ, что-ль? Поди еще поучись самъ-то!... и пошелъ и пошелъ...

— Ну, у насъ этого не бываетъ, заявилъ братъ, меня все въ гости зовутъ по праздникамъ.

— И меня! и меня! отозвались нѣкоторые.

— Ну, и на сторонѣ, я вамъ скажу, ухо остро надо держать, замѣтилъ Ш., а то вотъ меня пригла-

сили къ А. (не то онъ баринъ, не то мужикъ, только пьяница страшный)—дѣтей на дому учить, и плату-было хорошую назначили, 4 руб. на мѣсяцъ. Я сталъ ходить, меня тамъ чаемъ угощаютъ, а потомъ стали просить, чтобъ я водку пилъ съ ними. Я все отнѣкивался, да только одинъ разъ они меня силой вздумали... Ну, и оробѣлъ я... Съ тѣхъ поръ будетъ къ нимъ ходить! Богъ съ вами и съ жалованьемъ-то! Выпей я хоть рюмочку, пропала бы моя головушка.

— Жить бы намъ ничего, А. П., да вотъ бѣда: книгъ нѣтъ для чтенія. Иной разъ и времени много свободнаго, почиталъ бы съ удовольствіемъ, а нѣтъ ничего; а не читать опять одичаешь.

— Вѣрно, вѣрно, сказалъ я: только какъ же быть? Изъ школьной библіотеки не могу же я раздавать вамъ книги, вѣдь вы ихъ раньше мѣсяца, а то и двухъ, не вернете. Вотъ свои собственныя могу еще кое-кому давать; а то старайтесь сами заводить свои библіотеки. Вотъ двое выписали „Приходскую библіотеку“, выписывайте и остальные; и дешево, и мило, вѣдь.

Двое передали мнѣ деньги для выписки имъ перваго выпуска „Приходской библіотеки“.

Конецъ вечера былъ литературный. Я много читалъ имъ разныхъ образцовыхъ литературныхъ произведеній и показывалъ туманныя картины! В. И—чь пѣлъ съ ними канты. Канты—это излюбленное наше пѣніе въ минуты лучшихъ настроеній.

Послѣ ужина и молитвы гости наши уснули, передавъ мнѣ свои дневники. Завтра почитаю съ удоволь-

ствіемъ. Я всегда радъ этимъ дневникамъ и письмамъ своихъ бывшихъ воспитанниковъ. Они — лучшіе двигатели нашей собственной энергіи, лучшая награда и отрада въ нашихъ трудахъ. Ужъ сколько разъ въ минуты унынія они ободряли пугливую душу мою.

12 февраля, воскресенье. Народъ гуляетъ. Катаются. Ребятамъ строго наказано не мучить лошадей долгимъ и безобразнымъ катаніемъ. Я очень долго сидѣлъ у воротъ и смотрѣлъ на веселящійся людъ. Вокругъ меня тотчасъ же собралась толпа ребятешекъ. Предлагаютъ услуги покатать на своихъ буланкахъ, но я, не сочувствуя этому бессмысленному занятію, отказываюсь. Взамѣнъ попросилъ ихъ спѣть мнѣ что-нибудь. Они съ удовольствіемъ пропѣли „Жавороночка“ изъ „Азбуки хорового пѣнія“.

Вечеръ. Конецъ суетной масляницы. Очень пріятно. Боюсь я этихъ продолжительныхъ праздниковъ. Ничѣмъ незанятый людъ выдумываетъ много глупостей, ребята смотрятъ на все это и, по свойству своей подвижной природы, перенимаютъ много нежелательнаго.

14 февраля, вторникъ. Сегодня начали говѣніе. У часовъ и вечерни читали ученики по назначенію. Всѣмъ молящимся нравится чтеніе *разныхъ* чтцовъ: „какъ колокольчики звенять“, говорятъ старухи. Въ самомъ дѣлѣ, монотонное чтеніе одного чтца быстро утомляетъ вниманіе, слухъ дѣлается мало впечатлительнымъ къ однообразнымъ звукамъ. Разные чтцы — совсѣмъ иное дѣло. Каждый ужъ однимъ своимъ голосомъ обращаетъ вниманіе и на себя, и на читаемое имъ.

За вечерней пѣли „Помощникъ и Покровитель“ — Бортнянскаго и „Душе моя“ — Георгіевскаго.

Къ вечерни пришелъ бывший ученикъ нашъ Ш. Отецъ по нуждѣ взялъ было его изъ школы и отдалъ въ городъ, въ трактирные мальчики. Жаль мнѣ его было: хорошій ученикъ. Теперь почему-то онъ явился опять домой и въ городъ ужъ не поидеть. Я спросилъ его — хочетъ ли онъ опять учиться? Онъ выразилъ полное желаніе. Я принялъ его опять въ среднее отдѣленіе. Нужно только послѣдить за нимъ, — не произвелъ ли на него трактиръ дурного вліянія.

16 февраля, четвергъ. Молимся. Пришли гремечевскіе ученики, они тоже говѣютъ съ нами. Послѣ дневного богослуженія мы поочередно занимаемся съ ними, стараясь наверстывать пропущенное время. Вчера и сегодня учили съ ними молитвы передъ причастіемъ. Вечеромъ учили ихъ пѣть съ помощью фисгармоніи.

Человѣкъ пять изъ старшихъ переплетаютъ книги, главнымъ образомъ старье чинятъ. Изъ деревни Гремечевки пришелъ столяръ Григорій говѣть. Я показалъ ему чертежъ *нивеллира*, приложенный къ нашему учебнику по землемѣрію и попросилъ сдѣлать. Онъ взялся сдѣлать. Я далъ ему досокъ и инструментовъ, и онъ ужъ работаетъ. Хорошо бы было, если бы точно устроилъ: весной, вмѣстѣ со съѣмкой плановъ, занялись бы и нивелированьемъ. Знаніе — крайне любопытное и не бесполезное для крестьянъ.

17 февраля, пятница. Приѣзжалъ ученикъ VI отдѣленія Ив — кій за книжками. Онъ говѣетъ дома, въ селѣ С. Къ нему въ избу собирается много богомольцевъ изъ деревень. И вотъ онъ имъ устроилъ чтенія. Все, что было у него подходящаго онъ уже

прочелъ имъ, а теперь пріѣхалъ ко мнѣ за книгами. Я обильно надѣлилъ его Троицкими листками, пусть ихъ назидаются во спасеніе. И—кій у насъ художникъ-самоучка. Сегодня онъ привезъ мнѣ контуръ Нерукотвореннаго образа, углемъ нарисованный на полотнѣ. Работа очень хорошая, да вотъ онъ не чааетъ расписать красками и все совѣтывался со мной. Жаль, что я-то еще меньше его понимаю въ этомъ искусствѣ; а впрочемъ попробуемъ: что-нибудь да выйдетъ, а худо выйдетъ, сождемъ. Какъ грустно и досадно бываетъ давать просящему у тебя хлѣба, хоть и не камень, а такъ... ничего не давать.

17—19 февраля. Въ эти дни мы приступили къ двумъ величайшимъ таинствамъ—покаянію и святому причащенію.

Почти все время ученики пребывали въ школѣ, и если не въ молитвѣ, то въ духовно-назидательныхъ чтеніяхъ и пѣніи.

Хочется глубоко на всю жизнь запечатлѣть въ юныхъ сердцахъ и умахъ глубочайшее уваженіе къ святынѣ Господней. Это важно сдѣлать именно теперь, въ дни гибкой молодости: благоуханіе раннихъ впечатлѣній сохранится до старости. Старшіе выучили трогательное стихотвореніе Глинки „Канунъ предъ святымъ Причащеніемъ“ (Завтра, завтра въ домъ Захвѣя Гость Таинственный придетъ и т. д.).

Предъ исповѣдью законоучитель, а потомъ и я выяснили всю важность таинства и убѣждали учениковъ отнестись къ нему съ полнымъ вниманіемъ.

Благо—все исполняется.

Законоучитель съ восторгомъ отзывается объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ исповѣдью во-

спитанниковъ. Сознательность, серьезность и пламенная, дѣтская вѣра — вотъ отличительныя черты этой исповѣди.

Ну, и слава Богу, коль это такъ. Имѣя крайнее желаніе насадить въ дѣтяхъ духъ на все полезнаго благочестія, мы всегда помнимъ объ опасности впасть въ противоположную крайность, и развить въ дѣтяхъ сѣмена лицемерія. Вѣдь это часто бываетъ.

Суббота. Сегодня сподобились причаститься святыхъ Таинъ. Святой, таинственный день. Какія все время мягкія, сладостныя и благодатныя впечатлѣнія! Къ обѣднѣ дѣти пришли всѣ нарядныя. Каждому мама нашла и новую рубашку, и поясокъ „отъ Угодника“ или лакированный ремешекъ.

Въ церкви всѣ раздѣлись и смѣшались какъ въ полѣ цвѣты, пестрѣя разноцвѣтными рубашечками. Пѣли хорошо и одушевленно. Но вотъ близится время. „Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите!“ Пѣвчіе спѣли „Благословенъ грядый“, ученики пали ницъ. Потомъ встали и запѣли: „Вѣрую, Господи и исповѣдую“. Это были чудныя мгновенья и для слуха и для зрѣнія, нужно было видѣть этотъ религиозный восторгъ, объявшій всю церковь, чтобъ составить объ немъ надлежащее представленіе. Мысль переносится къ первымъ днямъ христіанской исторіи, когда христіане совершали свои вечера, пламенѣя вѣрою...

Служитель Таинъ Божіихъ, держа въ рукахъ соудъ, плакалъ отъ умиленія, глядя на юную паству свою, просвѣщаемую свѣтомъ Христовымъ.

Многое пронеслось въ его представленіи, тревожа и радуя его любящее сердце.

У многихъ учениковъ тоже были слезы на глазахъ, слезы восторга и духовной радости.

„Быть можетъ, Ангель вашъ хранитель
Всѣ эти слезы соберетъ
И ихъ въ надзвѣздную обитель
Къ Престолу Бога принесетъ“.

Въ строжайшемъ порядкѣ, сложивъ руки крестомъ на груди, приступили мы всѣ къ чашѣ Христовой.

Послѣ литургіи ученики поздравили насъ, а мы ихъ. Сказано было, чтобъ свято проводили время, весь день поучаясь правдѣ Божіей, достойно благодаря Господа.

Такъ кончилось наше говѣнье, оставивъ по себѣ отрадныя воспоминанія. Очень жалѣю, что не было иносельскихъ, т. е. почти всего второго класса.

21 февраля, воскресенье. Послѣ литургіи былъ молебенъ Спасителю и Богоматери, затѣмъ—лобзаніе святыхъ иконъ. Священникомъ было сказано поученіе о торжествѣ православія. Въ 3 часа состоялось чтеніе о томъ же предметѣ. Ученики пропѣли „Пречистому Твоему образу“, „Заступнице усердная“ и много другихъ пѣснопѣній, подходящихъ къ историческому смыслу праздника.

Послѣ обѣда стали подѣзжать иносельскіе. Происходятъ обычныя привѣтствія. Приѣздъ ихъ, почему-то, всегда радостный день и для нихъ, и для насъ.

22 февраля, понедельник. Ученики съѣхались, кромѣ Шербакова и Ванина; эти заболѣли дома и, по рассказамъ, очень опасно. Замѣчательно; тяжело хвораютъ только дома, а не въ школѣ.

Очень хорошо теперь на вечернихъ молитвахъ. Читаемъ и поемъ кое-что изъ службъ тріоди постной,

какъ наиболѣе подходящее къ великопостному настроенію. Много стало приходиться постороннихъ молящихся, „прихожанъ нашихъ“, какъ мы ихъ зовемъ. У насъ съ ними большая дружба. Благочестивыя старушки приносятъ намъ елей для лампы, а иногда и денегъ на тотъ же предметъ. Нѣкоторые просятъ помянуть на молитвѣ за усопшихъ имя какого-нибудь родственника. За это общежитникамъ приносятъ иной разъ поминальное угощенье. Нѣкоторымъ людямъ, не знающимъ въ сущности русскаго народа, все это кажется страннымъ, но мы этого не боимся: въ дѣлахъ вѣры и благочестія многимъ кажется юродствомъ и то, что несомнительно есть Божія сила и Божія премудрость, а ужъ такія вещи и подавно имъ непонятны. Мы же думаемъ, что молитвенное сближеніе прихожанъ со школой есть одно изъ желательнѣйшихъ явленій и одна изъ существенныхъ задачъ школы *церковно-приходской*.

24 февраля, пятница. Вечеромъ зашелъ въ сторожку церковную. Она биткомъ набита деревенскими богомольцами-говѣльщиками. И у меня, и у воспитанниковъ (въ общежитіи) было свободное время занять богомольцевъ чтеніемъ, а потому я отрядилъ къ нимъ чтеца съ „Троицкими листками“. Въ 9-ть часовъ мы установили въ первомъ классѣ фонарь и пригласили богомольцевъ посмотреть туманныя картины.

Сколько удовольствія мы доставили имъ! Сколько было пролито слезъ при взглядѣ на чудныя изображенія! Благодарностей наговорили намъ безъ конца. Я объявилъ, что каждую пятницу или субботу непременно будутъ читать книги и показывать картины говѣльщикамъ изъ деревни, лишь бы приходили молиться.

Они обѣщали непременно присылать молиться своихъ родныхъ.

26 февраля, воскресенье. Приближающаяся весна задаетъ намъ новыя заботы. Все болѣе и болѣе крѣпнеть желаніе устроить при школѣ пасѣку. Твердо рѣшили купить пчелъ. Теперь же, пока, считаемъ необходимымъ запастись нѣкоторыми книжными свѣдѣніями по части пчеловодства. Читаемъ подходящія руководства. Ученикамъ особенно нравится книга г. Кулланды, знаменитаго Пензенскаго пчеловода. Книжка дѣйствительно прекрасная. Г. Кулланда чрезвычайно заинтересовываетъ и, такъ сказать, противъ воли втягиваетъ въ дѣло читателя. Изложено руководство нѣсколько необычно: въ формѣ наставленій преподобнаго Зосимы нѣкоему пчеляку Науму. Хорошо рассчитано на народный вкусъ.

27 февраля, понедельник. Послѣ третьяго урока ѣздилъ въ Гремячевскую школу. Тамъ хорошо идетъ дѣло. Особенно мило рассказывали мнѣ сегодня изъ Священной Исторіи.

Особенность здѣшней школы составляетъ частое присутствіе за уроками родителей. Зачѣмъ они ходятъ? Сначала намъ казалось, что они ходятъ просто наблюдая—чему и какъ будутъ учить ребятъ, и стоитъ ли-де еще учиться-то „у нонѣшнихъ учителей“. Оказывается не то: скорѣе они сами ходятъ поучиться кое-чему. Мы были бы имъ очень рады, если-бъ не ужасная тѣснота школьнаго помѣщенія. Впрочемъ, они вѣдь и нетребовательны: залѣзетъ на печку и сидитъ тамъ часа два, глазъ не спускаетъ съ учителя и ребятешекъ.

28 февраля, вторникъ. Послѣ обѣда заходилъ въ

руководѣльный классъ. Дѣло кипитъ. Дѣвочки подъ хорошимъ руководствомъ очень скоро усваиваютъ различную руководѣльную премудрость. Онѣ раздѣлены на группы по умѣнью. Въ первой группѣ учатся весь годъ вязать чулки, варежки и шить простымъ швомъ; во второй—вязать шарфы, перчатки и чулки съ узорами и просяѣтами, шить „предѣ иголку“ и вышивать въ тамбуръ и по канвѣ; въ третьей—вышивать всевозможными способами (шерстями, мишурой), а главное—чѣмъ онѣ особенно хвалятся—начинаютъ вязать на спицахъ пуховые платки. Вяжутъ также и кружева: на рамахъ (плетеніе), спицахъ, коклюшкахъ и крючкахъ. Глядя на ихъ руки и довольно изящныя работы, какъ досадно становится на то, что у насъ дѣвочекъ учится всего 12, при общемъ числѣ ихъ сверстницъ въ селѣ 128 человекъ. Вѣдь это ужасно! Ужъ чего мы не дѣлали, какъ ни уговаривали матерей,—ничего не выходитъ. „Гдѣ ужъ имъ учиться, говорятъ бабы, имъ прядь нужно, а учиться—это ребячье дѣло“. Не досадно бы было, если бы школа могла оторвать ихъ отъ какого-нибудь болѣе или менѣе выгоднаго кустарнаго производства, а то вѣдь—срамъ сказать—отъ пряденья поскони, изъ которой потомъ ткется *ряднина*. Мы рассчитывали, что за зиму каждая дѣвочка, школьнаго возраста, *самое большее* можетъ заработать *на четыре рубля!*

И вотъ изъ за этихъ-то грошей сотни дѣвочекъ должны оставаться внѣ школы. Мечтаемъ со временемъ завести станокъ для тканья сарпинки, не прельстимъ-ли этимъ матерей? Да нѣтъ, едва-ли. Бабы удивляютъ меня своимъ упрямствомъ и тупостью. У насъ въ селѣ проявился года три тому назадъ какой-то

кружевщикъ и объявилъ по селу—не желаетъ-ли кто учиться кружева плести. И что же? У него стали учиться мужики, а бабы—ни одна. И теперь это искусство держится исключительно среди мужиковъ, а бабы отъ рукъ отбились. Кромѣ своей грошевой ряднины (2½ копѣйки за аршинъ) ничего не признаютъ. Таковъ-то народецъ!

2 марта, четвергъ. Въ одномъ изъ ученическихъ дневниковъ прочелъ смѣшную запись о двухъ неудачныхъ художникахъ. Привожу ее. „Рисовать—это дѣло не простое; оно не скоро дается. Слава Богу—я немножко еще смыслю въ рисованіи и черченіи и за это нерѣдко слышу похвалы. Вчера двое изъ учениковъ 2-го класса 1-го отдѣленія тоже было захотѣли удостоиться похвалы и задумали обмануть учителя и всѣхъ. Сказали А. П., что они кое-что рисовать могутъ и попросили рисовальной бумаги. А. П. повѣрилъ и велѣлъ имъ выдать бумаги. Глядимъ—по утру приносятъ въ классъ хорошіе рисунки. Показываютъ всѣмъ, ихъ хвалятъ: „ахъ хорошо, ай какъ чудесно! Вотъ такъ молодцы! Этакъ и старшіе не нарисуютъ, даромъ, что ихъ учатъ черченію“. У художниковъ съ похвалъ вскружилась голова, отъ радости въ груди дыханье сперло... На ту бѣду зашелъ во 2-й классъ одинъ изъ маленькихъ. Услыхавъ въ чемъ дѣло, онъ сказалъ *во весь ротъ*: „Они и мнѣ картинку списали; они вѣдь живо: прижмутъ къ стеклу и сразу сведутъ“... Ну, что тутъ было—бѣда!

— Такъ вы сводите?

Скоро недостойная ихъ слава на позоръ имъ стала...

Одному художнику даже на тетрадкѣ написали стихи:

— „Скажи, сосѣдъ, въ чемъ тутъ причина:
Съ окна свести я кое-какъ еще могу,
А отъ руки—вотъ хоть убей меня,
Двухъ линій я и то не проведу?“

— Въ томъ, отвѣчалъ сосѣдъ,
Чего въ тебѣ, другъ, вовсе нѣтъ—въ умѣнїи“.

Думаю, что впредь этимъ злосчастливымъ художникамъ не повадно будетъ обманывать.

Обманщикамъ вообще не везетъ у насъ—сейчасъ выдадутъ. Объясняется это сравнительной еще цѣлостью духовнаго склада учениковъ. Для всякаго рода плутней соблазнительна, такъ называемая, диктовка. Списать съ книжки или у товарища и получить хорошую отмѣтку не по заслугамъ—это самое обычное явленіе въ городскихъ школахъ. До самаго послѣдняго времени продѣлокъ такого сорта у насъ не замѣчалось. Только вотъ сегодня одинъ ученикъ, бывшій реалистъ, попался въ списываніи съ книги. Изобличили тотчасъ. Его безсовѣстностью возмутились всѣ товарищи, до того имъ казалось нелѣпымъ обманывать своего учителя изъ-за какихъ нибудь отмѣтокъ.

Бывшіе горожане—народъ крайне нежелательный среди нашей сельщины-деревенщины. У насъ найдется бывшихъ городскихъ учениковъ человѣкъ пять, и всѣ, болѣе или менѣе выдающіяся шалости, обязаны имъ своимъ происхожденіемъ. Я бы былъ очень радъ избавиться отъ этихъ „чужаковъ“, какъ называетъ ихъ остальная братія.

3 марта, пятница. Ученики 4-го отдѣленія подали сочиненіе: „Исторія моего ученія“. Не безынтересны у нѣкоторыхъ выводы къ поступленію въ нашу двухклассную школу. Вотъ напримѣръ, что пишетъ

Баюшевъ: „Мы очень боялись экзаменовъ. Учительница намъ и говорить: „вы дайте обѣщаніе на Николу въ К—имъ сходить, предъ чудотворной иконой святаго Николая помолиться“. Мы обѣщались. 5 мая сдали экзаменъ благополучно и 8-го отправились въ К—имъ. У всенощной народу было множество и въ церкви было все прекрасно. А какъ запѣли пѣвчіе, я и позабылъ, гдѣ стою! Ахъ, Господи! никогда ужъ еще-то, кажется, и не пѣли такъ хорошо. Душа у меня растаяла. Сталъ я спрашивать о пѣвчихъ, мнѣ сказали, что поютъ ученики здѣшней двухклассной школы, что здѣсь ужъ всѣхъ такъ пѣть учатъ. И разгорѣлось у меня сердце: захотѣлось сюда, учиться. Послѣ всенощной, нѣкоторыхъ странниковъ-богомольцевъ здѣшняя матушка позвала ночевать въ свой домъ. Въ числѣ ихъ попалъ и я. Здѣсь въ кухнѣ, ночью, мальчикъ, школьникъ здѣшній, громко и очень понятно вычитывалъ житіе святителя Николая. Мнѣ очень нравилось его чтеніе. Сталъ я его спрашивать про училище, онъ мнѣ все рассказалъ, а по утру и въ школу сводилъ, и все тамъ показалъ. Ну, съ этихъ поръ до самаго Покрова у меня только и была въ головѣ К—ская школа. Я полагаю, что это святитель Николай мнѣ привелъ здѣсь учиться“.

5 марта, воскресенье. Вечеромъ сѣлъ почитать дневники учителей школъ грамоты. Есть много содержательныхъ и довольно выразительныхъ записей. Перепишу кое-что въ свой дневникъ.

„10-го октября, съ Божьею помощію, открыли послѣ долгихъ трудовъ и хлопотъ школу грамоты въ мордовской деревнѣ Озеркахъ. Я все лѣто ходилъ туда изъ своей деревни по праздникамъ и уговари-

валъ мужиковъ, и по отдѣльности, и кучками, открыть школу и взять меня въ учителя. Согласились, наконецъ, мордва. Наняли кое-какую избенку и мы совсѣмъ было уже хотѣли ученье начинать, если бы не помѣшалъ измѣнчивый хозяинъ избенки. Дня четыре тому назадъ пришелъ и говоритъ: „я раздумалъ избу подъ училище отдавать, подъ питейный сдамъ, ищите себѣ другую фатеру“. Взяло меня горе, побѣжалъ я къ умному и богатому крестьянину В. А—чу, говорю—такъ и такъ. Разсердился и онъ,—онъ вѣдь попечителемъ у насъ. Долго мы тужили, да Господь, знать, все къ лучшему ведетъ. Въмѣсто убогой избенки попали мы въ каменные хоромы, сняли за 20 руб. большой каменный домъ, и тамъ уже теперь устроились. Три дня я съ Н. строгалъ доски и прилаживалъ изъ нихъ столы. Сегодня пріѣзжалъ священникъ и отслужилъ молебенъ. Батюшка послѣ молебна увидѣлъ мою библиотеку, поворочалъ ее и сказалъ: „ишь вѣдь какой ты любознательный: что книгъ-то“.

А вотъ изъ дневника другого учителя: „Приходитъ утромъ В. и плачетъ, книжки сдаетъ. Спрашиваю: что ты?

— Мнѣ тятя учиться не велить.

— Почему?

— Молотить, говорить, будемъ.

— Ну, какой ты молотильщикъ; это напрасно твой тятя выдумалъ. Погоди я уговорю его, сбѣгай-ка за нимъ.

Пришелъ крестьянинъ П. И.

— Какой, говорю, онъ тебѣ, П. И—чъ, молотильщикъ, вѣдь ему 9-й годъ.

— Да натужно съ бабой-то двоимъ, хоть солому будетъ откидывать.

— Пустое, пустое! Лучше я самъ послѣ обѣда

приду тебѣ пособить и мальчикъ-то твой послѣ ученья прибѣжитъ, авось мы оба-то больше съ нимъ слѣлаемъ, чѣмъ онъ одинъ во весь день. П. И. законфузился, ему какъ будто стыдно стало, что я пойду къ нему молотить. Благодарить и мальчишку оставляетъ; а мнѣ тоже стыдно стало, что меня ужъ за такого барина считаютъ, которому и молотить не можно, а потому я послѣ обѣда тотчасъ отправился на гумно, да такъ-то намолотился, что П. И. не зналъ, какъ меня и благодарить; ужинать къ нему ходилъ и ѣлъ за труды яичницу. Теперь мальчикъ уже будетъ учиться непременно. Слава Богу за все“.

5 марта, воскресенье. Вечеромъ было назначено чтение для учащихся. Читали прекрасную книжку сочинения Томаса Билла, о солнцѣ. Передъ чтеніемъ смастерили изъ телеграфной проволоки и бумажныхъ шаровъ, покрытыхъ золоченой бумажкой, самодѣльный теллурий. Разумѣется, о точности не могло быть и рѣчи, но суть дѣла все-таки пояснялась довольно наглядно. Особенно наглядно выходили фазы луны. Теперь, надѣюсь, поняли,—какъ это „серпикъ“ на небѣ выходитъ.

6 марта, понедельник. Ѣздилъ въ Гремячевскую школу, взглянуть на занятія. Все идетъ своимъ чередомъ. Очередной ученикъ-учитель довольно стройно выучилъ учениковъ пѣть: „Кресту Твоему“... Въ воскресенье на выносѣ креста, значитъ, и они примутъ участіе въ общемъ пѣніи.

8 марта, среда. Базаръ. Хотимъ попробовать открыть книжную торговлю. Я для опыта выписалъ нѣсколько книжекъ на свои деньги и сегодня послалъ ихъ продавать на базарѣ. Очень сильное сопер-

ничество представляютъ мѣстные книгоноши-никольщики. Они продаютъ хотя и гнило, зато дешево. А мужичекъ больше на объемъ книжки смотритъ, когда ее покупаетъ. Торговать я поставилъ одного мальчика, кончившаго школу. Сначала дѣло шло плохо. Но подъ конецъ базара его кто-то попросилъ почитать книжечку. Онъ почиталъ, книжку купили, и такимъ образомъ еще восемь штукъ продали.

Покупатель судить, вѣрно:—нужно узнать товаръ, чтобъ его покупать; ну, а какъ его узнаешь, коли не прочтешь или не услышишь доподлинно, что такое въ книжкѣ написано? Узналъ и купилъ. Явленіе это задало намъ задачу, надъ которой стоитъ подумать. Хорошо бы на базарѣ устроить какую-нибудь *читальню-лавку* что-ли, и пусть бы тамъ и читали, и слушали, и покупали. Съ будущаго года нужно постарательнѣе проводить въ народъ хорошую книжку, хотя бы и путемъ торговли. Я думаю, хорошо будетъ устроить при нашей школѣ складъ, а учителямъ школъ грамоты (нашимъ) выдавать книги для продажи въ ихъ селахъ и школахъ. Объ этомъ необходимо переговорить съ нашимъ братствомъ, тамъ теперь богатый складъ книгъ для торговли.

10 марта, пятница. Въ школьномъ саду начали рыть колодезь. Вотъ бы радость была у насъ, если бы показалась водичка. Садъ былъ бы обезпеченъ, а то бочкой не навозишься.

11 марта, суббота. Тревожныя минуты пришлось пережить сегодня. Пять человѣкъ общежитниковъ, отправились въ баню, сильно угорѣли. Къ счастью—одинъ изъ нихъ имѣлъ еще силы дойти до нашего дома и объявить о случившемся въ банѣ.

Мы всѣ бросились въ баню и глазамъ представилась ужасная картина: трое валялись на полу безъ чувствъ. Тотчасъ мы перенесли ихъ къ себѣ въ домъ и приняли всѣ мѣры къ освѣженію ихъ. Черезъ часъ они пришли въ сознаніе, но ихъ была еще сильная лихорадка. Весь вечеръ мы провозились съ ними, и насилу-то они оправились. Дѣло уладилось благополучно. Но чего стоили тѣ ужасныя минуты какого-то смертельнаго ужаса, когда мы переносили угорѣвшихъ. Винаватъ во всей этой неприятной исторіи школьный сторожъ. Онъ долженъ былъ явиться въ баню раньше всѣхъ и освидѣтельствовать—нѣтъ ли тамъ угара, а онъ куда-то исчезъ на это время и ученики пошли безъ него. Конечно, и они не имѣли права идти въ баню безъ приглашенія сторожа, но—пошли, и вотъ какъ жестоко заплатились за нарушеніе существующаго порядка.

12 марта, воскресенье. По праздникамъ пріѣзжаетъ къ намъ всегда много больныхъ, а сегодня они меня совсѣмъ заполнили. Положительно цѣлый день я провозился въ своей аптекѣ, и еслибъ не мои помощники, то хоть бѣги... Вотъ что значитъ деревенская глушь, настоящій медвѣжій уголь! Ёдутъ ко мнѣ, учителю, лѣчиться; значитъ, ужъ нужда вопіющая!...

Вечеромъ было обычное чтеніе для народа. Послѣ ужина ученики играли въ *фанты*. Игру эту они давно завели. Это у насъ своего рода олимпійскія игры. Становится одинъ въ серединкѣ, остальные садятся кругомъ. „Волящій“ или стоящій въ срединѣ придумываетъ въ сжатыхъ и точныхъ выраженіяхъ какой-нибудь вопросъ изъ учебныхъ предметовъ, за

тѣмъ бросаетъ платкомъ въ когонибудь изъ товарищей и задаетъ свой вопросъ. Намѣченный долженъ возможно быстрѣе въ сжатыхъ словахъ отвѣтить: если замнется, то за него отвѣтитъ тотъ, кто скорѣе сообразилъ (перебьетъ его). Въ такомъ случаѣ неудачникъ становится въ кругъ на мѣсто своего предшественника и продолжаетъ въ томъ же родѣ. Нужно видѣть игру, чтобъ составить себѣ представленіе, какая происходитъ напряженная работа мысли, какая овладѣваетъ всѣми *внимательность* къ задаваемому вопросу. Требуется „держать ухо востро“: и соображеніе требуется, и память, и на словахъ осторожность, и точность. Для насъ, учащихся, тоже не бесполезно понаблудити игру. Она — показатель средняго уровня развитія и успѣшности учениковъ; кромѣ того, благодаря этой игрѣ, мы безошибочно можемъ отличить такъ называемаго „зубрилу“ отъ способнаго ученика. „Зубрило“ сидитъ, „словно пойманный“, какъ говорятъ ребята, не обладая прочною памятью и быстрой сообразительностью. При нѣкоторой сухости, игра все же не теряетъ духа игры, по крайней мѣрѣ, играющимъ-то она очень нравится. А въ долгія зимнія ночи чѣмъ позабавиться иной разъ послѣ ужина?

19 марта, воскресенье. Въ одномъ изъ дневниковъ натолкнулся на нѣчто философское. „Я вечеромъ былъ погруженъ въ глубокую думу. Мнѣ представилась вся моя жизнь, всѣ мои дѣла и худыя, и добрыя. Тутъ я замѣтилъ, что худыя дѣянія владѣютъ чело-вѣкомъ много сильнѣе. Я, напри-мѣръ, припоминаю какіянибудь нехорошія событія, бывшія, чай, лѣтъ десять тому назадъ, т. е. когда мнѣ было года 4—5. Добрыхъ дѣлъ что-то не припомню, а гадкихъ много

помню. Изъ сего нужно понять, что всячески надо удалять дѣтей отъ худыхъ примѣровъ, потому что худое долго помнится“.

Мнѣ нравится это самоуглубленіе и мышленіе не по заказу. Этимъ и хороши дневники.

21 марта, вторникъ. Набивали парники навозомъ. У насъ каждый годъ бываетъ парниковая выгонка нѣкоторыхъ растений. Нынѣшней весной вздумали шире развить это дѣло. Ученики каждый разъ очень нѣжно ухаживаютъ за раннею зеленью; не мало и дивятся на всю эту невидальщину.

Завтра отпускъ на пасхальный отдыхъ. Вечеромъ предстоитъ подсчитать долги за содержаніе и сдѣлать другіе расчеты.

27 марта, великій понедѣльникъ. Начали говѣть во второй разъ. Послѣ обѣдни ученики пришли клеить фонари. Теперь это для нихъ самое любимое занятіе. За работу я даю имъ по листику фонарной бумаги; изъ ея они дѣлаютъ фонари для себя, чтобы ходить съ ними къ богослуженіямъ страстной недѣли (ночью). Красивое зрѣлище открывается каждый разъ въ великій четвергъ, когда пойдетъ народъ отъ страстнаго стоянія. Разноцвѣтные огоньки рѣкой разольются по улицамъ, отмѣчая учениковъ въ толпѣ народа.

29 марта, среда. Большой базаръ. Распродали всѣ свои книжки. Теперь можно сказать, что, хотя и не бойко, а все-таки торговать книгами можно. Надо устроить какую нибудь лавочку, а то подъ открытымъ воздухомъ—не всегда удобно торговать.

1 апрѣля, великая суббота. Святые дни, полные дивныхъ великихъ и священныхъ воспоминаній. Школа

усердно посѣщаетъ церковь. Въ богослужебное время ученики проводятъ въ приготовленіяхъ къ украшенію церкви, въ чисткѣ церковной утвари. Самое подходящее для нихъ занятіе. Послѣ обѣда начали развѣшивать фонари. Нарядили они свою родную, бѣдную до убожества церковь, сѣли и любятъ, и ждутъ не дождутся Свѣтлаго праздника. Тогда они зажгутъ свои фонари и засіяетъ родная небесной красой, и труды ихъ будутъ оцѣнены всѣми по достоинству.

Въ 6 часовъ заблаговѣстили къ чтенію Дѣяній Святыхъ Апостоловъ. Читаютъ ученики и грамотные крестьяне.

2 апрѣля, Пасха Христова. Свѣтозарная ночь свѣтоноснаго дня.

Какое хорошее настроеніе, — благодатное, радостное. Оно у всѣхъ таково. Въшняя красота и величіе праздника въ нашемъ приходѣ многимъ обязаны и школь. Школа украсила храмъ снаружи, она же торжественно стройно воспѣвала весь день Пасху Божію спасительную. Самое собраніе множества дѣтей чистенькихъ, приличныхъ, съ осмысленнымъ радостнымъ выраженіемъ лицъ, уже настраиваетъ душу на хорошій ладъ. Стоило понаблести величественно-умилительную картину выхода съ иконами изъ сѣверныхъ дверей. Многіе до слезъ умилились, когда цѣлый сонмъ дѣтей стройно, звучно въ морозномъ воздухѣ пробуждающейся природы, какъ бы „единными усты“ воскликнулъ: „...и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити:“ — Именно, именно чистымъ сердцемъ!...

Въ концѣ утрени ученики христосовались съ своимъ батюшкой въ церкви, а съ учителями въ школѣ послѣ

обѣдни. Въ школѣ прежде всего мы торжественно и громогласно пропѣли „Христосъ Воскресе“. Гулко пронесся этотъ гимнъ Воскресшему Господу по всему зданію школы, какъ бы возвѣщая „радость велию“ и этимъ картинкамъ, привѣтливо смотрящимъ изъ своихъ рамокъ, и этимъ книжкамъ, выглядывающимъ изъ шкафа, гдѣ и они словно отдыхаютъ отъ безпокойной своей должности.

3—5 *апрѣля*. На проталинкахъ начинаются игры: въ чижики, въ бабки, въ городки, въ лошади.

Законоучитель очень доволенъ хожденіемъ съ молебнами. За каждымъ молебномъ поетъ хоръ. Поютъ пять учениковъ богоносцевъ, къ нимъ почти въ каждомъ домѣ присоединяются 1—3 изъ учениковъ, дѣтей семьи и, такимъ образомъ, получается съ причтомъ человекъ 10 поющихъ молебенъ. Это не то, что одинъ псаломщикъ.

6 *апрѣля, четвергъ*. „Большой собравшись гурьбой“, ходили въ лѣсъ посмотрѣть пробуждающуюся природу. Нѣтъ, скучно еще въ лѣсу. Жизнь, впрочемъ, уже начинается. Ребята ухитрились гдѣ-то набрать цвѣтовъ и приподнесли мнѣ цѣлый букетъ изъ подснежника и чернойгорки (*adonis vernalis*).

Скоро и празднику конецъ, и начнется ученье. Но, весеннее ученье — веселое время въ нашей школѣ. Скорѣ бы оно наступило.

6 *апрѣля, четвергъ*. Приѣзжали двое иносельскихъ учениковъ—христосоваться. Спасибо имъ за память. И хорошо же провели мы день! Устроили чай и часа два читали кое что изъ только что полученныхъ журналовъ. Такъ съ большимъ удовольствіемъ прочли въ „Странникъ“ статью—„Новый человекъ въ деревнѣ“

Это—крайне нежелательный, но все же нарождающійся типъ крестьянина, развинченнаго въ своихъ устояхъ дешевою городской цивилизаціей и зараженнаго притомъ еще штундой въ нѣмецкихъ колоніяхъ на Волгѣ. Впечатлѣніе осталось тяжелое, но поучительное. Затѣмъ, въ томъ же журналѣ—„Озареніе“, рассказъ крестьянина-садовода о томъ, какъ замотался онъ въ городѣ и уже погибъ было въ нравственномъ отношеніи, и какъ одно случайное обстоятельство „озарило“ его и онъ вернулся въ деревню, принялся за соху, остепенился, развелъ садъ и пчель...

Этотъ рассказъ въ нашемъ вкусѣ, онъ ободрилъ насъ.

Нашъ идеалъ — крестьянинъ-земледѣлецъ, просвѣщенный въ доступной степени христіанскими понятіями. Подъ вліяніемъ этой статейки, окончивъ чтеніе, мы пошли въ школьный садъ—предметъ нашихъ нѣжнѣйшихъ попеченій и самыхъ свѣтлыхъ упованій—посмотрѣть, какъ онъ пробуждается отъ долгаго зимняго сна. Осмотрѣли садъ, заглянули въ парники, и усѣлись, на школьныхъ ступеняхъ, мирно бесѣдуя о красотѣ нашихъ скромныхъ сельскихъ занятій, въ частности о садоводствѣ и пчеловодствѣ.

10 *апрѣля, понедѣльникъ*. Послѣ Пасхи съѣзжаются недружно, по причинѣ ужасной распутницы. Большинство изъ прибывшихъ приѣхало верхами.

Начались наши весеннія садовые работы. Рѣшили разбить весь садъ на участки, по 3 квадратныхъ сажени въ каждомъ, дать каждому по такому участку, и пусть онъ употребитъ все стараніе на его обработку (главнымъ образомъ перекопка въ два штыка имѣется

въ виду). Сегодня же геометры размежевали цѣпью участки, и послѣ обѣда всѣ приступили къ работамъ.

Возмущаютъ меня каждую весну овцы. Дѣло въ томъ, что пока эту непутную скотину не выгонять въ поле стадомъ, пасти ее заставляютъ ребятъ, вслѣдствіе чего ученики начинаютъ опускать классы. Вотъ и сегодня семерыхъ не было. Такая право досада! А ничего не подѣлаешь. Съ точки зрѣнія крестьянина причина-то вполне уважительная.

11 апрѣля, вторникъ. Сегодня—„Радунца“, поминовеніе усопшихъ. Дни общаго поминовенія или „родители“ для насъ имѣютъ особое значеніе. Школа стоитъ „на костѣхъ“, на старомъ кладбищѣ. Правда, кладбище это давно уже забыто и лѣтъ 60 на немъ уже никого не хоронятъ, но на „родители“ все же служится общая панихида.

Школа, такъ сказать, обязана своимъ мѣстоположеніемъ почившимъ предкамъ, и мы считаемъ священной обязанностью возглашать на молитвахъ имъ „вѣчную память“. Сегодня послѣ перваго урока всѣ воспитанники и мы вышли въ садъ и дождались священника—пѣть панихиду. Очень красивое впечатлѣніе получилось отъ этой панихиды. Весна, голубое небо, пробивающаяся зелень, звучные молодые голоса, трогательное „Со святыми упокой“ и радостное „Христосъ воскресъ“—все это слилось въ одну чудную гармонию, вызывало въ душѣ упованіе, надежду и любовь, любовь къ живымъ и мертвымъ.

На слѣдующемъ же урокѣ я велѣлъ, старшимъ описать эту панихиду. Описали очень живо, но многіе съ грустнымъ отгѣнкомъ.

12 апрѣля, среда. За зиму накопили не мало свѣ-

дѣній по практической геометріи, теперь хотимъ ихъ приложить къ дѣлу. Сегодня одновременно двумя способами точно сняли планъ нашей школьной усадьбы. На планѣ будутъ обозначены не только зданія, но и дорожки, и деревья, и грядки, и все это на точномъ разстояніи.

Усиленно перекапываютъ землю. Нѣкоторые участки уже засѣяли фацелией, люцерной и клеверомъ—медоносныя травы—въ виду того, что завтра намъ привезутъ пчелъ, и мы хотимъ помочь имъ въ собираніи „взятка“.

17 апрѣля, понедельникъ. Къ нашей усадьбѣ прибавилось еще 94 квадратныхъ сажени. Крестьяне уступили намъ дорогу, и они же загородили намъ садъ,—и на новую межу перенесли старую городьбу. Къ намъ отошла низинка, долокъ и мы хотимъ засадить его вербой, столь любимой пчелами. Послѣ обѣда мы и отправились за нею ватагой, человекъ въ 70. Развеселая прогулка. Выкопали-то мы мало, потому что въ лѣсу еще очень сыро, но за то сколько удовольствія получили! Ахъ, весело весной у насъ, да еще въ близкомъ общеніи съ такимъ народомъ, какъ полные прелести крестьянскіе ребята.

По дорогѣ много живописныхъ холмовъ. Ребята сейчасъ же сравнили ихъ съ Кавказомъ. Черезъ одну гору пришлось намъ перебираться на противоположный склонъ. Можно бы, конечно, сдѣлать это очень просто—лѣзь себѣ да лѣзь. Но какъ же это можно,—просто-то всякій сумѣетъ... Слышу, что-то затѣваютъ.

— Ты будь Шамиль. Вотъ тебѣ Гунибъ-гора. Отправляйся съ черкесами на вершину, а мы вась штурмовать будемъ.

— Идетъ! Мигомъ раздѣлились на черкесовъ и русскихъ.

— Эй, черкесы, вы, у кого картузы, отдайте Русскимъ, а у нихъ шапки возьмите, а то въ картузахъ черкесамъ не полагается.

Моментально перемѣнялись фуражками и Шамиль съ арміей летѣлъ уже къ вершинѣ горы.

— Гунибъ-гора—высокій гора. Я сижу на вершинѣ; вы подъ горой, попробуйте-ка взять насъ, кричитъ самозванный Шамиль.

— Ребята, впередъ! Ура! скомандовалъ новый Барятинскій.

Побѣдоносно атаквали Шамиля, и онъ съ позоромъ принужденъ былъ сложить свою шапку у ногъ побѣдителя... Двигаемся дальше. Идутъ оживленные разговоры, слегка припоминается исторія. Вдругъ... заяцъ! „Держи его, лови его!“ И вся моя армія двинулась за несчастнымъ зайцемъ. Думаю, что послѣдній отъ роду не испытывалъ такого ужаса, какъ въ этотъ день. Смѣшнѣе всѣхъ старшіе. Въ разнаго рода экскурсіяхъ они всегда держатся около меня и стараются вести себя какъ можно серьезнѣе, какъ большіе, которымъ болѣе къ лицу вести, на примѣръ, разсужденія о вращеніи земли, откуда родники берутся и почему земля имѣетъ неровную поверхность и подобные умные разговоры. Въ нынѣшній разъ, разговоры вращались въ области исторіи и географіи Кавказа. Кто-то, глядя на бурную рѣчку, читалъ изъ Лермонтова:

Какъ въ трещинѣ, жилищѣ змѣя,
Въжалъ излучистый Дарьяль.

И вдругъ, о стыдъ! Въ рѣшительную минуту испытаній

единому, а потомъ уже всѣ неудержимымъ потокомъ прынули за зайцемъ. Всѣ бѣгаютъ, кричатъ, а заяцъ ужъ за тридевять верстъ!... Какъ не посмѣяться отъ души. Не унимать же ихъ. Вреда никому нѣтъ, а зайцу всего менѣе. Когда все успокоилось и всѣ вернулись ко мнѣ, я подшутить немножко надъ старшими. Застыдились бѣдняги чуть не до слезъ...

О милыя дѣти! Играйте на волѣ:
На то вамъ и красное дѣтство дано!

Рѣзвась, незамѣтно дошли мы до часовни святого Иліи пророка. Часовня эта построена въ чудной мѣстности, на сильномъ горномъ ключѣ. Здѣсь, по преданію, явилась икона пророка Божія, а посему часовня эта пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ. И часто въ засуху, въ душныя лѣтнія ночи здѣсь мерцаетъ лампада и стоятъ колѣнопреклоненныя старушки, усердно моля пророка отверзти небо своимъ заступничествомъ и дать дождь землѣ жаждущей.

— Вотъ и Илія великій! возопили младшіе.

— Совсѣмъ это не Илія великій, а только часовня въ честь его, съ достоинствомъ замѣтилъ кто-то изъ старшихъ.

Придя къ часовнѣ, мы сняли шапки. Всѣмъ помѣститься въ ней не было возможности, а потому большинство осталось у входа. Зажгли лампаду и, перекрестясь, стройно запѣли: „Во плоти ангелъ“...— (тропарь святому пророку Иліи). Вышло это чудо-какъ хорошо. Священная тишина часовни, старинные лики святыхъ иконъ, трепетное журчаніе горнаго ключа, мелодическое пѣніе дѣтей, весна,—все это высоко наволи, мои старшіе оставляютъ меня. Сначала единъ по

страивало душу, унося лучшие ее порывы куда-то горь, в края безпредельного свѣта!

Испили свѣжей горной водички, отдохнули; одинъ изъ учениковъ IV отдѣленія подробно разсказалъ всю исторію объ Иліи пророкѣ, и пошли съ миромъ во свояси.

Хороши эти прогулки. Будемъ теперь въ часы досуга, почаще сюда ходить.

Вечеромъ сажали вербу и смородину на школьной усадьбѣ... Во время этой работы вдругъ раздается крикъ: „вода! вода!“ Гдѣ вода? что за вода? Оказывается, что это въ колодезь, который уже давно, давно роютъ. Я думаю, Христофоръ Колумбъ не такъ обрадовался крику: „земля!“—какъ мы этому желанному и долгожданному словечку. Слава Богу, теперь нашъ садъ обезпеченъ въ самомъ главномъ. Правда колодезь будетъ въ 10 саж. глубины, ну да рабочиѣ-то рукъ намъ не занимать.

18 апрѣля, вторникъ. Ъздили съ В. И—мъ (второй учитель) въ деревню Гремячевку потолковать насчетъ пчель съ однимъ старичкомъ. Посидѣли у него долго и собрались домой. Идя мимо школы, увидѣли тамъ ребятъ. На дворѣ было часовъ 8 вечера. Заходимъ.

— Вы чего здѣсь?

— А мы видѣли, какъ вы проѣхали, ну, молъ, значитъ, и въ училище придуть. Мы съ Никиткой и собрали всѣхъ.

— Ну, коли догадались, такъ молодцы. Чего же бы намъ сдѣлать?

— Давайте пѣть. Мы теперь много умѣемъ: „Пасху красную“, „Свѣтися, свѣтися“, еще „Приспѣ-

день свѣтлаго торжества“ (тропарь святителю Николаю велѣно было выучить въ виду престольнаго праздника 9 мая).

— Коль знаете, такъ давайте пѣть. И мы все сказанное пропѣли. Подъ окнами собрались слушатели. Поэкзаменовали ребятъ кое въ чемъ и простились было.

— Нѣтъ, мы васъ въ поле, до часовенки проводимъ.

И они толпой побѣжали впереди насъ. За деревней мы ѣхали тихо и все бесѣдовали... Уже совсѣмъ вечерѣло, какъ мы разстались.

— Ну, теперь Господь съ вами! А вы къ намъ „жалывайте!“ пропищалъ Парфинька, самый маленькій изъ нихъ; и они убѣжали. Долго еще слышалось въ вечернемъ воздухѣ, какъ они пѣли дорогой: „Приспѣ день свѣтлаго торжества“, и мелодичные, святые звуки далеко разносились и замирали въ родимыхъ поляхъ. Мы ѣхали, задумавшись.

— Да, если еще не „приспѣ“, то приспѣваетъ этотъ свѣтлый день, когда взойдетъ и наше русское солнышко просвѣщенія, сказалъ мой коллега.

А на горизонтъ выползла изъ-за лѣсу золотая луна, заливая все серебрянымъ свѣтомъ.

— „Разгоняя тьму искушеній и бѣдъ...“ едва донеслось до насъ и замерло въ пространствѣ.

19 апрѣля, среда. Классныя занятія идутъ своимъ чередомъ. Въ эти дни, благодаря овцамъ, нѣкоторые малыши стали было опускать классы, но теперь стадо выгнали и порядокъ въ нашемъ стадѣ возстановился.

Теперь другая бѣда—козны (бабки). Какъ съ ума сошли эти первоклассники,—постоянно играютъ, а потому и уроки плохо учатъ. Что съ ними дѣлать?

Запретить? Но это почти невозможно. У нихъ руки зудятъ, если они денекъ не поиграютъ. Всякаго рода запрещенія мы налагаемъ только тогда, когда увѣрены, что они могутъ быть всѣми исполнены обязательно, а въ данномъ случаѣ развѣ услѣдишь? Игра будетъ производиться украдкой, тайно, а это ужъ еще хуже и, разумѣется, совсѣмъ не въ интересахъ правильного воспитанія.

Изъ географіи былъ послѣдній урокъ—желѣзныя дороги Россіи. Цѣлый часъ сегодня мы ѣздили по картѣ (и сухопутьемъ и водой) и изѣздили матушку Русь и вдоль и поперекъ. Въ концѣ урока я сдѣлалъ общій обзоръ всего пройденнаго и показалъ, чего они не знали и что стали знать, чѣмъ они были и чѣмъ они стали, и сдѣлалъ надлежащій выводъ въ пользу знанія вообще.

Вечеромъ имѣли продолжительный разговоръ о значеніи профессиональнаго образованія, по поводу книжки, читанной однимъ изъ воспитанниковъ — „Очерки нравовъ и быта финляндцевъ“.

22 апрѣля, суббота. Дѣло близится къ экзаменамъ. Начались усиленныя повторенія. Я бы очень желалъ серьезнаго экзамена, чтобъ онъ вполне соотвѣтствовалъ тѣмъ трудамъ, какіе несутъ ученики.

Церковнымъ духомъ напитана школа, какъ губка водою. И имѣю основанія думать, что все это совершилось естественно, а не искусственно или насильственно какъ нибудь. Какъ губкѣ свойственно впитывать воду, также, думаю, естественно и наивной душѣ православнаго мальчика „поучатися въ законѣ Господнемъ день и ночь“. Теперь, сидя въ саду, ребята распѣвають что нибудь духовное. Кто ихъ застав-

ляеть? Мы „заставлять“ вообще не любимъ. Они знаютъ много всевозможныхъ гимновъ и пѣсенъ, да вотъ же не поютъ ихъ, а если и запоютъ, то большею частью по чьему нибудь *внѣшнему* желанію.

Превосходно они пѣли сегодня стихиры воскресны и догматики. Заслушались и мы, сидя на балконѣ, заслушалась и цѣлая толпа крестьянъ, возвращавшихся съ тяжелыхъ полевыхъ работъ; долго стояли они у школьной ограды, „позабывъ тревогу и тяжелый трудъ“...

23 апрѣля, воскресенье. Тезоименитство Государыни Императрицы. Послѣ обѣдни былъ по обычаю нашъ маленькій парадъ, который состоитъ въ томъ, что ученики, выстроившись рядами, поютъ гимнъ и кричатъ „ура!“ въ честь Высочайшихъ Особъ. Вечеромъ была иллюминація. На балконѣ пѣвчіе пѣли гимнъ и много хорошихъ народныхъ пѣсенъ, изданныхъ извѣстнымъ А. А. Архангельскимъ. Трудно придумать, что нибудь цѣлесообразнѣе этого изданія. Ну, что въ самомъ дѣлѣ пѣтъ немного образованному крестьянину. Не аріи же изъ „Демона“ или „Русалки?“ не романсы же, которые совсѣмъ не для него писаны? Остаются трактирныя и свои исконныя, полныя смысла, чувства и поэзіи пѣсни. Разумѣется послѣднія. Г. Архангельскій хорошо это понялъ, и выбралъ самыя выдающіяся, такъ сказать, перлы народнаго творчества и по смыслу, и главнымъ образомъ по гармонизаціи и, сгладивъ нѣкоторыя неровности, издалъ ихъ въ свѣтъ. Желаемъ имъ самаго широкаго распространенія и вниманія со стороны народныхъ учителей.

Я уже не разъ имѣлъ случай убѣдиться, какъ

любь эти пѣсни настоящимъ то черноземнымъ крестьянамъ. Вотъ и сегодѣя слышу въ толпѣ:

— Оказія! Какъ это у нихъ пріятно выходить. Вѣдь и мы будто эдакъ же поемъ, да того что-то нѣтъ у насъ. Строю у насъ не хватаетъ. И гдѣ это они выучили? Вѣдь пѣсня-то ай-ай старинная.

21 апрѣля, вторникъ. Послѣ обѣда забрели къ намъ въ садъ калики переходіе (вѣрнѣе *кальки*). Весной у насъ это—обычное явленіе. Они все стягиваются въ богатое село Промзино на богомолье 9-го мая, заходятъ по дорогѣ и къ намъ. Ихъ было четверо. Много спѣли они намъ кантовъ и даже былинъ святорусскіихъ. Пѣли довольно стройно, а главное умильно. Ученики плотнымъ кольцомъ окружили пѣвцовъ и, не пророня звука, слушали ихъ. Почему это такъ? думалось мнѣ. Ужъ не музыка же ихъ плѣнила, въ сущности совершенно наивная, какъ и слова. Нѣтъ, что-то стихійное сказывается въ этихъ звукахъ, что-то слышится родное... Прекрасная пустыня—мать родная, жизнь, чуждая мятежа мірскаго,—вотъ преобладающіе мотивы этихъ пѣсенъ, а эти мотивы вѣчно плѣнительны для простого русскаго православнаго чело-вѣка. Нѣкоторые изъ извѣстныхъ кантовъ я велѣлъ пропѣть ученикамъ. Они спѣли превосходно, заслушались и не мало дивились сами калики; но по-моему, того поэтическаго, мягкаго впечатлѣнія уже не получилось. Большое значеніе имѣеть, кажется, и самая личность пѣвца. Не даромъ въ старину былъ особый циклъ „сказителей“, „скомороховъ“ и „гусяровъ“.

Не даромъ и говорится въ одной былинѣ!

„А всякій бы то молодець пропѣлъ,
Да не всякому то Богъ велѣлъ.“

1 мая, понедѣльникъ. Экзамены мы рѣшили про-извести во всѣхъ отдѣленіяхъ, не исключая и школы грамоты. Сегодня экзаменовали учениковъ Гремячевской школы грамоты по всѣмъ предметамъ, а нашихъ (I отд.) только по Закону Божію. Ничего! знанія въ общемъ весьма утѣшительны. Особенно Гремячевцы радуютъ. Всего-то 2½ мѣсяца учились, а ужъ умѣютъ читать и писать, и довольно складно рассказываютъ изъ Священной Исторіи.

Отъ нихъ сугубая радость. Радуютъ и ученики, радуютъ и учителя ихъ: вѣдь тамъ все время занимались ученики VI отдѣленія нашей школы. Выходитъ, что учителя-то они порядочные и дѣло могутъ вести не хуже многихъ.

2 мая, вторникъ. Экзаменовали съ I и II отдѣленія по русскому и славянскому языкамъ и ариѣметикѣ. По первымъ двумъ предметамъ отвѣчали блестяще, ну, а за ариѣметику нельзя похвалить. Мало сознательности въ дѣйствіяхъ. Дѣлаютъ задачи и вычисленія какъ-то торопливо и непослѣдовательно, словомъ—сказывается отсутствіе метода.

Вечеромъ сдѣлали кое-какія насажденія въ саду. Но что всего замѣчательнѣе — сами вычистили всѣ трубы отъ сажи. Трубы давно были не чищены и топить становилось не безопасно, а пригласить было положительно некого; вотъ мы и вычистили ихъ сами. Конечно, это такое пустое обстоятельство, что не стоило бы и упоминать о немъ, но оно меня заинтересовало немножко. Дѣло въ томъ, что званіе трубо-чиста почему-то считается у насъ крайне обиднымъ и унижительнымъ, и рѣдко найдется охотникъ чистить чужія трубы. Такой же взглядъ и у учениковъ. Когда

и пригласилъ ихъ чистить, то они, хотя и не отказались, но все же сильно сконфузились. Зная ихъ мысли, я сказалъ имъ многое въ защиту трубо-чистнаго дѣла, какъ и всякой чистки вообще. Я старался выяснитъ, что только наша дикость и невѣжество способны внушить ложный стыдъ къ такому весьма серьезному по своимъ послѣдствіямъ дѣлу. Ну, трубу вычистить стыдно, говорю я, а спалить до тла свой домъ и сосѣдей (какъ это было у насъ въ минувшую пятницу), не стыдно? Стыдитесь только порока, а труда честнаго, хотя и чернаго — никогда. За мной! Всѣ двинулись съ радостью за мной, но я выбралъ только троихъ и отлично вычистилъ съ ними трубы. Теперь эти трое довольны тѣмъ, что однимъ практическимъ знаніемъ у нихъ больше.

Вечеромъ. Завтра у насъ большое торжество, начавшееся еще сегодня со всенощной: престольный праздникъ и всенародное чествованіе чудотворной иконы святителя Николая.

Съ 10 часовъ дня стали стекаться толпы богомольцевъ. Въ три часа начался акаѳистъ и затѣмъ крестный ходъ въ часовню на родникѣ, гдѣ, по преданію явилась святая икона. Народу у всенощной было такое множество, что „яблоку упасть негдѣ“, даже и ограда-то полна была. Странніе богомольцы дивились на нашу школу (зданіе) и на садъ: какъ это все въ немъ раздѣлано чисто, а на грядкахъ земля даже просѣяна.

За богослуженіемъ предстояло показать, такъ сказать, внутреннюю школу—учениковъ и ихъ знанія въ чтеніи и пѣніи. Это вѣдь очень важно, потому что богомольцы пришли со всего округа, верстъ за 50 —

70. Что услышать они въ нашей церкви, далеко несутъ, а это не безразлично и въ интересахъ школы. На Николинъ день мы какъ бы сдаемъ публичный экзаменъ въ церкви предъ лицомъ православнаго народа. Ну, и слава Богу, и честь всѣмъ, принимавшимъ участіе въ торжествѣ — чтецамъ и пѣвчимъ: показали себя отлично. Пѣли 40 человекъ превосходно съ канонархомъ, а чтецы правили почти все *наизусть*.

Интересуясь народнымъ впечатлѣніемъ, я прислушивался послѣ всенощной къ разговорамъ въ толпѣ,

— Ну и диковина, братцы мои! ну и служба у нихъ! Вотъ такъ ребята, ай-ай учены. Они чай, поди любого дьякона перещеголяютъ.

— Да, наука здѣсь настоящая.

— А поютъ-то! индо не чуешь: живъ ты, аль померъ; такъ бы всю ночь не соскучился въ церкви. Ну, привелъ Господь да Никола Милостивый!...

Разговоры въ подобномъ тонѣ слышались чуть не каждой кучкѣ народа. Это хорошо.

9 мая, вторникъ. Никола. Праздникъ удался какъ нельзя лучше. Народъ получилъ полное духовное удовлетвореніе и въ благодушномъ настроеніи разошелся по домамъ. Мы очень рады, что наше незначительное село является какимъ-то маленькимъ религиозно-просвѣтительнымъ центромъ всего нашего захолустья. Къ намъ ходятъ и молятся, сюда же ѣдутъ и учатся... Да почиетъ же благодать Божія, молитвами святителя Николая, надъ школой нашей. И пусть церковь и школа разгонятъ мракъ народнаго невѣжества и, просвѣщая сердца и умы, всѣхъ достойно содѣлаютъ чадами избраннаго стада Христова.

На сегодняшній же день (весьма не кстати) был назначен выпускной экзамен ученикам I-го класса. Председатель комиссии очень щедр: поставил чуть ли не все пятёрки. Правда, отвечали ученики хорошо, но все-таки, сверх обычая, были что-то вялы. Вероятно потому, что завидовали своим болѣе счастливым сверстникамъ, которые не томились на экзаменѣ, а гуляли теперь по ярмаркѣ, щелкая подсолнухи... Вполнѣ сочувствую.

16 мая, среда. Мы, учителя, ѣздили сегодня въ Жадовскій монастырь, верстахъ въ 18 отъ нашего села—переговорить съ о. настоятелемъ насчетъ задуманнаго нами паломничества въ этотъ монастырь всей школой для поклоненія чудотворной иконѣ Казанской Божіей Матери. О. игуменъ любезно предложилъ намъ свои услуги, обѣщалъ накормить и напоить всю нашу братію.

Спасибо ему. Теперь будемъ готовиться. Думаемъ, что удобно будетъ отправиться въ день Вознесенія Господня.

11 мая, воскресенье. Проливной дождь все утро. Мечты наши о путешествіи въ монастырь разсѣялись. Все страшно огорчены. Ребята были уже всемъ на взлетѣ. Часовъ съ 12 погода быстро измѣнилась къ лучшему. Тучи разсѣялись, засіяло солнышко, стало тепло, однимъ словомъ—настоящій весенній день. Загудѣли ребята, какъ пчелы. Вижу толпами бѣгутъ къ школѣ, а потомъ ко мнѣ. Просятъ. Я было не рѣшался, боясь грязи и слякоти, но они не отступаютъ и обѣщаютъ идти гдѣ-то луговой дорогой, гдѣ грязи нѣтъ. Разрѣшеніе дано, но только болѣе взрослымъ, ихъ и набралось человекъ 60. Мигомъ собрались, за-

хватили провизіи и съ сумками собрались у церкви въ оградѣ. Пришли и многіе изъ родителей. Я сдѣлалъ наставленіе, какъ и гдѣ идти и какъ вести себя дорогой.

— Ну, съ Богомъ!

Все сняли шапки, помолились на церковь, потомъ выстроились рядами, запѣли: «Заступнице усердная» и радостно зашагали въ желанный путь. Часа черезъ два отправились и мы: законоучитель и трое учителей. Описаніе этого интереснаго путешествія продолжаю по ученическимъ описаніямъ.

«Мы все собрались и пошли. Шли весело, радостно, шибко. Всемъ хочется излить горячую молитву предъ благодатнымъ ликомъ Царицы Небесной. Особенно же хочется этого мнѣ, потому что я никогда не былъ въ пустынь (монастырь), дома меня не пускали, боясь, что я не дойду пѣшкомъ, а лошади у насъ нѣтъ. Дорогой мы сначала пѣли, но пройдя верстъ 10, стали уставать, было жарко, во рту сохнетъ, тутъ ужъ не до пѣнія. Идемъ лѣсомъ. Какъ прекрасно-то, Господи! Какъ чудесно нарядилась земля, какъ поютъ разныя птички! Мы все радовались, глядя на красу міра Божьяго. Еще до лѣса мы разбились на партіи, кто сильнѣе ушли впередъ, а мы, малосильные, шли не торопясь позади. Въ лѣсу дорога раздвоилась. По которой идти? вотъ задача. Испугались даже мы, сидимъ и думаемъ да поджидаемъ еще партію, которая позади насъ идетъ. Вдругъ одинъ мальчикъ потянулся сорвать цвѣтокъ и увидѣлъ палку, а на ней бумажка приколотая. Смотримъ—на бумажкѣ написано: „Идите по этой направо! Жаркевичъ“. Это написалъ нашъ товарищъ изъ партіи, которая здѣсь раньше прошла.

Вотъ умница-то! Теперь мы ободрились и смѣло зашагали впередъ. Идущимъ позади насъ мы оставили много надписей куда идти и даже на пескѣ написали крупными буквами. Лѣсъ рѣдѣеть. Показалась деревня Филатовка. Мы ей очень обрадовались. Тамъ есть родникъ хорошій, мы на немъ закусимъ и отдохнемъ, какъ слѣдуетъ. На родникѣ мы захватили и прежнюю партію учениковъ. Они отдыхали. Ужъ какъ же мы и обрадовались имъ, разговоровъ-то сколько, будто годъ не видались. Закусили, отдохнули и дальше пошли ужъ вмѣстѣ и опять пѣли. Идемъ все дремучимъ лѣсомъ. И вдругъ изъ-за сянго лѣса неожиданно сверкнули кресты и золоченныя главы честной обители. Мы остановились и стали молиться. Слава Тебѣ, Владычица, что благополучно донесла насъ до святой Твоей обители. Усталость пропала, дружно прибавили шагъ и вотъ мы уже у святыхъ вратъ».

Чудное зрѣлище открывалось. Монастырь поражаетъ издали своимъ величіемъ, благоговѣйно настраивается душа. А вонъ по горамъ точно живые цвѣты бѣгутъ наши паломники. Какъ они рады-то? Какъ они молоды-то и непорочны! Иначе бы не бѣжали такъ... Изъ монастыря насъ замѣтили и часть братіи вышла навстрѣчу вмѣстѣ съ другими богомольцами.

Отдохнули наши паломники, умылись и отправились ко всенощной. Правили службу 8 іюля Казанской Божіей Матери. Несмотря на усталость, пѣли и читали превосходно. Много читали наизусть. Братіи наше пѣніе и чтеніе понравилось.

«По окончаніи всенощной пошли мы въ алтарь по одиночкѣ—принимать благословеніе отъ о. игумена

Макарія. Онъ всѣхъ насъ благословилъ и каждому сказалъ какое-нибудь ласковое слово. Послѣ этого изъ алтаря вышелъ нашъ батюшка и сказалъ намъ слѣдующее поученіе: „Ну, дѣти, цѣль вашего путешествія передъ вами. Вы видите эту святую икону, отъ Бога прославленную разными чудесами. Смотрите—какъ благочестивые люди изукрасили ее золотомъ и камнями самоцвѣтными; вся она сіяетъ какъ будто свѣтомъ небеснымъ. Что же вы-то ей принесете? Вы не имѣете ни золота, ни серебра, ни камней; но принесите чистую, усердную вашу дѣтскую молитву, помолитесь предъ пречистымъ образомъ со слезами. Владычица Небесная приметъ молитву вашу, какъ принялъ Сынъ Ея отъ бѣдной вдовицы двѣ лепты“. У многихъ изъ насъ были слезы на глазахъ отъ батюшкиной рѣчи. Всѣ мы поочередно стали прикладываться ко святой иконѣ. Я отошелъ въ уголокъ и усердно отъ всего сердца молился: „Владычице, помози на ны милосердовавши. Все тутъ мнѣ на умъ пришло: и домашніе, и школа, и всѣ скорбящіи и озлобленіи. Помилуй всѣхъ, Заступнице!“

Послѣ всенощной ученики отправились въ столовую-трапезу, гдѣ любовію о. игумена и братіи былъ приготовленъ сытный ужинъ. Въ трапезѣ было не только сытно, но и поучительно. Дѣти сидятъ, а сѣдовласые, почтенные иноки имъ служатъ. Воображеніе переносится въ ту славную даль исторіи монашества, когда въ обителяхъ царилъ духъ преподобныхъ Антонія, Θεодосія, Зосимы, Савватія и Сергія Радонежскаго. «Иже аще кто хоцетъ быти первый въ васъ, да будетъ всѣмъ слуга».

Послѣ ужина тутъ же въ столовой была вечерняя

молитва вмѣстѣ со всею братіею. Что за дивный получился хоръ! Святые звуки волнами вырывались въ открытые окна и, облетѣвъ обитель, далеко замирали въ дремучемъ бору. Видимо, и братія получила высокое утѣшеніе отъ этой совокупной молитвы старыхъ и малыхъ.

12 мая, пятница. У обѣдни пѣли лучше, чѣмъ вчера,—конечно потому, что за ночь отдохнули какъ слѣдуетъ. Послѣ обѣдни ученики взяли святую икону и «съ пѣснями и пѣнми духовными» отправились на родникъ, гдѣ, по преданію, явился святой образъ. На родникѣ построена небольшая церковка. Мѣстоположеніе чудное. Со всѣхъ сторонъ лѣсъ. Безъ умолку поютъ соловьи, такъ что когда запѣли молебень еще наши-то соловьи, то получилось такое оригинально-преlestное сочетаніе звуковъ, что не вѣрилось ушамъ.

Послѣ обѣда ученики поблагодарили гостепріимныхъ хозяевъ и съ миромъ отправились „во свояси“, а мы ѣздили въ сосѣднее село Жадовку познакомиться съ тамошней двухклассной министерской школою.

Такъ состоялось наше богомолье.

День Святой Троицы. Актъ. День этотъ въ жизни школы весьма знаменательный. Закончено многотрудное годовое поприще наше. Слава Богу!— оно пройдено и мирно и счастливо. Воздѣлана нива Божія, насколько хватило силъ нашихъ и умѣнья.

Школу въ день акта постарались мы обставить какъ можно наряднѣе и торжественнѣе. Изъ лѣса принесли много зелени (марена—красивое растеніе) и цвѣтовъ и украсили этимъ икону, портреты, нивеллиръ, мензулу и цѣпь землемѣрную, превративъ ее

въ изящную гирлянду. Все высматриваетъ весело. Не веселы только сами устроители. Знаю: грустно, очень грустно теперь у каждаго на сердцѣ. Не могутъ они примириться съ мыслью, что пора, наконецъ, разстаться со школой...

Актъ прошелъ въ полномъ порядкѣ, по заранѣе составленной программѣ: ученики пѣли; мы сказали имъ прощальныя рѣчи, выдали свидѣтельства, выдали награды и книги на память.

Въ 3½ часа всѣ отправились въ лѣсъ—чай пить съ гостинцами. Тамъ пробыли часа три: много пѣли и время провели одушевленно. Членъ Училищнаго Совѣта С. А.—чѣмъ рассказывалъ много интереснаго изъ исторіи мордвы.

Вечеромъ соображали, что бы такое отправить на Нижегородскую выставку. Помимо обычныхъ письменныхъ работъ, признали полезнымъ послать ученическіе дневники и сочиненія и чертежныя работы. Послѣднихъ С. А. забралъ цѣлый ворохъ въ городъ показать знающимъ людямъ; если одобрятъ, то мы и ихъ отправимъ на выставку *).

День Святаго Духа. Рано утромъ уѣхалъ С. А. Но мы еще всѣ въ послѣдній разъ присутствовали за службой. Всѣ что-то унылы. Грусть написана на многихъ лицахъ. Послѣ обѣда начали разѣзжаться и расходиться иносельскіе. Боже мой, какъ они плакали... Лучше и не вспоминать. Я вполнѣ понимаю эти слезы. Для большинства годы ученія въ нашей школѣ пролетѣли, какъ чудный сонъ, а теперь пред-

*) За работы эти на Всероссийской выставкѣ въ 1886 году школа получила дипломъ II разряда.

стоитъ опять опуститься въ дебри угнетающей деревенской тьмы. Блаженъ, кто не соблазнится и не опустится до прежняго духовнаго убожества.

Борьба предстоитъ многимъ трудная (а она будетъ, какъ и теперь наблюдается въ жизни уже кончившихъ нашу школу учителей школь грамотъ).

Смутно предчувствуютъ ее питомцы наши, а потому и не радостно расстаются со школой, опускаясь въ жизнь.

Помолясь въ послѣдній разъ предъ образомъ Кирилла и Меѳодія, мы вышли со слезами изъ школы и земно поклонились ей.

— Ну, прощай, родимая! Матушка наша! Храни тебя Господи!.. Всѣ эти и подобные привѣты и нѣжныя выраженія любви невольно проявлялись у нихъ даже и къ самому зданію... Ушли.

Я вышелъ на балконъ (общезитія) и долго, долго глядѣлъ вслѣдъ уходившимъ. Идутъ понуря головы и очевидно молча. Вонъ на перекресткѣ одинъ распротился съ товарищами и свернулъ вправо, сейчасъ еще двое свернуть. Такъ-то, думалось мнѣ, и всѣ вы разбредетесь изъ родного гнѣздышка...

Село скрывается отъ нихъ за горой. Скоро имъ видно будетъ только два креста—церковный и школьный. Это двѣ послѣднія точки, которыя увѣнчаютъ собою всю сумму впечатлѣній школьныхъ годовъ. Онѣ же и начали ихъ. Это хорошій знакъ.

Вотъ они скрылись. Порвалась послѣдняя связующая нить. Грустно стало!.. Прощайте, милые! Какъ-то управите вы жизненный путь свой? Все такъ же ли будете пламенѣть любовію ко всему прекрасному, безошибочно опредѣляя его, если не разумомъ, то серд-

цемъ? Съ такой же ли вѣрою и любовію зажжете вы свѣточъ знанія и образованія въ убогихъ вашихъ деревняхъ, семьяхъ и школахъ, какъ это сдѣлали ваши товарищи и мечтали вы сами? Или же заѣсть васъ темная среда, и будете вы опять...?

Но прочь черныя мысли! Наше солнышко еще только восходитъ, и умѣстно ли говорить веселымъ утромъ о мракѣ ночи?!..